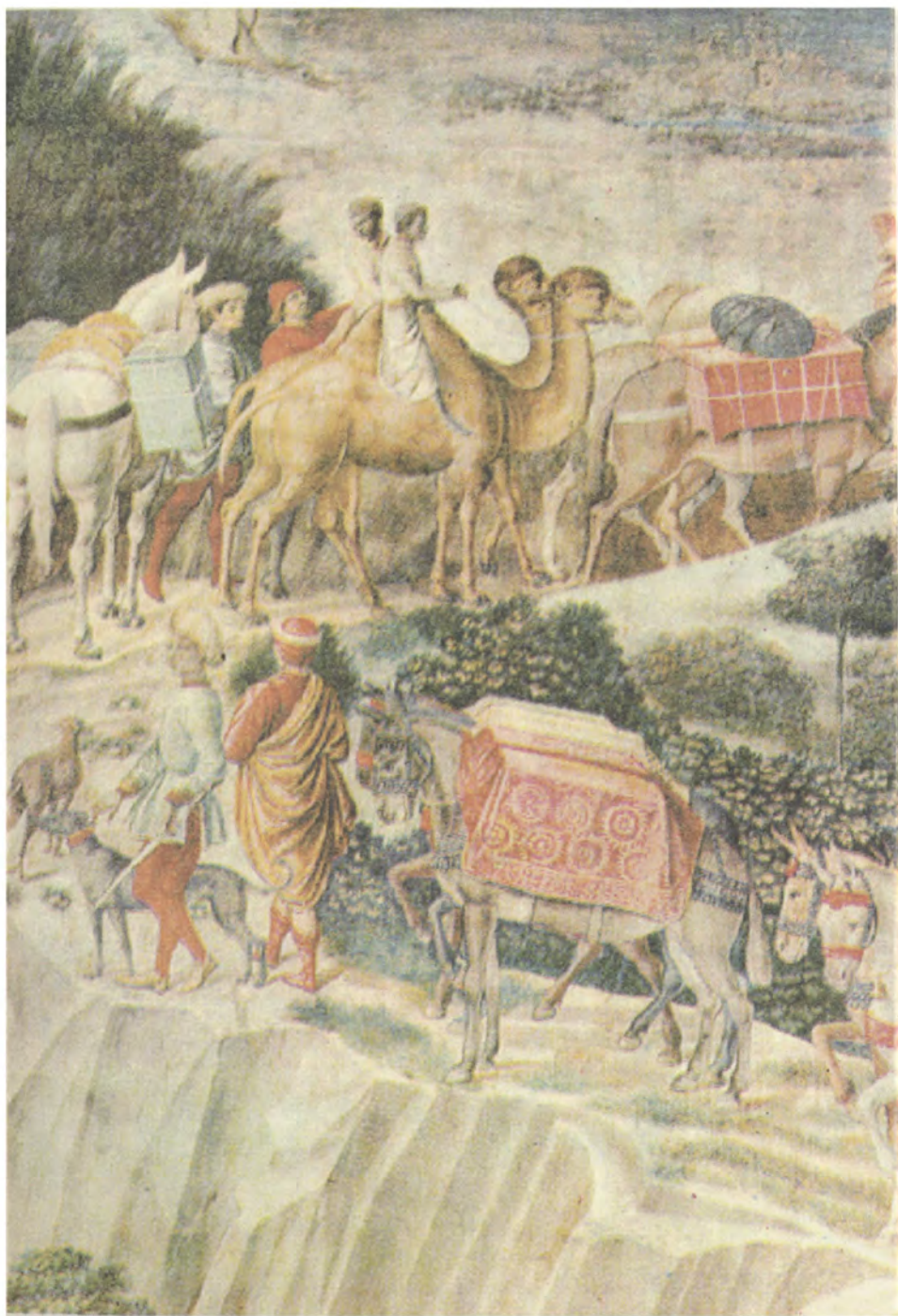

СЕВЕР и ЮГ В ИСТОРИИ КОММЕРЦИИ

Тюменский государственный университет

А.Г.ЕМАНОВ

**СЕВЕР И ЮГ
В ИСТОРИИ КОММЕРЦИИ:
на материалах Кафы XIII - XV вв.**

**Тюмень - 1995
МИ "РУТРА"**

ББК 63.3(2)43

Е 60

Отв. редактор **А. В. Чернышов**

Рецензенты:

профессор Санкт-Петербургского университета **Г. Л. Курбатов**,
старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН
К. А. Жуков

© А. Г. Еманов, 1996

© МИ "РУТРА", 1996 (издание)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общепризнана дихотомия Запад - Восток как сосуществование двух типов культур и ментальностей, противостоящих друг другу, не могущих "сдвинуться с места", как говорил некогда Р. Киплинг, при всем "духовном исходе" восточной цивилизации в западном направлении и "мистическом паломничестве" Запада на Восток. В то же время, подобное противопоставление, ставшее знаменем индустриальной эпохи, являет собой очевидный интеллектуальный миф. Само европейское общество в той же мере содержит как "восточное" начало, в своей неподвижности, с его привязанностью к земле и силам природы, в лице крестьянской культуры, так и отличающееся мобильностью "западное" начало, с его культом техники, богатства и денег, воплощенным в этосе купца и предпринимателя. Здесь, может быть, ничуть не меньшее значение имела устремленность Север - Юг, уподоблявшаяся в христианском сознании вертикали крестного распятия. Нельзя забывать того места, которое занимал Север в европейской эсхатологии и аксиологии, равно как и значение Юга в осознании духовного родства русского и вообще северных народов. Эти мотивы, а не только прагматические побуждения, составляли южан из Италии Маттео и Андреа Фрязей доходить до Печоры, или немца Иоганна Шильтбергера - до сибирской Чимгитурь, и наоборот, северянина Афанасия Никитина отправляться до пределов Индии.

Именно поэтому, в отличие от давно установившейся традиции, я намерен обратиться к теме торговых отношений не между Западом и Востоком, но между Севером и Югом, отношений, которые служили не столько интересам преходящей прибыли, сколько обмену достижениями культуры и материальной цивилизации, обогащению знаниями и технологиями, усовершенствованию социальной организации в целом. Благодаря торговым отношениям мир уже в отдаленном прошлом составлял определенное единство, более тонко ощущавшееся, чем простое присутствие редкостей южного импорта в обществе жителя Сибири и "сапфировых" мехов Приполярья в гардеробе элиты южных стран.

Осознавая ограниченность индивидуальных исследовательских возможностей, я намерен осветить эту тему на материале достаточно крупного центра мировой торговли, через который осуществлялось

сообщение между Севером и Югом, именно Кафы (современная Феодосия). Этот материал послужил для меня экспертным срезом подобно тому, как малая выборка служит показателем свойств генеральной совокупности.

Заклучая краткую презентацию своего исследования, я хотел бы с чувством неизбывной благодарности и признания вспомнить о той поддержке и том участии, которые мне оказывали преподаватели кафедры истории средних веков Петербургского университета во главе с профессором Г.Л.Курбатовым, обсуждавшие самые первые варианты моей работы, сотрудники Эрмитажа, прежде всего его Отдела нумизматики во главе с В.М.Потиным, проявлявшим всегдашнюю заинтересованность в публикации результатов моего исследования, Отдела Востока, в лице М.Г.Крамаровского, внимательного критика моих предварительных наблюдений. Я признателен медиевистам Института истории (С.-Петербург), в особенности, И.П. Медведеву, В.И. Мажуге, Л.Г. Климанову, сотрудникам Института археологии (С.-Петербург), прежде всего А.Н.Кирпичникову, рекомендовавшему к изданию мою монографию, сотрудникам Института востоковедения (С.-Петербург), в первую очередь моему постоянному оппоненту К.А.Жукову. Слова глубокой признательности я обращаю коллегам кафедры истории средних веков МГУ во главе с академиком С.П.Карповым за ту благосклонность, которую они неизменно проявляли к моим изысканиям последних десяти лет. Я благодарен кафедре истории древнего мира и средних веков Одесского университета, признавшей мой труд достойным издания, равно как и всем специалистам по южной археологии, с которыми мне приходилось общаться, в частности, А.И.Айбабину, И.А.Баранову, А.Г. Герцену, В.Л.Мыщу, А.И.Романчук, В.П.Степаненко, Н.М.Фомичеву и др. Я не могу не вспомнить благословения безвременно ушедших члена-корреспондента АН В.И.Рутенбурга, профессоров П.О.Карышковского, Л.С.Семенова, В.В.Штокмар. Я хотел бы воздать должное моим зарубежным коллегам - профессорам Л.Баллетто, Дж.Бальби, С.Дюль, К.-П. Мачке, Ф.Палларес, Дж.Пистарино, Г.Приндигу, Д.Пунку, Б.Л.Стрина, М.Ф.Тьеполо, Г.Хенриху, П.Шрайнеру, Д. Штекли, П. Штрессле, В.Штримеру и другим, дружеское участие которых позволило мне преодолеть информационный вакуум российской провинции. Я особенно дорожу помощью моих ближайших друзей по Тюменскому университету - С.В. Кондратьева, С.С. Пашина, Н.С. Половинкина, В.С. Турова, с которыми я обсуждал самые различные вопросы от "русской космологии" и "вестернизации" - до славянских метрических систем. Давая жизнь этой книге, я надеюсь, что она обретет заинтересованного и критически мыслящего читателя.

ВВЕДЕНИЕ

История коммерции вплоть до XVIII в. не входила в круг проблем, достойных внимания знатока древностей. Лишь Век Просвещения, среди многих озарений, утвердил и новый взгляд на историю: не только как на энциклопедию морально-назидательных примеров, всякий раз обнаруживавших удручающие лакуны, не только как на компендий великих героических деяний, которые зачастую оказывались преступлениями и злодеяниями, но и как на процесс постоянного роста цивилизации, определявшегося усилиями наиболее действенных и созидательных групп общества, прежде всего купцов и предпринимателей.

Среди сторонников такого воззрения были Г.Одерико (595), В.Формалеони (529), А. де Капмаини (132) и С. Байер (473), создавшие первые труды, в которых история мирных торговых сообщений между народами была предпочтена истории войн, утверждения и гибели государств. На их работах сказалась некая магия Востока, надолго предопределившая приоритеты в освещении истории международной торговли как торговли между Западом и Востоком. Эта исследовательская позиция, с романтическим интересом к экзотике Леванта, его редкостям и сказочным богатствам, нашла продолжение в книгах Дж.Фагуччи (525), Д.Нараини (590), Ж.Депана (514) и Э. де ля Примодэ (618). Только, может быть, последнему из упомянутых авторов среди фантастических специй и шелковых, расшитых золотом материй Востока удалось найти место товарной продукции Черноморского региона, в характеристике которой, впрочем, не было замечено отличий от времен греко-римской античности (618). Положение об особой роли Черного моря в сообщениях между Востоком и Западом, усилившейся после гибели латинских владений в Святых Землях в конце XIII в., нашло специальную аргументацию в исследованиях М.Мевиль (581), Дж. Канестрини, Ш.Мас Латри (185; 186) и М. да Канале (505).

Синтез достижений европейской историографии XVIII - 60-х г. XIX в. был осуществлен немецким исследователем В.Гейдом в его ставшей классической "Истории левантйской торговли в средние века" (540). Эта работа, и поныне совершенная во многих отношениях, обнаруживает несколько деформированную оценку характера обмена между Востоком и Западом, основу которого якобы составлял импорт в Европу дорогих левантйских товаров, что привело, по мысли историка, к оттоку драгоценных металлов на Восток. Едва ли приемлем и его излишне позитивистский взгляд, проецировавший представления человека XIX в. на реалии отдаленного средневековья, например: на те же специи, ибо они отнюдь не были предметом чрез-

мерных гастрономических пристрастий европейца, но являлись, по преимуществу натрохимическим, врачевательным средством.

Обращение к вопросам истории торговли в русской историографии началось с увлечений южным антиквариатом, не отделившихся от любительского интереса (375; 378; 379; 398). Первые исследовательские изыскания, начало которым положили работы П.И. Кеппена (328) и Н.М. Мурзакевича (377; 583), фокусировались на проблеме образования генуэзских торговых поселений в Крыму (312; 339; 340). Предпринятое ими изучение письменных и материальных источников, свидетельствовавших о былой активности итальянцев в Северном Причерноморье, было подхвачено В.Н. Юргевичем (75; 87), М. Волковым (267; 268), Ф.К. Бруном (253; 254; 255), Е.Д. Фелицыным (427) и некоторыми другими (260; 263; 264; 359; 362; 406; 431). Ими были введены многие новые данные по исторической географии и археологии, эпиграфике и нумизматике, в частности, первые сведения о генуэзско-татарских аспрах и фоллери Кафы (62; 63; 64; 276; 555), но, в целом, им не удалось создать концептуальных работ, сопоставимых с монографией Гейда (ср.: 239; 240).

В начале XX в. появились более широкие по заявленной тематике исследования Ю. Кулаковского (358) и Н. Грушевского (277), где так или иначе нашли отражение вопросы истории торговли, в частности, о состоянии торговых путей из Кафы на Украину. Тогда же М.М. Ковалевский (332; 333; 334), привлекая материалы Венецианского архива, рассматривал вопрос о функционировании торгового пути на Тану, в устье Дона. В отличие от своих современников, он писал о значимости черноморских портов не только для сообщений с Востоком, но и для вывоза местной сельскохозяйственной продукции.

Последующие поколения российских историков - Н. Эрнст (458; 521), А.Л. Бертье-Делагард (248), Л.П. Колли (335; 336; 337; 338), Е.С. Зевакин, Н.А. Пенчко (308; 309; 658), М.К. Старокадомская (411; 412; 413; 639), И.А. Гольдшмидт (273; 274), А.М. Чиперис (443-446; 507; 508), С.А. Секиринский (395; 396; 630), Н.П. Соколов (408; 637), В.В. Бадян (239-242), Э.В. Данилова (280; 281) и некоторые другие (238; 244; 257; 258; 371-373; 649) - расширили проблематику истории торговли в Черноморском регионе, обратив внимание на положение местных торгово-предпринимательских слоев, из числа греков, армян или готов, показав роль русского купечества в отдельных отраслях торговли, например, поставках пушнины (412; 639), отметив развитие городского ремесла в Кафе (274). В.Е. Сыроечковский (414; 415), Е.Ч. Скржинская (22; 42; 399-402; 633-635) и М.В. Фехнер (429), продолжая историографические опыты Н. Эрнста (458; 521), радикально повернули спектр научных интересов на "славянский мир"; ими была предпринята попытка выяснения роли черноморских пор-

тов в дистрибуции европейских и левантийских товаров на Русь (ср.: 241; 380; 486), что, однако, без привлечения массовых источников, могло иметь только иллюстративный характер. Вообще, по справедливому заключению П.Штрессле (641), постреволюционная российская историография, оказавшаяся в условиях информационного голода и жесткой идеологической цензуры, была обречена на коловращение вокруг избитых "общих мест" марксистской социологии: отображения эксплуататорской сути купеческого капитала, нарастания классовых антагонизмов, колониального характера итальянских поселений и прочее.

Польские и молдавские историки, прежде всего, С.Кутшеба (557), Й.Нистор (592; 593), С.Левински (563) и Л.Харевич (509), продолжая начинания М.Дубецкого (518), внесли свой вклад в изучение истории торговли с Востоком, показав, что левантийский товар в той же мере, в какой он транспортировался из Кафы морем в Италию, направлялся по "татарской" и "молдавской" дорогам на Львов и Польшу в целом. Вершинными здесь стали работы М.Маловист (571-574), в особенности ее монография "Каффа - генуэзская колония в Крыму и проблема Востока" (572). Усиление сухопутных сообщений Кафы со Львовом, Краковом и другими польскими городами во второй половине XV в. исследовательница связывала с турецкой экспансией и блокированием Босфора после взятия Константинополя в 1453 г., что было, как показали новейшие исследования (497; 498; 547-549; 656 и др.), весьма относительным. Кроме того, Маловист, как и ее предшественники, преувеличивала посреднический характер торговли Кафы, отведя лишь несколько строк ремеслу этого крупнейшего на Черном море города (572, р.100). И, конечно же, не может быть принято отрицание названными историками сколько-нибудь значительной и регулярной торговли в северном направлении.

В западноевропейской историографии штудии Гейда стимулировали архивную эвристическую деятельность: Х.Сивекнинг (632) обратился к материалам финансовой отчетности главного банка Генуи и, пожалуй, всей Северной Италии - банка Сан Джорджо, впервые коснувшись приходно-расходных книг, так называемых "массарий" Генуи и Кафы; Г.Тафель (225), Г.Томас (140; 224; 225), Л. Бельграно (98; 115-117), К.Манфрони (184), Г.Мюллер (194; 230), Дж.Бертолотто (118), А.Винья (219; 229) и другие (137; 138; 141; 142; 197) изучали документы генуэзской и венецианской торговой политики на Востоке; Л.Саули (164) ввел в научный оборот документы генуэзского "Ведомства Газарии", а Н.Йорга опубликовал фрагменты массарий Кафы, генуэзских и венецианских ведомств, записывавшихся делами Романии (166; 167); К.Дезимони (136) и А.Ферретто (151) начали изучение нотариальных актов генуэзских факторий на Востоке, продолженное в серии публикаций Г.Брэттиану (91; 124-126); В.Орландини (200),

Ф.Борланди (123) и А.Эванс (149), продолжая давние поиски Дж. Паньини делла Вентура (202), предприняли комментированные издания средневековых итальянских "руководств по торговле".

Вся эта деятельность далеко не сразу освободила историческую мысль от миража Востока: он продолжал вдохновлять все новые и новые экскурсисы медиевистов XX в., таких как А.Шаубе (624), Э.Фридманн (531), Х.Хеймпель (538), Р.Хенниг (82), М.Ломбар (565; 566), Л.Петек (608), В.Штромер (642) и других (471; 472; 619-621; 631).

Открывшиеся возможности оперировать массовым материалом, количественными данными на макро- и микроструктурных уровнях привели к радикальному пересмотру прежних воззрений. В фундаментальных исследованиях Г.Брэттиану (501-503), Р.С.Лопеца (567; 568), Ж.Эрса (536; 537), Дж.Муссо (584-589), Э.Аштор (471; 472), М.Балара (474-482) и их коллег (107; 550; 560; 594; 597; 611; 620; 621; 627; 644) была определена относительная узость импорта на Запад восточных "Luxuswaren", когда устами А.Ботье (113) было заявлено о "мифе специй", когда выявилась гораздо большая доля сырья, а именно: шелка и хлопка-сырца, а также красителей, в которых нуждалось европейское текстильное производство. Кроме того, специальные исследования по истории торговли тканями, прежде всего А.Лорана (561), Э.Баратье (492) и некоторых других (144; 145; 176), убедительно продемонстрировали нараставшую активность экспорта с Запада на Восток льняных и хлопчатых полотен, шерстяных сукон, а позднее, с XIV в., и шелковых материй, потеснивших традиционную продукцию Леванта. Собственно говоря, европейский текстиль, но отнюдь не золото и серебро, был тем денежным эквивалентом, который обеспечивал Запад и прибыли, и поступление необходимого сырья. Р.Мороццо делла Рокка (191-193) и Р.С.Лопец (180; 568) привели серию генуэзских и венецианских документов, подтверждавших наблюдения о устойчивых поисках итальянцами рынков сбыта западноевропейского текстиля и рынков сырья далеко на Востоке: в золотоордынском Сарае, Ургенче, индийском Дели и городах Китая. Количественный анализ книг налоговых ведомств позволил сделать взвешенные заключения о динамике торгового обмена. И уже Р.Лопец в своих ранних трудах (567) высказывал мысль о спаде средиземноморской торговли во второй половине XIV в., задолго до взятия Константинополя турками, под воздействием внутренних факторов, связанных с реорганизацией европейской экономики. Эта идея нашла дальнейшее подтверждение в монографии Б.Кедар (553) и в получающей все большее признание концепции кризиса XIV - XV в. (252). Получили монографическое освещение те отрасли торговли, которые не были известны прежде, например: работорговля, исследуемая в трудах Ш.Верлиндена (650-655), Д.Джоффри (532), Л.Тарди (643) и С.П. Карпова (36; 313; 319); торговля пушниной (512; 539), солью (541),

зерном (320; 487) и рыбой (488; 489). В поле исследования истории международной торговли вводится все новый материал, отражающий всю сложность полиэтнического мира Средиземноморья. Труды Амин аль-Хали (235), А.Даррага (511), С.Лабиба (558) предоставили в распоряжение ученых новые данные об арабской торговой активности в Северном Причерноморье. Работы Х.Иналджика (547-549) и К.А.Жукова (303; 304) ввели в научный оборот неизвестные прежде турецкие источники. Исследования Н.Икономидис (597), А.Лаю-Томадакис (559; 560), М.Нистазопулу (594), К.-П.Мачке (576-579), П.Шрайнера (625-628) значительно расширили представления о торговой деятельности греческих купцов. С.П.Карпов (313-323; 552) привел принципиально новые данные об участии трапезундского купечества в большой торговле.

Существенное обновление исторического знания во второй половине XX в. связано в немалой степени с достижениями школы "Анналов" и утверждением концепции "глобальной истории" Ф.Броделя (252). Мир XIII-XV в., несмотря на его относительную узость, охватывавший лишь Европу, Азию и Африку, условно объединенных Средиземным морем, стал осмысляться в своем тесном единстве, в своей взаимообусловленности. По мысли Броделя, прогресс Европы не мог быть достигнут вне связи с остальным миром, более того, он существенно зависел от давления самой отдаленной периферии тогдашней ойкумены. Сам этот мир приобрел в видении историка сложную структурированное понимание: внеэкономическая экономика, со всем ее натуральным обменом, расчетом услугами, самостоятельным ремеслом, рыночная стихия, с ее непредсказуемой игрой курсов и прибылей, и капитализм, с его жесткой организацией и иерархией. Как показал исследователь, до 40% общественных богатств предопределялись низовым уровнем инфразкономики.

Определенное воздействие взглядов Броделя сказалось на трудах М.Балара (476; 477), на громадном эмпирическом материале созданного убедительную концепцию симбиоза культур в рамках "Латинской Романии". Влияние школы "Анналов" ощущается в работах Дж.Пистарино (609-616), оперирующего понятием "ментальность" для характеристики особенностей поведенческих стереотипов торговых контрагентов, принадлежавших к различным этносам и культурам. Определенный интерес к "структурам повседневности", в терминах Броделевской теории, проявляет Л.Баллетто (107; 485-491), давшая лучшие образцы исследования бытовых реалий городской среды XIII - XV в., в их мельчайших деталях. Общему движению новейшей европейской историографии следует и отечественная школа С.П.Карпова, объединившая усилия Н.М.Богдановой (251), С.В.Близовок (249; 250), А.Л.Пономарева (386; 387), В.Г.Ченцовой (441) и Р.М.Шукурова (456), которые владеют всеми исследовательскими

техниками: от герменевтики, истолкования терминов - до структурного анализа и количественных методов.

Вместе с тем, охарактеризованная историографическая ситуация обозначает очевидную неосвоенность современной медиевистикой северного сектора международной торговли, который в XIII - XV в., веках начинавшегося в Европе Ренессанса, только отчасти и внешне был затронут денежным обменом, но тем не менее составлял ничем не восполнимую часть единого целого. Мне думается, что в настоящее время направленность исследовательской тематики может и должна быть развернута на 90°, а именно: на разрешение проблемы не Запад-Восток, но Север - Юг в истории мировой торговли. Именно этой цели я и попытался подчинить предпринятое мною монографическое исследование.

В круг моих ближайших задач входило не столько рассмотрение товарной структуры обмена или оценка его масштабов, сколько установление реальной значимости южного товарного потока для Севера в его социальном и географическом распространении; эта значимость зачастую оказывалась более весомой, чем ее могли репрезентировать фрагментарно сохранившиеся источники; на ней сказывались как рациональные, так и иррациональные представления о тех или иных товарных статьях, без учета каковых взгляд на торговые отношения XIII - XV в. неизбежно оказывался бы модернизирующим.

Основанием подобного научного поиска послужили не только выше рассмотренная историография, но и обширный круг источников различного характера и происхождения.

1. Прежде всего, это дипломатические документы: хрисовулы византийских императоров, даровавших свободу торговли в Черноморском регионе как итальянцам, наряду с каталонцами и провансальцами; так и левантинцам, ранее всех - арабам (35; 90; 115-117; 118; 140; 141; 143; 177; 184; 194; 208; 225); ярлыки и соглашения с ханами Золотой Орды и татарскими наместниками Крыма, предоставлявшими торговые льготы в пределах "татарского мира" (89; 137; 140; 141; 177; 185; 186; 208); привилегии молдавских и валашских господарей, регламентировавших прохождение по "via tartarica sive moldavica", то есть по "татарскому" и "молдавскому" торговым путям (45; 73; 86; 120); привилегии польско-литовских правителей, разрешавших торговать купцам из Кафы в подвластных им городах (94; 206), к числу которых тогда относились Львов и Киев, игравшие существенную роль в сообщениях с Севером; договоры с турецкими султанами (50; 114; 116; 117; 208), отразившие заинтересованность Османской империи в дальнейшем развитии торговли через Босфор и черноморские порты; материалы переговоров Московского княжества с Польско-Литовским государством (1487-1533) (51) и Крымским

ханством (1474-1505) (50), дающие возможность почувствовать пульс тогдашней торгово-предпринимательской жизни: отсутствие правовых гарантий деятельности купца, его незащищенность перед высокопоставленными чиновниками, рядовыми таможенниками, а то и просто перед бандами грабителей; это, далее, дипломатические послания, которыми обменивались Генуя и Венеция (193; 208), проливающие свет на скрытые механизмы торговой активности итальянцев в Татарии и левантийцев, в частности, греков, армян и евреев; послания, которыми обменивались итальянские республики и Византийская империя (116; 208), говорящие о различных разногласиях по поводу ли налогов и пошлин, или же сомнительного предоставления итальянского гражданства местным купцам, позволяющим пользоваться льготами Генуи и Венеции; наконец, официальные петиции, составлявшиеся на межправительственном уровне, с перечнем имущественного ущерба, причиненного купцам, поданным жаловавшей стороны, с прошением о его возмещении (118; 140; 141; 208).

2. Далее, это публично-правовые акты: постановления сената и других ассамблей Венеции, касавшиеся снаряжения галер Романии, назначения чиновников, организации и развития торговых факторий (150; 166; 167; 197; 222; 223); постановления властей Генуи, ее различных ведомств, прежде всего "Оффиции попечения Романии" (96; 108-110; 167) и "Оффиции Газарии" (164; 528), контролировавших навигацию в Черном и Азовском морях; регистры налоговых ведомств (127; 156; 205), позволяющие получить данные об объеме экспорта или импорта той или иной товарной статьи; фрагменты приходно-расходных книг Перы (116) и Кафы (166; 167, t.IV), свидетельствующие о доходах от торговли; материалы коллегий синдиков и ревизоров (115; 121), контролировавших финансовую деятельность торговых факторий, их властных инстанций; распоряжения протекторов Банка Сан Джорджо (229), распоряжавшихся делами Кафы и других торговых поселений генуэзцев в Северном Причерноморье после 1453 г.; муниципальные документы некоторых городов (94; 130; 206), лежавших по западно-татарскому торговому пути, в первую очередь Львова.

3. Отдельную группу составили законодательные документы, из которых наибольшее значение имели статуты Кафы, начиная с сохранившегося в виде перечня рубрик статута 1290 г. (505, V.II, p.227), запрещавшего властям Кафы чеканить собственную монету; Ordo de Caffa от 18 марта 1316 г., с пояснениями 22 и 26 марта, и Certus Ordo de Caffa, из 51 статьи, от 30 августа 1316 г. (164), отразившие торговую активность в Крыму и Азове, среди прочего - обязанность капитанов всех судов, шедших в северном направлении, останавливаться на стоянку в кафском порту; регламентации 10 апреля 1398 г., с добавлениями от 18 апреля (218), признававшие Кафу главным админи-

стративным центром всех генуэзских торговых колоний на Черном море и в Газарии; устав от 28 февраля 1449 г. (75; 219), составленный при доже Лодовико Кампофрегозо, 96 глав которого касались самых разнообразных сторон жизни Кафы и подчиненных ей пунктов, включая положения торгового, рыночного права и нормы коммерческой навигации; кроме того, статут Перы 1304 г. (207), содержавший правила плаваний в зимнее время; наконец, законодательство самой Генуи, приобретшее завершённое оформление в 1403 г., после общей ревизии генуэзского статутного права маршала Бусико (173), в котором для меня наибольшее значение имели статьи, касающиеся плаваний в Черное море, фрахта судов, оплаты транспортировки различных грузов.

4. Наиболее значительную группу источников образовали частно-правовые акты: это тысячи нотариально оформленных контрактов о морском товариществе и коменде, предшествовавших современным компаниям, о фрахте и камбио, наиболее ранней форме векселя, о займах и ссудах, приобретавших, ввиду запрета церковью всякого процента, форму условной продажи товара с отсрочкой платежа, о прокурациях, то есть доверенностях и поручениях, о найме, погашении обязательств, завещаниях; это протоколы судебных разбирательств по поводу имущественных прав, инвентарные описи имуществ, регистрации аукционных продаж; это акты, составленные в Генуе (20; 122; 144; 145; 151; 176; 195; 503) и Венеции (131; 179; 188; 189; 191; 216), на Кипре (102; 103; 136; 151; 179) и Хиосе (104; 154; 211), в Рагузе (современный Дубровник) (170) и Пере (91; 105; 122; 124; 125; 209; 210), имевшие целью своих торговых предприятий порты Северного Причерноморья и, в первую очередь, Кафу; конечно же, акты самой Кафы (20; 91; 93; 100; 106; 107; 113; 122; 124-126; 144; 176), отразившие устремленность кафского купечества к гаваням в Западном Причерноморье и к Приазовским портам, вплоть до Волжского Сарая; акты других черноморских (101; 106; 126; 203) и азовских (36; 131; 150; 651) городов; русские духовные грамоты (72) и инвентарные описи (31; 49; 237).

5. Следующую источниковую группу дали торговые книги и письма, среди которых наиболее существенны "Учебники по коммерции", принадлежавшие перу Тосканского Анонима начала XIV в. (113), Франческо Бальдуччи Пеголотти, 40-х г. XIV в. (149), представлявшего торговый дом Барди на Кипре, Дж.Кьярини (123) и Дж. Уццано (202), относящиеся к XV в., и некоторые другие (129; 200); все они выбрали в себя обширную информацию о состоянии рынка, условиях обмена, единицах измерения, денежных системах, вексельных курсах от Лондона до Канбалька (ныне Пекин), во многом следуя античной топике "Великого шелкового пути" и как бы игнорируя протяженность известного к тому времени мира на Север; сюда же

относится "Книга счетов" венецианца Джакомо Бадозера, 1436-1440 г. (147), давшая наиболее яркий образец итальянской системы "двойной бухгалтерии"; в этом же ряду находятся коммерческие письма Франческо Датины, факторы которого действовали в Кафе, Тане и многих других городах (187; 188; 189), эпистолярное наследие рода Медичи, имевшего представителей в Москве и еще дальше на Севере, вплоть до Скандинавии (74; 189), корреспонденция венецианца Пипьоло Цукелло (192), полученная им в 1336-1350 г. из Северного Причерноморья и касавшаяся торговли пушниной, и другие (92; 155).

6. Близкой к ним группой стали нарративные источники: записки дипломатов, как например, испанцев Рюи Гонсалеса Клавихо, исполнявшего в 1403-1406 г. миссию кастильского короля Энрико III к Тимуру (40; 41), и Перо Тафура, посетившего в 1435-1439 г. Кафу и Крым (221), или бургундца Жильбера де Ланнуа (1386-1462), описавшего "татарский путь" от Каменца-Подольского до Кафы (172); это описания венецианцев Иосафата Барбаро (1431-1494), упомянувшего под именем "Zagatai" не область буртасов, как полагала Е.Ч.Скржинская (22, с.159, 185, сл.152), но Сибирь, к Северо-Востоку от Казани, и Амброджо Контарини, прошедшего в 1474-1477 г. от Киева до Кафы и потом Волжским торговым путем до Москвы (42); существенным дополнением к ним служат записки Паоло Джовио 1525 г. (34), составленные со слов русского посла Дмитрия Герасимова и содержащие сведения о торговых сообщениях по Волге и ее притокам с Москвой, Великим Устюгом, а через них с Пинегой, Печорой, Уралом и Сибирью, а равно и письмо Альберто Кампензе (1490-1542), римского легата в Москву, чьи отец и брат давно жили на Руси, знали язык и обычаи, что нашло отражение в его сообщении о Московии (174); сюда же примыкает обширное сочинение Зигмунда Герберштейна (1486-1556), включавшее древнерусский дорожник конца XV в. с обозначением пути от Волги в Зауралье (29) и другие (23; 175); это, далее, рассказы миссионеров, порой выставлявшие в целые трактаты, как те, что принадлежали Плано Карпини (1185-1252) (60), Гильому Рубруку (1220-1270) (60; 212), Иоанну Галонифонтскому (27), останавливавшимся в Кафе в конце XIV - начале XV в., или, напротив, краткие отчеты, как например, Джованни Монтекорвини (1247-1328) (158, v. I, р. 302-307; 227, р. 340-355), Джованни Мариньолли (1290-1360) (158, v. IV, р. 250) и других (111; 158; 165; 226; 227), важные для установления географического происхождения основных товарных статей; это сочинения купцов, как весьма популярные, если вспомнить "Книгу" Марко Поло (1254-1324) (58; 204), так и, наоборот, мало известные, вроде сочинения Антонио Узодимарс (1416-1462), описавшего Переволоку с Дона на Волгу (97), или вовсе неизвестные, наподобие фрагмента Джованни Бембо 1545 г. (224), сообщавшего о плаваньях по Дону и сухопутных сорокадневных передвижениях до Мос-

квы; но, может быть, самым прославленным сочинением "пишущих" купцов стало "Хождение" Афанасия Никитина 1466-1472 г. (47), являющееся в то же время наиболее загадочным и непостижимым; в эту же группу входят описания паломничеств, как скажем, Игнатия Смолянина 1389-1405 г. (83), давшего точную хронометрию движения из Москвы до Константинополя по Дону, Азовскому и Черному морям; кроме того, сюда же относятся концептуальные трактаты, как например, Эммануэле Пилоти (146), венецианца критского происхождения, вдохновленного крестопосной идеей борьбы с мусульманским миром; редкий по жанру - дневник пленника, каковым был в течение 1394-1427 г. немец Иоганн Шильтбергер (84; 85; 214), и которого судьба забросила в Сибирь, как я считаю, в хаотическую ставку, а именно: в Чимги-Туру (88); это, далее, историко-географические сочинения арабских и персидских авторов (66; 67), среди которых наибольшее значение имели Рашид-ад-Дин (1247-1318) (61) и Ибн-Баттута (1304-1377), сообщавший о регулярном сообщении между Волжским Булгаром (сейчас с.Болгары около Самары) и "страной мрака", то есть Сибирью; это - сочинения итальянских (98; 153; 157; 220), немецких (139), польских (178), византийских (196), армянских (28) хронистов, а также русские летописи (53-57); наконец, завершают круг повествовательных текстов некоторые эпические и поэтические сочинения (26; 37; 95; 182; 183), дающие яркие образы торговых людей XIII-XV в. и незабываемые примеры бытования импортных вещей.

7. К особой группе источников, редко выделяемых историками, я отнес материалы исторической лексики, то есть терминов, понятий XIII - XV в., иной раз XVI в., обозначавших товары, меры измерения, денежные единицы и т.д., которые извлекались мною из средневековых глоссариев, в частности из трехязычного латинско-тюркско-персидского словаря начала XIV в., составленного, вероятнее всего, в Кафе и известного под названием "Кодекс Куманикус" (159; 517), а также из специальных лингвистических тезаурусов, содержащих средневековую лексику, начиная со знаменитого словаря Академии делла Круска (657; также, см.: 148; 495; 510; 582; 602; 617) и заканчивая новейшим изданием "Словаря древнерусского языка X - XIV в." (405).

8. В специфическую группу были объединены картографические пособия, как описательные - латинские портоланы (138; 163; 168; 171), греческие периплы (133; 134; 224), арабские лоции (21), включавшие описания береговой линии, с обозначением гаваней, расстояний до них, визуально воспринимаемых особенностей рельефа и других ориентиров, так и сами карты (9; 10-12; 25; 44; 138; 162; 190; 198; 201; 213), вычерченные по компасу, берущие начало с первых чертежей Черного моря Пьетро Висконти 1311 г. (198, map.V) и заканчивающиеся оригинальными и еще не использовавшимися ис-

ториками картами Баттиста Альезе 1546 г. (10) и Джакомо Руссо 1569, 1577 г. (11; 12), из которых наиболее широкой географической номенклатурой отличался каталонский атлас 1375 г. (213, fol.32), знавший Сибирь, некоторые северные города, например, Тверь, Ростов; давая достаточно точный контур морского побережья, карты XIV - XVI в. ограничивались весьма условным и схематичным отображением континентальных областей, почти не выходившим за пределы античного кругозора.

9. Еще более специфическим источником стали эпиграфические памятники, к которым я, помимо традиционно используемых итальянских надписей (71; 87; 217; 520), отнес армянские (233, с.78), тюркские, арабские (15; 16; 311) и еврейские (128; 152; 161), отразившие живое сообщение Крыма с Малой Азией и Палестиной, что еще не находило должного освещения на страницах западноевропейских исследований.

10. Кроме того, мною широко привлекались нумизматические источники, почти не учитываемые в работах подобного типа, представленные, с одной стороны - находками иностранных монет на территории Феодосии, а с другой стороны - находками монет кафского чекана за пределами города (4-8; 32; 38; 39; 43; 46; 48; 52; 59; 62-64; 70; 77-81; 112; 160; 169; 181; 215), что позволило преодолеть молчание большинства источников о торговом обмене между Крымом и северными землями.

11. Наряду с этим, я стремился учитывать разнообразные археологические свидетельства, как правило, недоступные зарубежным ученым, отображающие функционирование связей Севера с Югом (1-3; 19; 30; 76 и др.), часть из которых мною почерпнута из личного ознакомления с фондами и экспозициями Эрмитажа, музеев Феодосии, Азова и других городов.

12. Наконец, чтобы воспринимать те или иные предметы торговли в историко-культурном смысловом контексте эпохи, я считал нужным обращаться к различным средневековым трактатам, например, по минералогии (17), дающим информацию о драгоценных камнях, по алхимии (18), содержащим сведения о металлах и красителях, по медицине и врачеванию (13; 24), описывавшим свойства специй и продуктов питания.

Весь этот источниковый фонд, вкупе с выше охарактеризованной историографией, и позволяет мне рассчитывать на разрешение стоящих передо мной исследовательских целей и задач, об успешности чего судить ученой аудитории.

ГЛАВА 1. КАФА НА ПУТЯХ "ИЗВАРЯГ В ГРЕКИ" И ОБРАТНО

Выражение Нестора - "путь из варяг в греки" - стало литературной метафорой, приметой эпохи древнерусской героической саги. Думается, однако, что оно обладает достаточным историческим и культурологическим смыслом для описания явлений XIII - XV в., когда утвердилось новая социо-политическая реальность - Золотая Орда, как-будто бы занявшая то место, которое прежде занимала Византия, ибо, при всех деформациях этого нового сосуществования, жизненный уклад Руси, причем не только в его внутренней направленности, сохранил свою связь с Никео-Константинопольским культурным кругом (370; 580). Вслед за "кыянами"-паломниками в Константинополь и еще дальше - в Святые Земли, колыбель христианства, этот путь проделывали русские клирики, как например, игумен Даниил или Игнатий Смолнянин, имевшие случай оставить известия о своих путешествиях (83; 570), а еще чаще оставшиеся безмолвными торговые люди северных русских княжеств и земель, придавшие ему более широкое социальное значение.

Для меня "путь из варяг в греки" не сводим к какому-то одному маршруту, пусть и весьма интенсивному, будь то Днепровский или Донской. Он представляется мне широкой зонной коммуникацией между Севером и Югом, в которой бассейн Черного моря, с его навигационными возможностями, занимал место своеобразного ускорителя, а Кафа являлась одним из его центральных звеньев.

Обозначенный путь с особой ролью незамерзающего черноморского порта Кафы (ср.: 420; с.180-181) недооценивается рядом историков (439; 440; 449; 450; 622), отдающих предпочтение континентальному обмену, тогда как морские сообщения обладали колоссальными преимуществами в сравнении с сухопутными, позволяя перевозить в 100 раз больше груза, в 4-7 раз быстрее и с гораздо меньшими издержками (596,р.35,55).

Предшествующие поколения исследователей (242; 254; 273; 280; 309; 312; 358; 359; 362; 377; 379; 411; 446) не располагали возможностями оценить потенциал купечества как самой Кафы, так и северных стран, ориентированных на обмен с этим городом, осознать размах и географию торговых операций.

На мой взгляд, сторона "варягов", как условное обозначение Севера, получила в XIII - XV в. значительное расширение, с явным смещением от Балтики в сторону Приполярного Урала и Сибири. Не случайно, Альберто Кампензе в 1522-1523 г. приводил расстояния от

Новгорода до Устюга (Usezug), Печоры (Perusrani, Pezorani) и вогульского Зауралья (Vahulzrani) как давно освоенные (174, р. 127). При этом, Новгород, традиционный участник сообщений между "варягами" и "греками" предшествовавшего периода, отнюдь не устранился из этой сферы в XIII - XV в., переориентировавшись на ближайшую Германию, как иногда полагают (439; 440; 449; 450; 539), но сохранил свою причастность к обмену Севера с Югом, что находит свое подтверждение в поездках новгородских купцов в Кафу и через нее в Заморье (51, с. 23; 414, с. 42), но в еще большей степени - в появлении именно в этот период новгородской гривны, платежного средства в виде слитка серебра, весом около 200 г. (39; 112), абсолютно паритетного кафскому соммо (350; 426; 523).

Помимо Новгорода, в торговле на рассматриваемых путях участвовали купцы из Коломны и Ярославля, Можайска и Дмитрова, Переяславля и Великого Устюга (414, с. 42-44), доходившие до Кафы и отплывавшие из ее порта в Царьград и Заморье. Но наибольшее значение приобрели Тверь, самый знаменитый представитель которой - Афанасий Никитин - оставил свидетельства о пребывании в Кафе (47, с. 17, 30), и Москва, с ее "фрязскими" (то есть итальянскими) и "сурожскими" (то есть из крымского города Сурожа, современного Судака) торговыми рядами, наполненными "кафимским" товаром (50, № 1-3, 10, 13, 19, 20, 22, 29; 51, № 2, 7), с ее крымской тарной керамикой и денежной единицей, эквивалентной кафской (261, с. 72).

Движение товара с Севера, как позволяют заключить специальные исследования западнорусского, московского и кыпчацкого материала (345; 346; 357; 415; 418; 429; 509; 521; 557; 573; 592; 603), могло осуществляться по нескольким направлениям: *via tartarica sive moldavica*, Днепровскому, Донскому и Волжскому. Однако применяемый мною метод нумизматического топографирования позволяет внести определенные коррективы в сложившиеся представления. Прежде всего, "виа тартарика" служила не только горизонтальному обмену Запад-Восток (ср.: 509; 518; 557; 563; 572; 573), но и вертикальному, то есть обмену северными и южными товарами. Лежавшие к Северу земли Белоруссии, Смоленщины и Прибалтики, входившие тогда в состав Литовского княжества, несомненно, имели выход на "татарский путь" через Владимир-Вольнский и Каменец-Подольский, что находит отражение в особенностях денежного обращения этих областей, отличавшегося включениями дирхемов и аспров Кафы, флоринов и венецианских дукатов XIII - XIV в., серебряных денариев Южной Италии и Венеции (1, д. 82; 19, с. 22, 58, 74, 81; 69, с. 207, 273, 321),

Рис. 1. Аспр с литовской контрамаркой "Колумны"

и, что особенно примечательно, вторичным обращением кафских аспров, контрамаркированных штампом литовского князя, возможно, Витовта (1392-1430) (160, № 50; 636, № 142).

"Виа тартарика" проходила через Львов, имевший стабильные связи с Кафой (346; 469; 509; 563; 572; 573), Черновцы, Сучаву, Яссы, далее либо через Килию в устье Дуная (101, 203, 605), либо через Монкастро, называвшийся еще Аккерманом (ныне Белгород-на-Днестре) (100, № 569; 126; 166; 592; 593), в которых существовали генуэзские колонии с консулом во главе и которые поддерживали регулярное морское сообщение с Кафой, что подтверждается, помимо актов, находками в Белгороде-Днестровском и Дунайской дельте крымских и кафских монет (I, 1898, д. 9, л. 63; 276, с. 301; 545, № 13), а также эмблемы генуэзского официала и перстня с гербом Лигурийской республики (348, с. 89).

Днепровским путем пользовались торговые люди Новгородской и Псковской республик, Смоленщины и Брянщины, и в то же время Московского княжества, несмотря на наличие более короткого маршрута по Дону. Через Чернигов, округа которого отмечена находками аспров Кафы (169, № 85), он выходил на Киев, где еврейская

община выделялась прочными связями с иудеями Кафы (33, с. 69; 382) и где известны клады с генуэзскими и кафскими монетами (32; 169, № 98), далее шел на Черкассы, Таванский перевоз, потом либо - вниз по Днепру до Илличе (Олешье), где был генуэзский фондако, связанный морской коммуникацией с Кафой (167, т. V, р. 38), либо - посуху на Перекоп и далее - через Карасу-Базар (Белогорск) и Солкат (Старый Крым) до Кафы. Этим маршрутом следовали Афанасий Никитин, возвращавшийся на родину и

Рис. 2. Аспр Кафы (вверху), дирхем Кафы (внизу)

умерший не доходя до Смоленска (397, с. 4), и жидовин Захарий Скарья, поставлявший Московскому государю драгоценности, права которого охранялись золотопечатной грамотой Ивана III (1462-1505) (50, № 10, 19; 275). Этой, по словам Михалона Литвина (178, р. 35), "древней, давно проложенной дорогой" пользовались, отправляясь не только в Московию или Новгород, но и еще дальше - в Данию и Швецию.

Донской путь, при всем скепсисе некоторых ученых, преувеличивавших фактор татарского риска (246; 287; 402; 458; 521), был определяющим для торговой активности Москвы и самым коротким, для прохождения которого требовалось 34-38 дней (570, р. 402-403). Он шел через Коломну, Рязань и Михайлов до Красивой Мечи, где куп-

цы "клялись в суда", далее Доном спускались до Таны (Азов) и потом плыли морем до Кафы. Этим маршрутом следовал в 1378 г. неизвестный Митяй, претендент на митрополичью кафедру, который "... поиде ... с Москвы на Коломну, а с Коломны за Оку реку перевезеся к Рязани ... и приидоша всю землю Рязанскую и приидоша в места Половечская, в пределы татарския и перешедше землю татарскую, приидоша к морю Кафинскому и ту в корабль всесоша" (53, с.30-32; 54, с.39). Впрочем, разыгравшаяся морская стихия не позволила продолжить путешествие до тех пор, пока изнуренный Митяй не умер и, подобно принесенному в жертву Ионе, не был снесен с корабля и предан погребению. Дальнейшее плавание до Константинополя поставило во главе миссии Пимена, вместо Митяя рукоположенного в митрополиты, но не признанного Дмитрием Донским (53, с.32; 54, с.39). Известно, что он взял займы у генуэзцев Кафы 20 тыс. соммо, потом долго выплачивавшиеся московским князем в рублях (56, с.123). В массариях Кафы сохранилась запись 1382 г. о выдаче денег на приобретение вина, фруктов, сладостей, сахара по случаю приема Пимена уже как митрополита, возвращавшегося в Москву (167, v, V, р.39). Пережив княжескую опалу, в 1389 г. он вновь прошел Донским путем, а затем морем из "Кафинского лимена" до Константинополя, добиваясь восстановления в митрополичьем сане. Не выплаченный к тому времени долг вызвал инцидент с итальянцами: "... въкладшеся въ корабль на устьи Доугу под Оваком (Азовом - А.Е.). И отступихомъ въ море и бысть о полнощи кораблю стоящу на якорі, и нѣкото-ри оклеветаша ны въ градъ и догнаша ны фрагове въ сандалцехъ, и паскакаша корабль ..." (54, с.96-97; 83, с.4). Тот же путь был избран миссией Иерусалимского патриарха в 1464 г., с той же остановкой в Кафе, оказавшейся для патриарха последней: заболевший дорогой он умер в этом генуэзском городе (415, с.207).

Подлинным же нервом движения "из варяг в греки" стал в XIII - XV в. Волжский путь. Его наибольшая интенсивность, в отличие от существующих оценок (22, с.61-64; 397, с.19-20; 415, с.194, 197), надежно подтверждается данными нумизматического топографирования (см.: Приложение № 4). Это должно находить объяснение, с одной стороны, в возникновении на Волге новых городов - прежде всего, вызывавшей изумление европейца (212, р.249) столицы Золотой Орды - Сарая (с. Селитренное Архангельской области) (462), кроме того, Казани и Хаджитархана (Астрахань), возвысившихся в XV в. в центры ханств (527), с другой стороны, в открывшихся возможностях выхода в новый торгово-экономический домен - Урала и Сибири.

В самом верховье Волги, Ярославль стягивал к себе интересы Заонежья, Белозерья и Устюжанского края, Нижний Новгород - колония своего более северного двойника - привлекал московское и Новгородское купечество, южнее лежала Казань, отмеченная наход-

ками аспров Кафы (I, 1893, д. 170, л. 4-5; 78, № 195), еще ниже - бывшая столица Волжской Булгарии г. Булгар, куда приезжали, по словам Ибн-Баттуты (67, с. 297), "жители мрака", то есть обитатели почти неведомой Сибири, приходившие по Каме и Чусовой, имевшей переволочное сообщение с зауральскими реками Пышмой и Турой (29, с. 156-161), далее к югу располагался Новый Сарай (с. Царевское Волгоградской области), неподалеку от которого была налажена Переволока на Дон (97, р. 289; 212, р. 249; 287, с. 53), еще ниже - Сарай, крупнейший и богатейший город на Волге, и, наконец, Хаджи-тархан, откуда совершался переход по Кубанской долине через Маджар (Прикумск) (287, с. 122), отмеченный монетными находками (79, № 522), к Матреге (Тамань), либо Мапе (Анапа), либо Копе (Славянск-на-Кубани), генуэзским факториям, подчиненным Кафе и теснейшим образом с ней связанным. То был излюбленный путь дипломатов, различных вер и наречий (22; 42; 174), а также присоединявшихся к ним купеческих компаний, так называемых "котлов", доходивших до Крыма, о чем упоминалось в древне-русских документах: "... а как в Кафу придут, будет русаков 5-6 в одном котле" (50, с. 155, 162). Им пользовался имевший торговые дела в Крыму Некомат, богатый и влиятельный настолько, что мог добиться лишения ярлыка на Великое княжение самого Дмитрия Донского (259, с. ССП). Им ходил скандально известный аферист фра Лодовико да Болонья; оставь он свои записки, историки располагали бы уникальными сведениями о передвижениях от Эфиопии до Москвы (111).

Подобно "варягам" и "греки", как общее обозначение Юга, должны были получить в XIII - XV в. иное осмысление. Это были не только Византия, но и представлявшая ее в 1204-1261 г. Никейя, а также возникшая в XIII в. Трапезундская империя, и кроме того, сиропалестинские и египетские земли, входившие в 1250-1517 г. в состав мамлюкского султаната, и даже больше - вся зона, примыкавшая к Средиземному морю, то есть то, что обозначалось тогда "Заморьем".

Чем располагал Север, что могло бы вызвать интерес традиционно богатого Юга? Прежде всего, редкой пушнинной, почти не известной античной цивилизации. Только средневековое общество, во многом благодаря тем самым "варягам", проложившим путь в "греки", открыло исключительную ценность мехов и придало им способность символически выражать особое благородство, отмечать военную доблесть и вообще принадлежность к той или иной элитарной группе, разработав этикетные принципы использования мехов в одеяниях, в тогдашней моде вообще, в аристократической эмблематике и геральдике, в соответствии с иерархическим положением и родовой или квази-родовой принадлежностью.

Рис.3. Пути "из варяг в греки"

Говоря о Кафе, изумленный испанский путешественник первой половины XV в. отмечал, что в этом городе "встречаются все известные в мире виды мехов и самого лучшего качества" (221,р.163).

Высшее место здесь занимал, конечно, мех *соболя*, особенно черный, с блестящим отливом, сравнимый по гладкости и нежности с шелком, а также - *песца*, "полярной лисицы", белоснежной, или еще более редкой - с голубоватым оттенком. Это был самый дорогой мех, ценившийся порой больше золота. Некоторые шкурки-одипцы, с хвостами и лапками, с позолоченными и унизанными жемчугом коготками (51,с.333), составляли целое сокровище. Такой мех подходил только коронованным особам и высшим иерархам. Он использовался для украшения ритуальных одежд и торжественных головных уборов, составлял орнамент фамильных щитов и играл особую роль в церемониях как знак благополучия и богатства. Признаваясь природным олицетворением Сатурна, собольий мех занял привилегированное положение в геральдике как обозначение черного цвета (648, р.23). Не случайно, соболь упоминался, как правило, в качестве дара дипломатических миссий, как например, к египетским султанам и турецким эмирам (50,с.105,106,121,194, 219,220,420; 67,с.264; 315,с.153), миланскому герцогу и венецианскому дожу (22,с.15; 493, р.19-21), римскому папе (34,с.487) и другим правителям, и крайне редко встречается в частично-правовых актах горожан (106,№ 40; 107,р.217; 189,р.190).

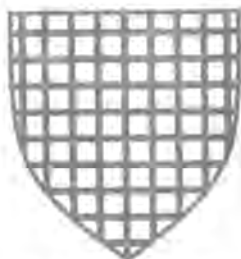

Рис.4. Геральдический знак собольего меха

Самое раннее обозначение *соболя*, если не считать туманного "saturation" Аристотеля, связанного с "Черным царством" Сатурна или Крона на Крайнем Севере, встречается в стихах рыцарей-певцов XIII в., пораженных роскошью Константинопольского двора, пышными одеяниями знати и щитами, украшенными изысканными орнаментами из мехов (648). Последний прием, определенно, позаимствован у варягов, использовавших отличающиеся по цвету шкуры и меха как различительный признак принадлежности к роду. Под именем "safigeon" соболь описан Альбертом Великим (+1280), из-за чего собольий мех часто назывался "сапфировым" (302). Сам этот термин, на мой взгляд, восходит к этнониму "сабир" и его инозвучаниям - "сапыр", "савир", "сибыр" и другим, которым обозначались родственные уграм древнейшие обитатели Западной Сибири (381,с.81-82), где в таежной зоне между Северным Уралом, Тавдой и Обью велся промысел на соболя (29,157,161). К тому же региону заставляет обратиться и другой термин, служивший для обозначения соболя, именно "zibillino", встречавшийся в документах Кафы (298,с.37-39), и который яв-

ляется ничем иным, как итальянской огласовкой топонима "Сибирь" (582,р.627-628).

Не много уступал соболу и песцу горностаевый мех. Несмотря на почти повсеместное распространение, *горноста́й* не стал общедоступным. Он оставался атрибутом принадлежности к высшей знати. Белый мех горноста́я, с характерным черным пучком на хвосте, служил традиционным украшением императорских порфир и царствен-

Рис.5. Геральдический знак горноста́я

ных шляп, окаймлением рукавов и воротов княжеских одежд, широко использовался в аллегории гербов. Ассоциируясь с обладанием сенъериальной властью и внутренним духовным восхождением, равно воспеваемый европейскими трубадурами и арабскими шаирами, мех горноста́я послужил основой для особой геральдической фигуры - "ermellino" (648), в виде черного креста с шариками на его верхних концах и трехчастным основанием, который узнается на коронах и диадемах, распятиях и даже таро.

Особенно ценным почитался горностаевый мех Северных областей - двинских земель, Печоры, Сибири (58; 204,§ CCXVI), который был пушистее, глаже и более чистых тонов. Такие шкурки подносились поштучно в качестве почетного дара, но были шкурки и в связках на десятки и сотни. Так, в 1289 г. некий итальянец Тоби де Терпи намеревался вести из Кафы в Геную более 400 шкурок "ermellino" (100,№357). Позднее, Бернардо де Манцодео, оставивший завещание в Кафе в 1344 г., участвовал в торговой сделке, связанной с реализацией на Кипре 625 горностаевых шкурок (106,№15). Вообще, частные акты XIII - XV в. заставляют думать, что горностаевые меха использовались не только в аристократической среде, но и в городской, не чуждой стремлению аноблироваться и обладать сенъериальными привилегиями в качестве члена муниципального совета или городского суда. В эпоху Ренессанса подобные меха получили более широкое признание в тогдашней моде как знак утопченного вкуса: меха даже вытеснили украшения из металлов и камней, ставших казаться "варварскими" (562).

Достаточно высокое место занимал *беличий мех*, при всех значительных масштабах его промысла и вывоза. Беличий шкурки, особенно искусной выделки, с сохранными головками и кисточкообразными ушками, с драгоценными камнями в глазницах и пышными хвостами, были привилегией нобилитета. Они использовались для украшения рыцарских плащей и шлемов, орнаментирования штандартов и щитов. Известен беличий мотив в искусстве герольдов (648,

р.22). Вместе с тем, белка, с ее мистическими свойствами содействовать сохранению и умножению богатства, особо почиталась среди представителей наиболее мобильных групп населения, возвышавшихся благодаря новым добродетелям, которым было суждено получить сакрализацию в реформаторских учениях. Поэтому беличья пушнина получила широкое распространение у горожан как Запада, так и Востока. В самой Кафе, судя по документам XIV - XV в. (93, №22; 107, р.215-219,225-226; 315,с.152-154), горожане широко пользовались одеждами, подбитыми беличьим мехом, с беличьим орнаментом на воротах, рукавах и подоле. Спрос на белку в городской среде нужно непременно учитывать, говоря о колоссальных объемах торговли подобным видом товара.

Рис.6. Геральдический знак беличьего меха

Белка промышлялась почти повсюду в Северо-Восточной Европе (58; 204,§ ССХVIII; 212,р.215,231). Различались смоленская белка, с ярко-рыжей окраской, что служило отличным индикатором в тогдашнем товароведении, белка североевропейских областей серого цвета, белка Поволжья и Печорского края, с характерной черной спинкой, сибирская белка, с длинным мехом, дававшая самые широкие шкурки (300,с.77-79).

В 1289 г. Пьетро де Савицон занял 25 тыс. аспров с намерением купить в Кафе белижьи шкурки (*vai*) по цене 2,4 аспра за каждую и потом продать в Генуе (100,№53) со 100% прибылью (477,р.740). Другой представитель фамилии Савицоннов тогда же заключил сделку на 1 миллиарий, то есть на 1 тыс., белок, намереваясь реализовать в Генуе (100,№132). В обоих случаях речь шла о белке с черной спинкой, каковос качество передавалось итальянским словом "*vaio*", по аналогии с цветом спелой оливы (617,р.1025). В 1340-1341 г. венецианец Николетто Гатта, действовавший в Тане и Кафе, отправлял в Венецию черных белок (*vergi*) и меховые изделия из серых белок (*varnasa de sgrixa*), покупавшихся в Копе (*de la Colpa*) и на Руси (*de la Ruga vegnisse*) (192,№3-6). В Кафу беличий мех поступал также из Росо (устье р.Мнус), получившего в венецианских документах искаженное написание "*Tosso*", и других пунктов Газарии (Восточный Крым) (193,р.291). Кроме того, он привозился на кафский рынок через Солкат (164,col.105). "*Vai volgarì*" и "*vai bulgarì*", определенно, везлись Волжским путем из Волжской Булгарии (202,р.60).

Со второй половины XIV в. вывоз белки нарастает, подобно лавине. В 1354 г. корабль Лоренцо Челси доставил в Венецию 2826 шкурок рыжей и черной белки, 1800 шкурок "*vai organini*", то есть сибирской белки, доставленной через караван-сарай Ургенча, и, кроме

этого, 201 беличьё спинку и 71 брюшко (512,р.953). Тогда же в Геную доставлено 4 тыс. белок (537,р.368). В 1379 г. две навы везли на Запад различные меха Татарин и Московии (132,р.269). В 1388 г. в Лигурийскую республику привезено 70-80 тыс. шкурок, в 1392 г. - 500 карабий (1,2 млн. штук) и 1 колло (91 кг). В 1394 г. в республику Сан Марко вывезено 200 карабий (480 тыс.), 8 колло (728 кг) и 1 кенгеларий (31,8 кг) подобной пушпины. В 1395 г. - 1 колло (91 кг) "белки Таны" и 42 колло (3,8 т) "белки Кафы" (512,р.1006). В неменьших объемах белка вывозилась в Египет (511,р.319). По свидетельству аль Макризи (XIV в.), там меха было столько, что в него одевались даже престолоудини (67,с.441).

В эти годы экспорт пушпины, где индикация - "белка Кафы" - свидетельствует не только о ее продаже на кафском пушном рынке, приобретшем тогда большую известность, но и о доработке в местной скорняжной корпорации, достиг своего апогея. В дальнейшем наблюдается сокращение вывоза мехов. В 1396 г. в Венецию отправлено только 2 колло (182 кг) "белки Кафы"; в 1397 г. - 1 колло (91 кг); тогда же в Геную вывезено 24 карабии (57,6 тыс. штук) белки и других мехов; в 1401 г. в Венецию доставлен 1 колло (91 кг) (512,р.1007-1008). В 1424 г. в том же направлении везли 35 тыс. шкурок (189, №32). В целом, в конце XIV - XV в. чаще встречались лишь поручения генуэзским купцам погрузить в Кафе меха, без указания на их исполнение (223,t.II,№974; 537,р.370). Подобный спад связан с общим кризисом XIV - XV в., сказавшемся на торговом обмене (553).

Близкое с белкой положение занимала *куница*, считавшаяся связками и, подобно белке, выступавшая в роли денежного эквивалента, откуда появились названия древних монетно-весовых единиц - "веверица" и "купа" (389,с.109). Кунца также имела значение в геральдике, в частности французской (648). Различалась лесная кунца, темно-бурая с горлышком, окрашенным в красный или желтый цвет, и каменная кунца, более светлая с белой грудкой (602,р.35,75). Первая промышлялась в средней лесной полосе Руси, лучшей же почиталась скандинавская за ее особо пышный мех. Вторая добывалась в районе Урала, в Крыму и на Кавказе, а лучшей признавалась туркестанская (305). Уже упоминаемый мною Николетто Гатта, разбиравшийся в пушпине, покупал для своего компаньона в Венеции 132 шкурки лесных (*martori*) и 26 шкурок каменных (*foine*) кунцы (142, №4,6). "Кунца Кафы" упоминалась наряду с белкой в документах конца XIV в. (512,р.1006-1008). Не исключено, что такая терминология связана с происхождением какой-то части каменных кунцы из Крыма. Позднее, Джакомо Бадозер, оставивший составленную в Константинополе "бухгалтерскую книгу" 1436-1440 г., обнаружил заинтересованность в покупке каменных и лесных кунцы. Связан с этим 4 торговые операции (147,р.136,140,204,335,412).

Гораздо реже встречался мех *бобра* и *выдры*, довольно высоко ценившийся в тогдашней торговле. И то, и другое животное принадлежали к аристократической геральдике: французы определенно предпочитали выдру, а бургунды - бобра (648). Бобер, кроме того, воспринимался олицетворением возвышенных стремлений, готовностью к самопожертвованию. Согласно Исидору Севильскому (+636), бобер, чувствуя приближение преследователей, жаждавших завладеть его шулятными яйцами, чудодейственным врачевательным средством, сам себя оскотил (376,с.85). Таким образом, он был тропологическим образцом для человека, искавшего праведной жизни и готового отсечь от себя грех. Ценность меха бобра и выдры определялись особой стойкостью, неподверженностью вытиранию, способностью вбирать влагу без ущерба для него самого, поэтому им даже прокладывали собольи шкуры, чтобы спасти от сырости; использовали для верхней одежды, на опушки шапок. Из волос хвоста приготавливались рисовальные кисти, а подшерсток шел на изготовление пуховых шляп. У бобра, помимо этого, ценилось содержимое семенных желез, применявшееся в целительной практике. Ценность повышалась и от редкости распространения. Бобер обитал в Воронежских реках, на Кубани, в болотах Полесья и по Сибирским рекам (305). Выдра имела более широкий ареал распространения: реки Русской равнины вплоть до Полярного круга и Сибирь (305), но всюду редка. Бобер (*bevaris*) и выдра (*lucius*) назывались в договоре 1290 г. между Генуей и Египтом как устойчивая статья экспорта, поступающая, несомненно, из Северного Причерноморья. В нем оговаривалось, что доставлявшиеся в Александрию меха не подлежали налогообложению (164, col.244a-245a). Этот режим благоприятствования подтверждался соглашениями 1385 и 1431 г. (511,р.319).

Конечно же, пушная торговля не представляема без *лисы*. Негативное аллегорическое осмысление этого образа, его хитростей, как Дьявола, с его кознями, губящего виноградник, который встает со страниц средневековых bestiариев (376,с.81), как будто, мало влиял на распространение лисьих мехов среди рыцарства и бюргерства. Напротив, коллективная психология, отразившаяся, напримр, в "Романе о Лисе", склонна была к апологии лисы и ее качеств. Ей приписывались благородство манер и элегантность, гордость и независимость; лиса - воплощение тонкого ума, который позволяет обходить правила и запреты и, в конечном счете, одерживать верх над волком Изегрином, аллегорией аристократии. В восточных культурах лиса, не утрачивая указанных качеств, воспринималась стоявшей еще ближе к человеку: это существо - трикстер, магически помогающий человеку, способный принимать человеческий образ и даже вступать с ним в брачные отношения. Поэтому лисий мех, ярко-рыжий, черно-бурый или серый, стал достоянием горожан и той части

неродовитого рыцарства, которое добилось этого звания личными заслугами и жаждало утверждения. Именно поэтому мех лисы - столь частый предмет торговли и столь распространенный элемент одежды как европейца, так и левантийца. Он упоминался в "Искусстве торговли" Франческо Пеголотти (30-е - 40-е г. XIV в.) в главе, посвященной состоянию рынка Кафы (149,р.24), в нотариальных актах 1371, 1381-1382 г. (93,№22,35; 107,р.215-219,225-226; 315,с.153), в деловых письмах Николетто Гатта, который обнаружил не только умение различать разные сорта белки и куницы, но еще и знакомство с литературой: он назвал 100 лисьих шкур, поступивших, несомненно, из Руси, не иначе, как "bolpe de Rens", то есть "Лис Ренар", не без аллюзии на эпический персонаж. Лиса, с примечательным определением - "русская", что, по моему мнению, связано с указанием на рыжий, почти красный цвет, названа в таможенных регламентациях Мехмеда II (1451-1481) как товар, поступавший морем в Босфорскую столицу (114,р.118). Упоминалась она в генуэзских документах конца XV в. (464,р.379).

Известным спросом пользовался мех *рыси* за его пятнистую красивую окраску. Это животное со времен Плиния сравнивалось с волком и в средневековых документах называлось "lurus cerviegus" (495,v.III, р.2289). Ему приписывались мистические свойства: считалось, что рысь обладала способностью видеть сквозь стены, а моча рыси затвердевала и превращалась в драгоценный камень "лигуриус" (376,с.120). Промышлялась рысь в лесной зоне Руси и отчасти на Кавказе (305). Ее мех встречался на торговых площадях Кафы, как утверждает книга Пеголотти (149,р.24), упоминался в документах Константинопольской таможни (114,р.118). Рысьи "черева" вывозились в Заморье и Турцию (50,с.226, 405,406,409). В самой Кафе продавались верхние одежды, подбитые мехом рыси (107,р.226).

Некоторое экспортное значение имел *заячий мех*. В частности, Бернардо де Манцодо отправлял в 40-е г. XIV в. из Кафы на Кипр верхнюю одежду из заячьих спиннок и брюшек (guarnaihias dossiorum leporis, guarnaihias ventris leporis) (106,№15). Кроме того, встречались единичные упоминания *сурка*, *ягненка* и даже *волка*, но только в первом случае в связи с дальней торговлей в Средиземноморье (537, р.370), в других же случаях в связи с бытованием в городской повседневной жизни (93,р.63). Есть совершенно экзотическое упоминание шкуры *белого медведя*, "царя полярных стран" (511,р.319).

Наконец, частные акты приводили достаточно неопределенные термины, обозначавшие пушнину разного качества и разного уровня обработки: "*pelles*" - кожи с шерстью, "*pennes*" - куски кожи с поднятым мехом, грунтованные и апретированные, "*foratura*" - шерсть, "*pelliparia*", выделанные пушные шкурки, "*pellicia*" - готовый к использованию мех, нередко обозначение и самого изделия (512,р.9-13;

посланцем Севера, которому южный воздух дал новую жизнь (376, с.148-149). Отлов сокола и кречета велся на Северном и Приполярном Урале (29, с.161; 34, с.490). Птицу везли десятками в особых клетках, в сопровождении специального сокольника, со всеми атрибутами его искусства - кожаным глобучком, которым закрывали голову и глаза, сильцем с обножей, надетой на лапку, толстой перчаткой и птичьим чучелом-приманкой. Уже документы Кафы конца XIII в. сообщают о поездке генуэзского купца со специально нанятым соколиничьим (*falconerius*) в Тебриз, ко двору ильхана Аргуна (1284-1291) (100, №513). Цель поездки не трудно предположить. Во второй половине XV в. в Кафу привозил кречетов Семен Хозников, пришедший с московским караваном Волжским путем. С той же целью приезжал туда Заккария Гизольфи (50, с.106, 220, 270, 286). Из Кафы соколы и кречеты отвозились в Заморье. Они славились в Константинополе (540, v. II, p. 391) и Мекке (50, с.174, 274). Их с нетерпением ждали в Египте (67, с.441) и Италии. Для отбора лучших боевых птиц миланский герцог специально посылал в Москву знатоков этого дела - "uccellatori" (493, p. 39-40).

Рис. 8. Соколиничий

Драгоценным товаром Севера почитался *моржовый бивень*, называвшийся в древнерусских текстах "*рыбьим зубом*" (405, т. III, с. 404-405). Он ценился едва ли не дороже слоновой кости и оплачивался золотом. Из него делали державные посохи и скипетры, имевшие аналогию с "мировым древом" - основой богоустановленного порядка. Он служил для создания престолов и царственных тронов, материализуя идсю неизбежности монаршей власти и закона. В эпоху Возрождения моржовая кость стала материалом мастеров-косторезов и ювелиров. Ее можно встретить в качестве орнаментальных накладок на оружии и ларцах, в качестве женских украшений и предметов культа. Трудно помыслить, что добывался моржовый бивень морскими охотниками во льдах, за Полярным кругом, у побережий островов Вайгач и Новой Земли (29, с.157), что именно оттуда происходили самые крупные бивни, длиной 50-90 см и весом 3-8 кг. Из Крыма моржовую кость чаще везли в качестве почетного дара сиятельным особам, но иногда она составляла предмет частной торговли (50, с.297, 392, 405, 406). Упоминался этот товар также и в турецких документах конца XV в. (114, p. 117).

Как бы не эпатировали воображение сообщения о северных редкостях, самые устойчивые и растущие прибыли давали все же не они. Если все выше указанные виды товаров были объектом единичных торговых операций, то знаменитые славянские *шкур*ы и *кожи* самой разнообразной выделки составляли предмет десятков и сотен соглашений. Фигура Кожемяки должна бы стать символом русов не как героя-воителя, но как не превзойденного мастера, которому подвластна любая кожа. Здесь историк соприкасается с навсегда утраченным пластом русской культуры, оставившим загадочные, почти не постижимые термины. Всемирной славой пользовалась Русь в изготовлении "*юфти*", или "*юхти*", тонко выделанной кожи красного цвета, именовавшейся в источниках "русской" (114,р.117). Пользовались высоким спросом "*мостовая*", то есть неокрашенная юфта, "*ролдуга*" - искуснейше выделанная цветная замша, "*гзы*" - особым образом обработанный задок конской шкуры или "*ирха*" - дубленая овечья и козья кожа (425,т.II, с.139). Производились они в Ярославле и Костроме, Москве и Муроме, Нижнем Новгороде и Казани (429,с.64-65). Большими партиями отправлялись в Кафу, что дало повод составителям "Руководств по торговле" говорить о продаже в том городе "коровьих и конских кож, сырых и обработанных, в огромном количестве" (113,р.315; 123,р.75; 149,р.24). Едва ли права исследовательница М.В.Фехнер, полагая, что готовая кожевенная продукция вывозилась лишь в юго-восточные страны (429, с.5-6). Западные партнеры с той же энергией использовали средиземноморские коммуникации для вывоза из Крыма русской юфти. Известны документы из семейного архива Соранцо, по которым только в одном из Венецианских магазинов этого рода находилось юфти на 1900 дукатов (около 80 тыс. аспров), происходившей, несомненно, из Северного Причерноморья, где Соранцо имели постоянных торговых представителей (569,р.158). Партия юфти из России, доставленная Черным морем в Константинополь, фигурировала в счетах Бадозера как предназначавшаяся для последующей транспортировки в Венецию (147,р.534-535). В качестве постоянной статьи торговли, проходившей через Босфор, юфта приводилась в постановлениях первых турецких султанов (114,р.117-118).

Отнюдь не в доставках раритетных товаров, нередко имевших форму сеньериального заказа, но в многократно повторяемых сделках с кожами совершенствовалась коммерческая техника. Здесь, как в калейдоскопе, "морские товарищества" (*societa maris*) сменялись "комендой" (*acomendacio*), продажа в кредит (*mutuum*) - фрахтом (*paulum*), займ (*emptio*) - вексельным обменом (*cambium*). Один вступал в "морское товарищество", чтобы часть совместного капитала использовать в своем ремесле, например, сапожном (91,№262), а часть предоставить трактатору (*socius tractans*) для ведения морской торговли.

Другой заключал коменду и, выступая в роли кредитора (*commendator*), вкладывал в нее свой капитал или товар, как ту же кожевенную продукцию, чтобы его компаньон - торговец (*accomendatarius*), прилагая свои способности, доставил для продажи в Византию или Италию. Третий покупал шкуры и кожи в кредит, с отсрочкой платежа до будущей Пасхи, реализуя их на свой страх и риск. Четвертый брал займ в виде некоторой суммы и товара, отдавая залог и обязуясь возратить авансированные деньги, нередко в другом месте и в другой монете (316; 477, р.591-645). Все эти многочисленные сделки совершались в генуэзской лоджии Кафы в присутствии нотариусов и сансеров-свидетелей. То был прообраз будущей биржи. Здесь же в XIV в. устраивались аукционы, на которых кожи и самые разнообразные кожевенные изделия - от колчанов и щитов до ремней - занимали не последнее место (93, №22; 107, р.218-221). Для вывоза кож фрахтовались целые суда, часто в складчину. Так, только на одной наве в 1290 г. предполагалось отправить из кафского порта в Геную 296-380 миллиариев (182 т) кож (100, №671). А количество сделок, связанных с торговлей кожами, было оформлено только одним нотариусом за 1289-1290 г. - 25 (298, с.39). Многочисленные торговые агенты отправлялись из Кафы для закупок кож в соседний Солкат (164, col.409) и Чембало (сейчас Балаклава), в Сан Джорджо и Пеше (Бейсукский лиман) на Таманском полуострове, в Россо и Тану (193, р.290). В Кафе товар сортировался, доводился до кондиции, иногда подвергаясь обработке занимавшими целую улицу кожевниками (*corigiarii*) и сапожниками (*callegarii*), затем группировался в оптовые партии. 3/4 экспортировалось в Геную; как правило, это были невыделанные бычьи шкуры (*corii crudi*), служившие сырьем лигурийским ремесленникам (100, №242, 263, 666, 671, 858). Другим адресатом была Венеция (189, №32). Небольшая часть отправлялась в Константинополь (100, №740). Иногда кожевенную продукцию везли в Испанию (132, р.269) и на Левант (503, р.242; 511, р.319). Помимо бычьих и конских кож встречались бараньи (100, №371) и козьи, крашенные в зеленый цвет (100, №870, 893, 895); упоминался каракуль - "*астракан*", выделявшийся в городах Нижней Волги. Небезызвестный Джакомо Бадозер, ведший дела в столице Византии, покупал в Кафе бараньи шкуры с белой шерстью (147, р.565).

Стоимость необработанных бычьих шкур составляла на рынке Кафы 70 аспров за кантарий (47,65 кг). Продажная цена в Генуе повышалась до 119 аспров, то есть на 70%. Из них нужно вычесть 5% на фрахтовые и налоговые издержки (477, р.738-739). Прибыльность получалась, как будто, ниже в сравнении с торговлей мехами, но зато вывоз кож и шкур был сопряжен с меньшим риском и с более быстрой оборачиваемостью капиталов из-за крупномасштабных оптовых поставок.

Другой важной статьёй был *воск*, что осталось без должного внимания исследователей истории южно-русской торговли (414; 429; 521). Воск, блестящий, залитый в формы или упакованный кусками в ткань, подкрашенный в привлекающие глаз тона, поступал в Кафу из бортнических угодий Смоленщины, из воскобойных центров Пскова и Новгорода, из богатых пчеловодческих областей Поволжья (300, с.81, сл.). Итальянские "Праттика делла меркатура" неизменно называли воск на одном из первых мест среди товаров, которые можно было с выгодой закупать в Кафе (113, р.315). И их авторы знали, что писали. Воск пользовался громадным спросом и не только потому, что из него делалось единственное тогда средство освещения, не только потому, что без него немыслимо храмовое действо, или некоторые ремесленные операции, например, энкаустика, но и потому, что он стал важнейшим компонентом технологии вошения в бумажном производстве, стремительно распространившемся в XIII в. по всей Европе и имевшем значение ничуть меньшее, чем промышленная революция. Вывоз воска в Геную, поблизости от которой находилась одна из первых и самых знаменитых мастерских - Фабриано, достиг в конце XIII в. колоссальных объемов. Только по актам Кафы 1289-1290 г. в направлении Лигурии было отправлено воска на 11 млн. аспров (298, с.37). Помимо Генуи, воск вывозился в Венецию (223, т.III, №2349), в города Южной Франции и Средиземноморской Испании (132, р.269; 135, р.106). Более того, воск отправлялся в Восточное Средиземноморье - в Дамаск и Александрию (189, №312, 318, 298; 534, р.42-43), что несправедливо игнорировалось историками торговли с Востоком (414; 429; 572).

Среди воскобойной продукции, вывозившейся из Кафы, обращает на себя внимание сорт воска, обозначенный как "*cere de Caffa*" и "*cere de Gazagia*". Подобная индикация должна находить объяснение в той роли, которую играла Кафа в концентрации значительных партий воска; именно там проводились дополнительная очистка и пробойка, так как воск, по замечанию Пеголотти (149, р.43), далеко не всегда отличался чистотой и блеском, а порой был просто фальсифицированным; там проводились упаковка и сортировка, что должно было удостоверяться штампом кафских сапсеров из числа ремесленников, имевших дело с воском, например, изготовителей свечей (*candellerii*), фигурировавших в потарпальных актах (93, №27, 28, 32, 34). В конце XIII в.

Рис. 9. *Нава*

воск вывозился полными навами, крупнейшими судами, грузоподъемностью до 500 т (296). В конце XIV - XV в. наблюдалось уменьшение объема сделок. В актах кафского нотариуса Никколо Беллиньяно 1381 - 1382 значился контракт о транспортировке 155 кантариев (7,3 т) воска до Перы, с последующим вывозом в Геную (93, №7). В 30-е г. XV в. из 9 сделок о поставках воска в Венецию, с перевалкой в Константинополе, 6 касались незначительных партий, не превышавших 120 кг (147, р.188,384,454,493,505,615,633). Отчасти это объяснялось конкуренцией "воска Загоры" из Болгарии, превосходившего по качеству тот, что вывозился из Кафы (534), отчасти было следствием известной демократизации капитала, вызванной вовлечением местного купечества в международный обмен (300, с.86, сл.).

Если говорить о прибыльности торговли воском, то можно привести мнение профессора М.Балара, согласно которому она составляла 21% (477, р.736). Но возможны и иные расчеты. Стоимость очищенного блестящего воска в Кафе составляла 252 аспра за кантарий (47,65 кг). Рыночная цена в Генуе достигала 10 лпр, или 380 аспров, давая прибыль 50%. Эта величина должна быть уменьшена на транспортные издержки, обычно не превышавшие 5%. С другой стороны, расчеты по контрактам о вывозе воска почти всегда сопровождалась вексельными операциями, позволявшими извлекать дополнительные проценты на разнице курсов.

Предшествующие историки (414; 418; 429) не оставили упоминаний и о такой статье вывоза на Юг, как русские красители. Как мне думается, они были двух видов. Прежде всего, это - *кermes*, универсальный краситель, получаемый из дубового червеца, который в соединении с кислотой давал желтый цвет, с щелочью становился фиолетовым, под воздействием аллюминиевой протравы приобретал алый цвет, с медной протравой и винным камнем - зеленый, с медным купоросом - черный (266, с.16). Такое богатство цветовой гаммы открывало возможности широкого использования *кermes* в текстильном производстве, переживавшем в XIII - XV в. интенсивный подъем. Собирался этот краситель на Северо-Западе русских земель, доставлялся в Кафу, оттуда морем в Константинополь и еще далее - в Италию. Известно, что Бадозер заключал сделки на поставки *кermes* из Руси (*cremex rosesco*), и однажды он получил 469 ливр (149 кг) красителя в мешках (147, р.182,183,230,477). Не раз он упоминался и в других итальянских документах (189, №194; 223, т.III, №2349; 229, v, VI, р.586).

Другим видом была *киноварь*, то есть сульфид ртути, образующийся в гидротермальных почвах вместе с кварцем и кальцитами (266, с.212). Самые значительные ее месторождения находились на Украине и использовались с давних времен. Полагаю, что именно *киноварь*, но не копениль, как иногда считают (572, р.90), должно

подразумевать под "красящими зернами", вывозимыми в средние века из Руси. Польский хронист М.Меховский в начале XVI в. писал: "Вся земля Русская (имелась в виду Украина как русская часть Польши - А.Е.) дает красящие зерна (*granis tinctorum*), которые рождаются в чрезвычайном изобилии и которые с давних пор вывозились в итальянские города - Геную и Флоренцию" (603,р.191). Киноварь, игравшая особую роль в эзотерических знаниях алхимиков, получила, может быть, даже большее распространение как краситель, вплоть до изобретения анилина. Наряду с использованием в текстильной индустрии, киноварь применялась для изготовления акварельных и масляных красок, находивших возросший спрос в эпоху Ренессанса. Наконец, она служила ценным целительным средством.

Большинство исследователей склонно рассматривать Север только как сторону, служившую поставщиком сырья (512; 539 и др.), что не совсем справедливо. Приведенный выше материал позволяет убедиться в том, что Север поставлял не только пушнину, но и меховые изделия, шитые из спинок и брюшек; кроме того, с Севера вывозились не только сырые кожи и шкуры, но и отличной выделки, как например, юфть. К этому я считаю необходимым добавить сведения о *русском текстиле*. Речь идет не о "русском сендале", упомянутом в старофранцузском стихотворном "Романе об Александре", вызвавшем удивление специалистов (530,р.209,314), ибо известно, что на Руси не производилось шелковых материй, но лишь через нее распространялась какая-то часть левантйских тканей из шелка, в частности, сендала. Речь идет о пока еще не получивших признания фактах вывоза "*русского полотна*". Оно упоминалось в "Куманском кодексе" начала XIV в. (159,fol.47), составленном в Кафе (517), как один из распространенных товаров в южных землях. О "широких русских полотнах" (*rappi larghi Russie*), доставлявшихся в Кафу и направлявшихся в Заморье, содержались сведения в генуэзских документах XV в. (588,р.133). То есть, текстильная продукция Руси, прежде всего, льняная, производившаяся во многих русских городах, имела определенное экспортное значение и отправлялась в направлении к Черному морю и оттуда - еще дальше как в восточные, так и в западные страны. Этим замечанием я завершаю характеристику того, что везлось "из варяг в греки".

Логика дальнейшего исследования требует столь же детализированного анализа товарной структуры южного импорта. Из всех возможных предпочтений, например, тех, которые главным стимулом торговых отношений в XIII - XV в. считают текстиль (471; 472; 492; 561), я склонен поставить на первое место среди южных товаров металлы и металлические изделия как пользовавшиеся активным спросом в северных землях. Дело в том, что русский Север XIII - XV в., вплоть до освоения Урала, был беден железом и лишен место-

рождений золота и серебра (34,с.496), чем был вызван затяжной "безмонетный период", преодоленный ввозом монеты из Византии, Багдадского халифата и других стран (388). Вывоз же драгоценных металлов из ближайших Германии, Чехии или Молдавии подлежал постоянным запретам (593,р.4). И русские купцы отправлялись в Константинополь и Заморье отнюдь не за тканями, но за металлами и звонкой золотой и серебряной монетой.

Золото представляло, пожалуй, исходный интерес. Будучи аллегорическим замещением Солнца, оно оказывалось символом солнечного источающего свет Юга, подобно тому, как символом "черного" Севера был соболев, в его Сатурновом инопонимании. В славянском мире, как впрочем в западных или восточных культурах, утвердилось представление о золоте как едином принципе идеального миростроительства, как инобытии высшей духовной энергии - огня, лишнего свойства сжигать, но изливавшего мягкое духовное свечение. Византийская трактовка золота как символа вечного, невидимого мира укоренилась в русском сознании и нашла выражение в православном идеале красоты (543,р.41-46). Именно поэтому большая часть импортированного золота не исчезла бесследно в кошельках купцов, но воплотилась в золотых куполах, золоченых интерьерах храмов и золотом фоне икон. Но даже и за пределами религиозного культа золото находило весьма отличавшееся от современного назначение. Как духоносное средство золото могло избавлять от самых тяжких заболеваний сердца и проказы. "Питьевое золото" (аигит ротабиле) спасительно влияло на светлую желчь.

Золото испанского и далматинского происхождения, отмеченное порой клеймом цекк Генуи и Венеции, отправлялось в Северное Причерноморье и главным образом в Кафу в виде слитков, фольги или скани (91, №45; 123,р.36; 135,р.484; 156,№63; 149,р.25,36, 223; 205, №771· 216,№283; 221,р.163; 154, р.340-343; 229,vol.VII,р.II,№500). По двум актам Самбучето конца XIII в. значилось 98 унций (2,59 кг) золота, поступившего в Кафу с генуэзской навой (100,№342,596). Подобный товарный вид золота делал его легко обратимым в ремесленную сферу и потому пригодным для ювелиров и золотых дел мастеров. Пожалуй, еще чаще зо-

Рис.10. Чехия

Рис.11. Геновин

Рис.12. Флорин

лито встречалось в виде монеты самой различной атрибуции: тут были венецианские цехины, узнаваемые по фигурам Святого Марка и коленнопреклоненного дожа (5, л.22-23, №7, л.25, №6, л.108, №216), и кипрские безанты (100, №269; 106, №37); здесь обращались геновины, с неизменным "порталом" (Janua) - говорящим символом Лигурийской республики (404, с.25, 28), и бизантины Триполи (100, №270); встречались флорины, отличимые по геральдическим ллиям и образу Иоанна Крестителя (93, №22; 106, №74; 113, №1, 2), и византийские иперпиры (100, №56, 81, 91, 197, 199, 208, 212, 214, 264, 279, 281, 283, 295, 340, 450, 457, 496, 519, 552, 556, 566, 604, 605, 642, 678, 699, 713, 716, 718, 805). На месте средневековой Кафы в конце XIX - начале XX в. был найден не один клад, заполненный золотыми венецианскими дукатами, относящимися к длительному периоду, начиная с правления дожа Франческо Дандоло (1328-1339) и заканчивая догатом Доменико Контарини (1659-1675) (169, №862). Подавляющая часть монет относится к XIV в., как и примыкающий к ним редкий флорин римского сената (1350-1432) (1, 1908, д. №192, л.8). Единичные находки средневековых итальянских монет встречаются и поныне (300, с.138). Из Кафы они распространялись в пределах Крыма, и на месте Солката в составе одного только клада найдено 37 венецианских дукатов XIV в. (5, л.25, №6). Порой золотые монеты становились частью ювелирного изделия - перстня, пуговицы (4, л.57). По "виа тартарика" они распространялись еще дальше (19, с.22, 58, 74; 48, №16, 33) под вводившим в заблуждение многих исследователей названием "злоч тэтэрэшт" (86), ибо они поступали из татарских земель и порой были татарской (или лучше сказать кафской) имитацией дуката (404, с.26, сл.). Золотые монеты Италии были нередкостью на Кавказе под характерным названием "плори венецикум" (271; 285, с.12-14; 327, с.11-12), не без связи с функционированием торговых путей к Северному Прикаспию и Волге (286). Подобным же образом, в пределах северных земель оказывались золотые и позолоченные изделия из Италии, как скажем, прекрасный позолоченный кубок, поднесенный консулом Кафы господарю Валахии Стефану III (1457-1504) (166, р.42), или изысканный поясной набор с изображением монаха-францисканца и латинским гербом, который, впрочем, мог быть лишь орнаментальным элементом (353, с.159-160). Похожий "пояс золот фрязский с женчугом с камнем" принадлежал, по-видимому, Великому князю Ивану Калите (1325-1340) и передавался по наследству его потомкам (72, с.32, 34). Часть импортного золота использовалась ювелирами Кафы (*magistri aurificum*) (229, vol.VII, p.1, p.302), превратившими город в заметный центр златоделия со своей собственной традицией в торевтнке (353; 355). К их продукции, судя по невысокой стоимости, принадлежат упоминавшиеся в актах золотая диадема с дукатом, монисто с флоринами, золотые колье, браслеты и кольца (93, №22, 25, 35;

107,р.231). К их инвентарю относится и упомянутый там же пробирный камень (*petre pro tochis*) (107,р.230), служащий для определения пробы драгоценного металла.

Несомненно, "из греков" поступала и большая часть использовавшегося в северных землях *серебра*. Будучи олицетворением абсолютного материального начала, в своем наиболее совершенном качестве, серебро наделялось магической силой очищать и облагораживать все, к чему оно прикасалось. Принадлежа к стихии земли, серебро являлось одновременно отражением астральной духовности, знаком Луны, и оказывалось мистически воздействующим на черную желчь, на функции порождения, на сферу материинства вообще (18, с.231, сл.).

В Кафу импортировалось серебро самого разнообразного происхождения и качества. Там было серебро в слитках и пластинах, со штемпелем коммуны Генуи (91, №16; 100, №592, 640, 652, 791; 156, №63; 503, №16; 607, №46-50), поступавшее, скорее всего, из рудников Испании и отчасти Сардинии (129, р.62; 202, р.134). Встречалось серебро кусковое и листовое, отмеченное печатью Венеции (113, р.315; 149, р.40-41), происходившее, определенно, из подвластной ей Иллирии (519). По кафским частно-правовым актам 1289-1290 г. значилось

более 520 кг такого серебра, по нотариальным записям 1343-1344 г. - 1 тыс. соммо (около 200 кг) (300, с.27, 32-33). Довольно интенсивно обращалась в Кафе серебряная монета Трапезунда (*asperi cominianati*) со Святым покровителем города - Евгением, чеканенная не византийскими (107, р.182), но трапезундскими Комнинами (315, с.141, сл.). Там имела хождение монета турецких эмиров (*asperi soldanini*)

(100, №213, 257, 278, 339, 480, 501, 516, 541, 619, 624), ошибочно связывавшаяся с Солдайей (итальянский город XIV - XV г. на месте Сурожя) (503, №2, 4, 13). Встречались аспры ильханов (*asperi d'anchar*) (123, р.156), отмеченные тамгой. Изредка попадались османские акче (*asperi ottomani*) (99, V. III, р.820) и александрийские аспры (100, №37). Монета, как и вообще серебро, сырьевое или чеканенное, была, наряду с золотом, единственным товаром, свободным от налогообложения (156, №63).

Из Крыма слитки и монета распространялись по путям "из греков в варяги". Как свидетельствуют кафские массарини, они отправлялись литовским князьям, молдаво-валашским господарям, ордын-

Рис.13. Поясное украшение

Рис.14. Трапезундский аспр

ским ханам (166,р.39-42; 167,t.IV,р.37,50) и московским правителям (588,р.138). Таким образом по "татарской дороге" достигали Каменца-Подольского южно-итальянские и греческие монеты (69,с.207), венецианские гроссо, например, Райнерио Дзено (1252-1266) и Франческо Дандоло (1328-1339) (69,с.321). Похожим образом по Днепровскому пути доходили генуэзские денарии гроссо (32). Несомненно, с рассматриваемой линией торговли должно быть связано распространение "фряжского" (то есть итальянского) серебра в русских землях. Только по двум закладным грамотам 1388, 1411 г. значилось 5 тыс. руб. подобного серебра (около 1000 кг) (86,№19,42).

Вообще, ввоз серебряных слитков и монеты отражает одну достаточно примечательную особенность обмена между Севером и Югом, не получившую должного признания в литературе. Данный металл служил сырьевой основой для разнообразных ремесел как в самой Кафе, известной своими мастерами, так и в еще большей степени - в северных городах. В руках кафских умельцев аспры превращались в какие-нибудь украшения и фурнитуру одежды, под воздействием кафских чеканщиков серебряные слитки становились деталями наборных поясов и кошель (corigium argenti, scarsella munita argento) (93,№22,25,35; 106,№80; 107, р.226-231). Из привозного металла изготавливались серебряные предметы культа, бытовая посуда и столовые приборы, составлявшие привычные атрибуты жизни кафского горожанина (100,№236,575; 93,№22,25,35; 106, №56; 107,р.226-231). Местным ремесленникам служил сырьем продававшийся в Кафе серебряный лом (rotame de argento) (107,р.231). Наконец, нельзя забывать, что монетный двор Кафы, начавший чеканить с XV в. собственную серебряную монету (292), также работал на импортном сырье.

Дабы завершить освещение вопроса о товарном значении серебра, стоит указать на ввоз готовых изделий из этого металла. Таковы представленные в инвентаре Северокавказских кахатлежей серебряный пояс XIV в. итальянского производства и блюдо с геральдическим щитом в виде шахматной доски, а также серебряная с чернью бляшка с изображением воинов (353,с.154-161,173). Таков серебряный кубок из Пскова, являющийся произведением итальянских мастеров (353,с.155), серебряный потир из Новгорода съенской работы (33,№90).

Рис.15. Геральдическое блюдо

Южный путь через черноморские порты был основным для поступления в русские земли меди и очень редкого олова. И тот, и другой металлы, согласно космологическим представлениям средневековья, принадлежали одной стихии - воздуху, хотя первый из них соот-

носился с Венерой, а второй - с Юпитером. Медь и олово, подобно желтку и белку, составляли алхимическое "яйцо философов" - мистический аналог вселенной, которое выступало медиатором в восхождении от несовершенных форм материи к совершенным (18,с.231-232, 392). Оба металла имели симпатическую связь с кровью и наделялись способностью целительного на нее влияния. Медь и олово под воздействием огня, воспринимавшегося как метафизическое средство очищения, давали знаменитый сплав - бронзу, по благородности приближавшийся к золоту, а по твердости его значительно превосходивший. Бронза была идеальным материалом для литья, на чем и основывалось ее широкое распространение. Она служила делу возрастания духовности, будучи использованной для отливки церковных колоколов, но в то же время толкала к "геенне огненной", будучи отлитой в пушечные жерла.

"Руководства по торговле" XIV - XV в. знали очищенную медь в болванках (*game in pani afinato*), олово в слитках (*stagno in verga*) или в листах (*in piastra*), находившие спрос на рынке Кафы (113, р.315; 123, р.61). В качестве сырья пользовались известностью "черная медь" - сырец с примесями, служивший для окрашивания стекла в зеленый и синий цвета, "богатая медь", с примесью серебра, "ярь венецийская" - ацетат меди, безупречный ярко-зеленый краситель, "розовая медь", очищенная особым способом. Происходила медь из итальянской Массы, либо с Кипра, от которого она получила свое название - "*cuprum*" (524), либо еще из рудников азиатского Кастанюну (315,с.142). Олово добывалось в Венецианской марке и на острове Хиос (524). Ввоз названных металлов в Кафу отмечался тоннами и нередко сопровождался конфликтами. Есть сообщение 1342 г. о доставке в Кафу медной руды из Синопа (477,р.784). Имеются сведения 50-х г. XIV в. об отправке венецианской меди и олова (223,t.I,№278, 311). В 1394 г. по тому же маршруту прибыло 10 кантариев (476,5 кг) меди в слитках (195,р.249). Позже, в 1410 г., согласно записи массариев Кафы, коммуна получила 143 кантария (6,8 т) меди из Синопа (315,р.143). Материалы "*Officium Provisionis Romanie*" позволяют дополнить представления о путях и способах разрешения дефицита металлов. В 1425 г. в кафекий порт было доставлено 5 колю (455 кг) олова, захваченного на греческом гриппарионе и предназначавшегося к вывозу за Босфор (109,№55). Подобные же сведения встречаются в документах Банка Сан Джорджо. В 1455 г. генуэзцы Кафы захватили на турецком гриппарионе 400 (по другим данным 500) кантариев (23,8 т) меди (*game sive eris*), не допустив вывоза из Черного моря (229,V.VI,№134,150,216; 315,с.143). Одновременно протекторы Генуэзского банка осуществляли закупки олова на острове Хиос, которое должно было пойти, как и выше названная медь, для отливки бомбард (*stagno quod pro fabricandis bombardis*).

Сам товарный вид металла говорит о его производственном назначении, в первую очередь, в литейном деле. Археологам известна бронзолитейная мастерская на территории средневековой Кафы (231). Там отливались различные предметы домашнего обихода, как те, что приводятся в археологических отчетах, так и те, что упоминаются в итальянских актах Кафы. Это различные сосуды - от медных котлов с крышкой (*calderonum cum cooperiho*) и оловянных тазов для мытья головы (*basile pro lavando capud instagnatum*) до рукомошников и ночных горшков (*casia gami pro pitatta*). Это бытовые предметы - от подсвечников до замковых и шкатулочных ключей. Это кухонная посуда - от подносов с чашками до половников и ложек (1,1894, д.№157, л.12-13; 2,1924, д.№23, л.97; 2,1927, д.№110, л.60; 93, №22; 25; 35; 100, №236; 107, р.220-223; 113, №2). Были здесь вещи серийные, как различные ступки с пестиками (*mortale cum pestello bronzeum*), и уникальные, как один сосуд с украшением в виде пантеры (*vassaletus cum lama de lonza*) (93, №22; 107, р.220). К отмеченному следует добавить,

Рис.16. Фоллери Кафы

что какая-то часть импортной меди потреблялась монетным двором Кафы, приступившим к эмиссии медных фоллери с середины XV в., отличавшихся изображением Святого Георгия, покровителя Генуи и патрона генуэзского банка (62, с.64-68). Есть основания полагать, что в конце XIV - XV в. потребление сырьевых меди и олова возрастало в связи с бурным развитием огнестрельного оружия.

Что же касается ввоза готовых изделий из этих металлов, то он значительно уступал импорту сырья. Можно лишь привести единичные упоминания чеканенной египетской посуды, александрийских подсвечников с золотыми разводами и серебряными цепочками, дамасских канделябров и пиал (67, с.60-61, 189; 93, №22; 262, р.83). Повидимому, через порты Северного Причерноморья попала на Север бронзовая статуэтка рыцаря французской работы, найденная в "земле калмыков, живущих между Сибирью и Каспийским морем" (33, №94, табл.6,9). Возможно, Днепровским торговым путем достигла г.Изяславля романская бронзовая чаша с аллегорическими изображениями (33, №6). Как правило, подобные уникальные вещи были реальным достоянием элиты и отнюдь не являлись предметом сколько-нибудь широкого обмена.

Другим металлом, которым живо интересовались северные купцы и порой отправлялись за ним до Константинополя, было железо (147, р.477, 484, 621). Принадлежа, как и золото, к стихии огня, подчиняясь движению Марса, оно относилось к совершенно иному знаковому комплексу: железо представлялось обладающим одновременно уранической и хтонической природой, носителем опасных сил,

угрожающих уничтожением всего живого. Оно было основанием цивилизации, предопределив развитие металлургии и техники, и в то же время - ее крушением, давая рождение все новым и новым видам оружия.

Флорентийский аноним начала XIV в. называл "железо всех сортов" товаром, пользовавшимся преимущественным спросом на рынке Кафы (113,р.315). Аналогичные оценки высказывались и другими авторами "Коммерческих практик" (123,р.61). Здесь, в который уже раз, приходится подчеркивать, что железо ввозилось как сырье в виде заготовок-цанов, прутьев в связках (*mazzi*) и проволоки (*fil de ferro*). То была продукция рудников Испании, отчасти Калабрии и Эльбы, а также Кипра и Далмации (524; 569). По-видимому, из последнего региона происходило железо, которое отправлял в Кафу венецианец Джакомо Бадозер в 1436-1440 г. Согласно его записям, крымский порт получил 15 бариелей (549 кг) железа (147,р.137,160,310,381,394,395,652,681). Оценивая эти незначительные торговые операции, нужно заметить, что железо относилось к числу тех немногих товаров, которые подлежали контролю высшей сенъеральной власти. В частности, железо запрещалось вывозить в нехристианские страны (164,col.372). Вообще, его поставками, в основном, ведало государство, и поэтому упоминаний о нем невозможно встретить в частно-правовых актах. Напротив, в официальных документах такие сведения иногда попадают. Так, в инструкциях кафским консулам 1468, 1473 г. называлось железо в связках (*fassi ferri*) и в прутьях (*clape ferri*) и, кроме того, 4 балласа (692 кг) железного листа (*balasi lamarum ferri*) (229,V.VII,р.I,№811; V.VII,р.II,№1042). Похоже, реальный объем импорта железа-полуфабриката был выше, чем можно предположить по плохо сохранившимся отрывочным известиям. В условиях, когда собственные железорудные источники еще не получили разработки, а ближайшие германские только к XV в. приобрели экспортное значение, ощущавшийся на Севере дефицит железа, несомненно, должен был погашаться за счет поставок по южным морским путям. Оно становилось основой железоделательных ремесел в северных городах. В самой Кафе литье, кузнечное и оружейное дело получили небывалое развитие. Фигура кузнеца, укрощающего духи огня демиурга, вформовывающего их в изделие, одна из самых почтенных в городе. Там были литейщики-кузнецы и чеканщики, слесари и механики (*peritis in machinationibus bellicis*), сабельщики (*spatarii*) и кинжальщики (*cultellerii*). Там действовали латники (*osbergerii*) и копейщики (*matarii*), литейщики колоколов (*campanarii*) и делающие шлемы (*cervellarii*). Кафской коммуной занимались мастера по изготовлению бомбард, стенобитных машин (*magister fabricationis spingardarum ac bombardarum*) и инженеры (*magister inzeagnerium*), монетные мастера (*idoneum ad cecam*) и искусные

умельцы во всех областях кузнечного ремесла (*periti in omnibus pertinentibus ad artem ferrarie*) (229,V.VII,p.I,p.302,484,496,541,630; V.VII,p.II,p.226,879).

Увы, средоточие железоделательного производства, обнаружившего к XV в. явно военцизированной направленности, превращение города в арсенал, не гарантировало ему безопасного существования, но напротив, стало фактором, усилившим конфликтность в условиях наступавшего коллапса татарской империи и расширения турецкого завоевания.

Разумеется, импорт сырьевого железа сыграл особо важную роль в развитии ремесленного производства на Севере, но вместе с тем, нельзя игнорировать определенного значения ввоза готовых железных изделий. Для конца XIII в. профессор Л.Баллетто приводила данные об оптовых поставках ножей или кинжалов (*coltelli*) в направлении Романи, часть которых, по-видимому, могла достигать черноморских портов (107,p.117). Исследования М.Балара дали еще более представительный материал о ввозе железных изделий и, прежде всего, оружия в Кафу, неуклонно прогрессировавшем в XIV - XV в. (477,p.397,441-442). Конечно, специфика использовавшихся зарубежными историками документов - официальные акты метрополий и колоний - не позволяли говорить о частной торговле оружием, но только о снабжении собственно итальянских гарнизонов в Северном Причерноморье. И все же, какая-то часть оружия становилась предметом обмена и оказывала воздействие на северные народы не столько количеством, сколько распространением новых технических достижений.

Уже в кафских документах первой половины XIV в., в частности, в завещании некоего пятавтинца 1348 г., встречается описание полного снаряжения рыцаря, выполненного по последнему слову тогдашней техники: это были кованный панцирь с нарукавниками и

Рис.17. Рыцарские доспехи

парой железных перчаток, с металлическим подбородником и нашейником, шлем с характерным итальянским наконником - барбутой, меч и итальянский щит (113,№2). В актах Боццоло 1371 г., касавшихся продажи с аукциона имущества покойного нотариуса, назывался широкий набор вооружения, принадлежавшего одному человеку: здесь были 9 щитов (*clipeus, bocolerius, bocerius*), 4 меча (*gradus*), 4 арбалета (*ballistum*), 3 пика (*speti*), использовавшихся в средние века и Возрождение для охоты, кроме того, 2 боевых копья

(lancia), 2 дротика (clavurina, tereta), служивших как военным, так и охотничьим целям, стрелы и кинжалы (107,р.219-223,245). В сущности, каждый бюргер, на котором лежала обязанность служить в городском ополчении, должен был располагать если не таким количеством вооружения, то, по крайней мере, всеми стандартными средствами оборонительного (щит и доспехи) и наступательного (копье и меч) оружия. В актах Беллиньяно 1381-1382 г. упоминались зихская сабля, изогнутая на турецкий манер (*ensem zichescum*), латинский меч (*spata latina*), железный шлем (*corum ferreum pro capite*), чешуйчатый колет с рукавами (*collarium ferreum cum manicis pro armando*) и ножны для меча с серебряной цепочкой (*guarnimento gladiatorum*) (93, №22,25,35). Согласно записям массариев Кафы, коммуна затратила в 1374-1375 г. 72 соммо 6 697 аспров (около 20 тыс. аспров в сумме) на приобретение оружия в Генуе и Неаполе. Это были пластинчатые латы, овальные итальянские шлемы с забралом, появившиеся в последней четверти XIV в., наборные щиты - павезе, изобретенные оружейниками Павии в тот же период, различные мечи, копья, стрелы. В 1386-1387 г. было затрачено 476 соммо 36 538 аспров (всего около 125 тыс. аспров) на закупку оружия как в Византии, так и в Италии (477,р.397,441-442). Но Италия была не единственным экспортером вооружений. Восточные источники XIV-XV в. свидетельствуют об отправлениях из Египта в Крым калджурских мечей с серебряной насечкой, позолоченных булав, лакированных лат, капайских копий с железными арабскими наконечниками, сабель из дамасской стали (67,с.61). Нельзя исключать возможность поступления оружия из Малой Азии (315,с.144).

В XV в. поставки вооружений в Кафу, судя по документам банка Сан Джорджо, не уменьшались: в 1453 г. на одной генуэзской галере предполагалось отвезти закупленные на Хиосе 250 копий, 240 ящиков стрел, 300 узких и широких сабель, 100 метательных машин (*zarbatana*), 50 тыс. ядер, 10 тыс. шаров с шипами и, кроме того, всевозможные панцири, кольчуги, шлемы, щиты и прочее (229, v. VI, №9). Подобное же военное снаряжение везли на nave Мартино Вольтаджо в 1454 г. (229, v. VI, №44,46,47,61). Позднее, отправлялись панцири, различные металлические части доспехов, детали для арбалетов и катапульт (229, v. VII, p. I, №508). В других документах, помимо нормативного набора оружия, упоминались защищавшие грудь кирасы, закрывавшие шею шалеры, наспинники, наплечники, разные типы застежек и другие детали доспехов. Счет их шел на десятки тысяч (167, t. IV, p. 53; 205, №771; 223, t. II, №1530, 1653; 229, V. VII, p. I, №658, 811, 964, 1038; V. VII, p. II, №1042, 1121). Все это предназначалось для замены и ремонта быстро изнашивавшейся аммуниции.

Путь "из греков в варяги" стал и тем путем, по которому на Русь и к северным народам пришло огнестрельное оружие. Его стре-

мительное распространение в средние века сравнимо с технологической революцией современности: в 1326 г. одна из первых пушек была испытана во Флоренции, прославившейся не только искусствами и гуманизмом, в 40-е г. XIV в. пушки применялись на полях Столетней войны, в 50-60-е г. они известны уже во всем Средиземноморье, в 70-е г. их знали тюркские народы Малой Азии (252, т. I, с. 411-412), тогда же бомбарды впервые упоминались в документах Кафы (477, р. 397) и вскоре они достигли самой отдаленной Московии (330, с. 78); как раз тогда артиллерийские орудия - "тофьяки", само название которых говорит о тюрко-татарском, то есть южном происхождении (425, т. IV, с. 138), принесли северной столице первую славу. Согласно кафским источникам, в крымский город привозились бомбарды, каменные и железные ядра, созданные в конце XIV в., порох и селитра. Коммуна осуществляла найм бомбардиров, которыми были итальянцы и порой немцы. Вскоре, литье пушек было налажено в самой Кафе (300, с. 45, сл.), а потом и на Руси.

То, что торговля оружием велась через черноморские порты, подтверждается не только косвенными наблюдениями о проникновении на Север артиллерии. Преодолеть некоторую "ограниченность" латинского фонда источников позволяют данные археологии. Дистрибуция оружия из Кафы в пределах Крыма и еще дальше на всех "путях в варяги" подтверждается находками генуэзских мечей в крымских городах, в том числе в тех, где итальянцы не имели постоянных поселений, как например, в Евпатории, куда они могли попасть только в порядке обмена (I, 1901, д. № 282, л. 5-15; 2, 1927, д. № 198, л. 6; 1929, д. № 211, л. 59; д. № 113, л. 25-26, 28; 272). О том же говорит бытование на Кавказе средневековых клинков с надписью "Генуя", которые, благодаря культу оружия у горцев, сохранялись там особенно долго как фамильные реликвии (286, с. 153-154; 309, с. 86). "Фряжские" кинжалы и калчары, итальянские павезе и корацины, комбинированные доспехи из пластин и колец, доходили до Москвы (330, с. 38, 46), и известно, что ими были вооружены воины Дмитрия Донского. С итальянским оружием русские сражались в Куликовской битве (26, с. 163, 173; 37, с. 22, 32, 33, 37), в то время как против них в составе войска Мамай выступал отряд итальянских рыцарей, пришедший из Кафы (580, р. 53). В этом парадоксальном противостоянии ощущается надполитичность торговых интересов разных сторов.

Черед ввозимых металлов отпущь не ограничивался железом. Кафа была портом, в котором разгружались пришедшие из Заморья суда со свинцом. Этот металл имел сниженную оценку в средние века. По словам Альберта Великого, свинец - "прокаженное золото" (18, с. 350). В алхимической картине мира он относился к стихии земли; его астральным знаком был Сатурн и он считался мистически свя-

занным с одним из четырех жизненных соков - гуморов, а именно: с черной желчью. Вместе с тем, свинец, по средневековым представлениям, стоял у истоков рождения всех металлов. Действительно, он редко использовался самостоятельно, если не считать товарных пломб и привесных печатей на документах, так называемых моливдувулов, да еще красителей и косметических средств средневековых модниц, использовавших растертый в пудру свинцовый блеск для подведения глаз, зато он широко применялся в легировании металлов, в особенности меди, заменяя редкое и дорогое олово (266,с.52-54).

Происходивший из горных разработок Киликийской Армении (113,р.318), Пергама и греческой Халкидики (519), свинец ввозился в Крым, как можно думать, через порт Кафы. Судя по "Книге о торговле и обычаях разных стран" тосканца Дж.Кьярини 1458 г., свинец (piombo) был устойчивой товарной статьёй на рынке соседнего с Кафой Солката, где он продавался в кантариях (123,р.59). Из Крыма свинец распространялся еще дальше - до Таны в устье Дона и ордынского Сарая (113, р.316; 123,р.61). Объемы его поставок были невелики. В документах "Попечительского ведомства Романии" упоминалось венецианское судно со 100 кантариями (476,5 кг) свинца на борту (108,№56).

Магическую "седьмичу" импортировавшихся в Кафу металлов дополняло "живое серебро", или *ртуть* (argento vivo), неизменно упоминавшаяся в средневековых "учебниках по коммерции" (113, р.315). Ртуть почиталась самым эзотерическим элементом, к которому не смел прикасаться непосвященный. Соответствуя стихии воды и астральному знаку Меркурия, она отличалась магической соединенностью с флегмой человека. В ней заключалось женское начало первоматерии, незримый дух, оживотворявший металлы. Без нее и свинец, и золото, и железо, и серебро... лишались внутренней "духовности" и "омертвевали". Более того, будучи женским семенем металлов, "argentum vivum" становился решающей силой Великого делания, одним из практических результатов которого была технология горячего золочения и вообще амальгамирования, немислимая без ртути (266,с.229-236). Таким образом, "живое серебро" оказывалось важнейшим компонентом злато- и среброделия.

Исключительно редкая самородная ртуть из копей Испании, а еще чаще - восстанавливаемая из сульфида ртути, привозилась в Кафу в известных археологам толстостенных сфероконах, запаянных свинцовой пломбой (I,1894,д.№157,л.12,сл.; 2,1929,д.№113,л.204,сл.). Здесь какая-то ее часть потреблялась в местном ювелирном ремесле, превращаясь в привычные кафиотам позолоченные, или реже, посеребрённые пуговицы и застёжки, цепочки и пряжки, украшавшие

одежду горожан (107,р.215-219,226-229), а часть распространялась на Север через Тану (113,р.314).

Нередко с ртутью поступал *вермиillon*, тот самый сульфид, из которого с помощью возгонки извлекался чистый "argentum vivum". Вермиillon, как и его восточный аналог - киноварь был одним из важнейших элементов средневековой космогонии, неизменно присутствовавшим в самых сокровенных алхимических жестах, как например, приготовление "воды философов", различных эликсиров, включая получение "философского камня" (266,с.212-230). Собственно, он являл собой единение женского (ртуть) и мужского (сера) семени, союз духа и силы. Вермиillon также был предметом тайнодействия ремесленника-демиурга, либо в своем неразъединенном качестве, как тинктура в стеклоделии и керамике, либо в своем чисто ртутном состоянии для придания золотистости ювелирным изделиям. Вермиillon (vermiglone) итальянских месторождений (524) привозился в Кафу, где, согласно данным флорентийского анонима начала XIV в., он продавался наряду со ртутью и другими товарами, импортированными с Запада (113,р.315). Через Кафу этот продукт отправлялся на Дон и Волгу (113,р.314,316).

Наконец, в документах Кафы встречаются единичные упоминания окисла цинка, так называемой *туции*, происходившей из византийской Троады, иранских владений ильханидов и, возможно, Индии (123,р.203). Подобно ртути и вермиillonу, туция входила в многочисленные ремесленные рецептуры как краситель и антикоррозийное средство. Одновременно она считалась ценным медикаментом (13,с.287). Нельзя исключать и восстановительной плавки туции с целью получения цинка и его последующего легирования с медью, результатом чего был такой ценный сплав, как *латунь*. В кафских актах 1371, 1381 г., в частности, назывались латунные изделия, например, тазы (*basile latoneum*, *basiletum latoneum*) (93,№22,25; 107, .220), хотя и редко. В 1438 г. по поручению Дж.Бадозера в Кафе было куплено 177 ртолей (83,2 кг) туции (147, р.616), что не могло быть случайностью.

В целом, рассмотренный мною материал об импорте металлов позволяет откорректировать сложившиеся представления о характере обмена с Севером и о состоянии рынка северных стран. Как показывают многочисленные выше приведенные документы, этот обмен характеризовался активным, явно доминирующим спросом на сырье и полуфабрикаты, но отнюдь не на готовые изделия из металлов. Эта особенность, не замеченная ни в отечественной (242; 254; 273; 277; 280; 308; 345; 346; 373; 377; 395; 400; 411; 412; 414; 418; 446), ни в зарубежной историографии (501; 505; 525; 529; 536; 540; 567; 572; 589; 592; 618; 620; 621; 624; 644; 656), отражает приоритетные потребности позднее стартовавшей, но отличавшейся высокими темпами

развития металлургии Севера. Та же Кафа до 80-х г. XIII в. была совершенно не известна, но уже в XIV - XV в. это - крупнейший центр почти всех металлургических ремесел, соперничавший с самыми знаменитыми городами Запада и Востока, это "второй Константинополь" и "новая Генуя" (183). Возникшая в XIV в. Тула в XVI в. превратилась поистине в арсенал всего Севера. И если первый город, своим фантастическим ремесленным взлетом целиком обязан привозному сырью, являя пример превыпавшей меры зависимости от дальнего импорта, то второй город, получив первоначальный импульс от функционирования южной торговли, обрел гарантии своего более стабильного процветания в освоении горнорудных ресурсов Урала.

Переходя к вопросу о торговле текстилем, я должен отметить значительные достижения в этой области французской и итальянской историографии (477; 492; 536; 561; 567; 568), лишь в немногих частностях и акцентах требующей уточнения. Поэтому начну с генерализирующей характеристики. Как показывают современные исследования, основным видом импортировавшихся "из греков" материй стали появившиеся в XIII в. тонкие и толстые *сукна* из шерсти фландро-французского и итальянского производства; они легче кроились, отличались большей прочностью и практичностью в сравнении с известной прежде текстильной продукцией из льна, хлопка или шелка; кроме того, своей богатой гаммой и порой фантастически изменявшейся на свету окраской они способны были удовлетворить любым вкусам, пристрастиям почти всех социальных групп. Спрос на сукно в Романии и Татарии стал одним из факторов небывалого расцвета текстильного производства в Европе.

Судя по постановлениям "Оффиции Газарии", трактатам "Практика делла меркатура" и некоторым другим источникам (113, р.314-315; 116, р.200-202; 123, р.59), в Северное Причерноморье ввозились ломбардские ткани, нередко окрашивавшиеся в алый цвет (*scarlate*), знак божественной любви и крестного страдания, неземного могущества и справедливости, цвет, подобающий государям и пастырям епископского сана (648), кроме того, - фландрские сукна, особенно таких прославленных центров, как Ипр и Поперинге, далее, - французские шерстяные ткани, самого широкого ассортимента - от северных Дуэ и Провена до южных Тулузы и Перпиньяна, самыми ценными из которых были шампанские и шалонские сукна всех расцветок, в особенности же, красные, синие и зеленые, выражавшие своей цветовой символикой сакрализацию мирского служения, верности земному призванию, то есть внутренние императивы рыцаря-вассала и осознавшего свой феодальный статус бюргера. Наряду с европейскими сукнами, повышенным спросом пользовался кипрский *камлот*, первоначально ткавшийся из верблюжьей шерсти, от

чего он и получил свое название, а потом из тонкой овечьей пряжи. Славился камлот всех цветов (113,р.315), но в особенности, блестящий белый, символизировавший невинность и веру, радость и простоту, темно-синий, соотносившийся с естественным крещением и возвышением над хаосом в единении с духом божьим, темно-зеленый, указующий на рождающийся в лоне первобытных вод мир, желтый, выражавший испытание страданием и завистью, голубой, связывавшийся с возвышением сердца над земными привязанностями, с внутренним самоусовершенствием. Белый и цветной камлот довольно часто фигурировали в массариях Кафы (167, v.IV, р.32-40, 55).

Самые ранние известия о ввозе сукна в Кафу отыскиваются в нотариальных актах Перы 1281 г. (91, №16, 20, 24). В них значились ломбардские материи и ткани без определения общей стоимостью 69 тыс. аспров. На 1/3 эта продукция предназначалась для самой Кафы, остальную часть предусматривалось реализовать в пределах Газарии, под которой понималась либо Восточная часть Крыма, либо Золотая Орда как преемница Хазарского каганата (201). Акты Ламберто ди Самбучето 1289-1290 г. дают более представительную информацию. По ним, импорт сукон Шампани может быть оценен в 400 тыс. аспров.

Рис.18. Торговец тканями

К этому следует добавить сведения о поставках сукна из города Шалон-сюр-Марн (100, №87, 191), находившегося в той же области Франции, но текстильная продукция которого, в силу исключительных качеств, тарифицировалась в нотариальных актах отдельно как "ranni jalon". Те же акты содержали указания о цвете шалонских тканей - красных, синих, зеленых, считавшихся наиболее социально престижными. Их импорт в Кафу превышал 20 тыс. аспров. Акты называли также ткани Витри-ле-Франсуа (100, №262, 619, 899), обозначившиеся "vitry" или "telle de vetri". Их стоимость превышала 90 тыс. аспров. Наряду с этим, поступала продукция фландрских сукнодельческих центров Ипра и Поперинге (100, №688). Из итальянских сукон самым ходовым было ломбардское (100, №237, 669, 834), главным центром производства которого был Милан. Их импорт в Кафу составлял 20 тыс. аспров. На 300 тыс. аспров было ввезено прочих сукон, не имевших определения. Однажды упоминалось сукно из Германии (144, t.III, №1533).

Из Кафы эта продукция отправлялась в направлении Донского и Волжского торговых путей - в Тану и Сарай (100, №449, 460; 298, с.33). Бытование шерстяных тканей в пределах Дешт-и-Кыпчака отражает "Куманский Кодекс" начала XIV в., в котором упоминались, помимо прочих, ткани Орлеана, Новары, Кремоны, Асти, Фабриано и Остуньи (159, fol.47).

Для XIV в., к сожалению, нет столь же компактной и емкой выборки, хотя немногие из сохранившихся актов первой половины XIV в., отражавшие импорт из Европы, превосходят по масштабам торговых операций и объему капиталовложений каждый из актов Самбучето, что позволяет, как мне кажется, судить о поступательном развитии этой отрасли торговли. Согласно двум актам 1343 г., генуэзец Никколо Россо ди Леванто вез из Лигурии ткани и цветной "сай" шампанского производства, стоимостью почти 25 тыс. лир (около 68 тыс. аспров), имея поручение продать их в Газарии (176, №124, 125). По двум другим актам того же времени, везли реймские и пармские сукна, общей стоимостью 3,5 тыс. лир (127 тыс. аспров) (176, №144, 145). Миланец Марко Карелло вез для продажи в Тане шалонские, бергамские и пьачентинские ткани, стоимость которых равнялась 50 генуэзским либрам серебра (около 9 тыс. аспров) (176, №146). В завещании Бернардо де Манцодео назывались реймские и другие ткани, стоимостью примерно 700 аспров (106, №15).

Из Кафы большая часть названных материй продолжала распределяться в Крыму и Газарии. Документы 1343-1348 г., когда казалось бы итальянско-татарская война и осада Кафы должны были парализовать обмен, называли среди причерноморских центров, через которые кафиоты вывозили импортный текстиль, Россо и Чембалло, тяготевшие к Днепровскому пути, Пеше и Сан Джорджо, имевшие выход к путям по Кубани и Кума-Манычской впадине (193, №5, 10). Дистрибуция подобной продукции подтверждается также находками фрагментов итальянских и французских шерстяных материй на Северном Кавказе и в Золотой Орде (300, с.35, 168). Известно, что венецианец Джованни Лоредан доезжал в 1338 г. до Хаджитархана и вверх по Волге до Старого и Нового Сараев с целью продажи фландрских и флорентийских материй (568, р.155). По Волжскому пути импортное сукно доходило вплоть до Москвы. В связи с этим, уместно привести упоминание в духовной грамоте московского князя Ивана Ивановича, отца Дмитрия Донского, такой одежды, как "опапен скорлатен" (72, с.40, 42), то есть из алой шерстяной ткани, под которой следует понимать самый распространенный сорт ломбардского сукна. Именно такую генетическую связь устанавливал Пеголотти в своем трактате, явившемся товароведческой энциклопедией средневековья: "ломбардские материи, которые называют *"скарлат"* (149, р.181).

В нотариальных записях 70-80-х г. XIV в. называются десятки типов одежды и других текстильных изделий, сшитых из импортных тканей. Западное происхождение имели миланская *гота*, то есть длиннополая рубаха, служившая, по словам Петрарки, рабочей одеждой для генуэзских моряков (93, №25; 495), изделия из белой шерсти (*cadì*), производившейся прежде только в Кадисе, но впоследствии распространившейся по всей Европе (107, р.237). Записи массариев Кафы тех же лет свидетельствуют об обращении в городе флорентийских и миланских сукон, различных тонких материй (167, v.IV, р.33,36,38,39; 315, с.160-162), которые к XV в. потеснили продукцию старых центров Фландрии и Франции. В составе ввозимого текстиля появились сукна из Англии (223, t.III, №2349; 229, v.VI, №136) и Германии (167, v.IV, р.52).

Нередко одновременно с элитным сукном везли ткани попроще: из конопля, льна или хлопка. Кафским нотариам были известны *бумазея* (*bocasinus, fustanea*) (100, №870), самые известные сорта которой ткались в Генуе и Перудже (156, р.124; 202, р.180; 537, р.229), *холстина* (*capovaccio*), происходившая, в основном, из Генуи и предместий - Савоны, Асколли, Фермо (149, р.166; 156, р.124; 202, р.184), *саржа* (*sarcia, cordelato*), ткавшаяся в Лигурии (107, р.237), *"zetanin"* - легкая, прозрачная ткань, вроде сатина (147, р.604), *"scamandri"* из хлопка, изготовлявшиеся в Византии и, возможно, в Трапезунде, если иметь в виду "керасунтские скамандри" (*scamandri jursonesi*) (91, №53; 100, №10,65,78,86,218,268,272, 283,338,398,399,414,493,506,524,525,577, 628,871,872; 118, р.513; 159), игравшие зачастую роль денежного эквивалента, похожий на лощенку *"бокаран"* (*bocharani*) (93, №22; 100, №65, 414,442,467,470,471,524,554), из которого наибольшей известностью пользовался блестящий и тонкий кипрский бокаран, упомянутый в новеллах Боккаччо (657, v.I, р.352). Определенная часть названных тканей потреблялась в портняжном ремесле Кафы, где в ту пору действовали портные (*taliatores*), стригущие сукно (*acinatores*), суконщики (*dgarerii*), красильщики тканей (*tinctoros*), шерстянщики (*lanerii*) и мастера по изготовлению одежд (*magistri vestium*) (100; 229, v.VII, р.II, р.544).

Несмотря на все эти достаточно показательные факты, не складывается убеждения в сколько-нибудь широком распространении импортных тканей на Севере. Сукно, скорее всего, составляло достояние лишь знати. Не случайно археологически и археографически оно засвидетельствовано только находками в погребениях каких-нибудь адыгейских князей или ордынских ханов, упоминаниями в инвентарных описях имуществ русских князей или патриархов (300, с.35,168). Разве что бюргерство таких богатых городов, как Кафа, могло себе позволить облачаться в одежды из модных сукон. Подавляющая же масса населения по своим устоявшимся из поколения в

поколение привычкам, по своей потребительской культуре в целом, оставалась довольствоваться местными домоткаными материями.

Что касается потребностей высших сословий, то здесь, кажется, приоритет принадлежал даже не изысканным шерстяным тканям, как можно было бы счесть после знакомства с исследованиями зарубежных историков (492; 561), но тяжелым парчовым материям, расшитым золотым и серебряным узорочьем. Стоит только вчитать-ся в славянские докуменгты, чтобы убедиться в том, насколько безграничен словарь древнерусских терминов, обозначающих шелковые и парчовые ткани, обнаруживая чувствительность к самым тонким отличиям. В Кафе продавались и покупались *артагаз* - шелк, отличающийся голубым отливом, и *тауси* - шелк переливчатой спиватоловой окраски, напоминающей павлинье оперенье (425, т. IV, с. 28), византийские *аксамиты* из шелка, расшитые геральдическими орлами и грифонами (425, т. I, с. 66), и *фофудья*, украшенная узорами из серебряных и позолоченных лент (425, т. IV, с. 205), "*грецкий оловир*", горящий пурпуром, и *куфтьер* всех расцветок и с золоченой тесьмой (425, т. II, с. 436). Здесь были дамаская *камка* - одноцветный шелк с крупным золотым узором, от которого он и получил свое арабское название "*kamha*", то есть "золотой" (495), и *атлас* - гладкий шелк с гляцевитой лицевой поверхностью (425, т. I, с. 96), персидские *тафта* - шелковая ткань с туго скрученной нитью, жесткая и топорщащаяся, и *изорбаф* - материя из шелка с золотыми шитыми галунами (425, т. II, с. 80; т. IV, с. 29), *кутия* - полосатая ткань из шелка и хлопка, и *обьярь* - тонкая шелковая ткань с эффектом свечения, достигавшегося как введением золотой и серебряной нити, так и муаром, то есть обработкой шелка специальным валиком. Там знали ворсистые шелковые материи, как *велюр* и *бархат*, отличавшийся порой рельефным узором, парчовые ткани, выполненные с использованием тончайшей металлической нити, а с рубежа XIV - XV в., пряженного золота и серебра, как *камка* и *обьярь*, персидский *алтабас* и туркский *байберек*, бархат и *назик*. Тогда были известны *фарауз* (425, т. IV, с. 185) и *кара*, *хиндряк* и *шида* (425, т. IV, с. 437), таинственные названия которых непояснимы для современного историка (51, с. 10-31; 331; 393; 394; 429). Стоит только всмотреться в галереи древнерусской иконы (543), чтобы убедиться как действительны образцы византийских материй, как органичны византийские каноны в сакральных одеяниях, если все православные святые, сам Христос и Богородица, облачены в греческие мафории и сакосы, покрыты куфней из какой-нибудь лапислазуревой куфтери или камки с золоченым тиснением. из какой-нибудь пурпурной обьяри или оловира с золотым орнаментом.

Продукция итальянских центров шелкоткачества - Лукки и Генуи, Флоренции и Венеции, возникших в конце XIII в. (536, р. 238; 632, р. 62), появилась на Севере тогда, когда его рынок был уже давно

освоен византийскими и арабскими торговцами шелком. Упомянутый в документах первой половины XIV в. цветной "сай" шампанского производства (says coloritis de sampania) (176, №124) в то время ткался еще из шерсти и ничем не напоминал более поздний "сай", конца XIV - XV в., сорт шелковой материи с золотыми узорами, получивший широкую известность у кавказских народов (361, с.22,26). Первые сведения о присутствии итальянских шелковых материй в Кафе относятся к 70-80-м гг. XIV в. Это *тафта* вишневого, лазоревого и других благородных цветов (taffetta cremexi, celestini), *велюр* кремозинового тона (velluti cremexi), *камокат*, вытканый золотом (camocati) (93, №22,25,35; 107, р.215-218,225-227; 166, р.41-42; 167, в. IV, р.36,42,43,46). Собственно, сами эти названия могут еще вызывать сомнение в итальянской принадлежности перечисленных тканей, и только в одном случае итальянское происхождение обнаруживается вполне: я имею в виду упоминание кружевной накидки из шелка и золота флорентийской работы (filloroto sive toaiollum sete cum auro ad modum florentinum) (93, №35). Из Кафы изысканные итальянские ткани из шелка и парчи отправлялись в Солкат, на Кавказ и еще дальше - в Литву и Московию (300, с.35,38-39,43-44,46-48,168). Это находит подтверждение в археологических исследованиях, в частности, в находках фрагментов цветного златотканного шелка итальянского производства в инвентаре Белореченского и Борисовского (около Геленджика) могильников, на Царевском и Селитренном городищах (352; 447; 448; 527, р.105). Сохранившиеся инвентарные описи имущества великокняжеского двора, древнерусских церквей и монастырей убеждают в том, что итальянская парча была известна с XV в. в Москве и других северных городах. Итальянская белая камка с плетеным из золота и серебра кружевом послужила материалом для торжественной фелони игумена Троице-Сергиевской лавры Никона (+1428), вызывая в памяти образы ренессансных художников, например Карло Кривелли (394, с.13-14). Венецианская камка украшала ризы Тверского и Ярославского архиереев (300, с.48). Из итальянских бархата и камки сшиты более 1/3 вещей в гардеробе Ивана III (31, с.6-7; 49, с.1-46). В какой-то мере, это отражение большей предпочтительности в XV в. итальянской продукции, не только унаследовавшей лучшие традиции восточного шелкоткачества, но и обогащенной новоевропейскими достижениями, в особенности, в златопрядении.

Однако приведенная характеристика будет неполной, если не отметить импорта в Кафу текстильного сырья. К сожалению, эти факты остались неоцененными современной историографией (414; 429; 501-503; 536; 537; 567; 568; 572; 573). Судя по коммерческим книгам (113, р.314-315), в Кафу ввозился из Восточного Средиземноморья *сирийский хлопок* в клоках и пряже (chotone di Soria maputo e filato),

считавшийся лучшим в то время. Русские источники XV в. знали "крупчатую бумагу", привозившуюся в Кафу из Шама, то есть из Сирни (51,с.30). В нотариальных актах назывались не только льняные ткани северного и южного происхождения, но и сырой лен, упакованный в мешках (124,№34). В еще больших количествах ввозился шелк-сырец и окрашенная шелковая пряжа, и западноевропейские историки (113; 497; 565; 566; 568; 608; 638) не всегда правы, считая, что вся эта продукция подлежала реэкспорту в Западную Европу. Документы показывают, что часть шелка, в особенности, более близких шелководческих областей - Гиляна, Кавказа и Закавказья, определенно оставалась в Кафе и Крыму, ибо она выступала в качестве залога долгосрочных торговых операций (93,№44; 100,№155; 464,р.379; 503,№9; 585,р.109; 612,р.62), или же транспортировалась по путям "в варяги". С купцами из Кафы шелк-сырец (*sericum crudum*) и шелковая пряжа (*staminis sericeis*) попадали в молдаво-валашские княжества (120,р.128) и Львов (206,t.I,№388,571; t.II,№155; t.III,№180). С русскими купцами, торговавшими в конце XV в. в Кафе, текстильное сырье и крашеный пряженный шелк из Токата, Бурсы и Йезда, измерявшийся на вес, достигали северных земель (51,с.11-12,26-27,29-30).

До сих пор не ставился вопрос о производственном назначении всей этой продукции, тогда как в самой Кафе раньше, чем где бы то ни было в восточноевропейской периферии, сложилась собственная шелковая индустрия. Это подтверждается свидетельством Иоанна Галонифонтского, посещавшего Крым на рубеже XIV - XV в.: "... город Кафа - место сбора купцов со всех концов света ... Здесь говорят на всех восточных языках и однажды я сумел насчитать целых 35 ... Здесь можно найти генуэзцев - городских ремесленников и настоящих лучших мастеров по шелку, камлоту и другим выдающимся ремеслам." (27,с.14). Кафские массарии называли армян-шелкоткачей (*magistri samocatorum*) (477, р.285). Несомненно, часть сырого и полуфабрикатного шелка и хлопка потреблялась в ремесленной сфере. По-видимому, с развитием шелкоткачества Кафы, но не просто с пунктом реэкспорта, как считали прежде (414,с.53,сл.; 429,с.83), надлежит связывать появление "кафинских" куфтери и камки, муравных, багряных и белых, с большими и малыми узорами, "кафинских" тафты и шелка, цветных и червчатых, "кафинских" тесьмы и каймы, известных по древнерусским источникам (51,с.10 -33), равно как и упоминание в генуэзском завещании ритуального облачения из разноцветной кафской камки, с синей каймой, отороченной золотом (*planeta camocati Caffè diversorum collorum cum frexio celesti bordato aureis*) (116,№156), или индикация кафского *сендала* в одном из пагузанских актов (*cedalini de Capha*) (170,№427), или знакомство с кафской камкой (*Kemha de Kefe*) составителей турецких таможенных

правил (114,р.114). Вслед за Кафой на "татарском пути" должны были возникнуть новые текстильные центры, работавшие на импортном сырье. В XVI в. кружевное плетение "волочейкой", то есть шелковой нитью, обмотанной тончайшей, плоской проволокой из драгоценных металлов, шитье "канителью" и "мишурой", то есть из медной проволоки с позолотой, стали известны в Московии.

Продолжая характеризовать товарную структуру южного импорта, хотелось бы остановиться на такой статье, как *бумага*. Вне всякого сомнения, этот новый писчий материал, вытеснивший дорогой и редкий пергамент, распространился в северных областях, благодаря обмену с Югом. Само слово "бумага" в какой-то мере отразило этот путь, поскольку оно производно от названия сирийского города Ваимбусе, где действовала одна из первых бумажных фабрик. Перенесенное в XII в. в Испанию и Италию, бумажное производство произвело подлинный переворот в Европе: не случайно, тогда же сложился нотариат, оформлявший все частные сделки, возникло коммунальное делопроизводство, появились светская система образования и городская книжная культура, вышедшая за пределы монастырских келий.

Начиная с 80-х г. XIII в. на итальянской бумаге составлялись тысячи нотариальных актов Кафы, велись дела многочисленных муниципальных ведомств, записывались бухгалтерские счета, коммерческие письма, итальянской бумагой пользовались в кафеских скрипториях и школах. Очевидный значительный спрос на бумагу в Кафе находит далеко не адекватное отражение в источниках. Можно привести лишь сведения Бадорра 1438-1440 г. об отправке в Кафу 3 балласов (519 кг) бумаги (*charte, charte fine*) (147,р.354,492,616), да еще данные аукционной продажи вещей покойного нотариуса, среди которых значились 5 стопок писчей бумаги (*carta pro scribendo*) (107,р.220). Из Кафы итальянская бумага распространялась в Крыму, и Кыярии называл ее среди тозаров, продававшихся в Солкате (123, р.60). Оттуда импортная писчебумажная продукция направлялась еще дальше на Север (36,с.203-204,210-211; 206,т.III,р.40,42,87,202,216, 225,270). Именно поэтому все древнерусские документы XIV - XV в. составлялись на итальянской бумаге, хорошо известной археографам по водяным знакам (363). По тому же пути распространялась, по-видимому, и технология бумажного производства. В самой Кафе не было возможности создавать бумажные мельницы из-за отсутствия большого количества проточной воды, зато в других городах, лежавших по "виа тартарика" на многоводных реках, такие мельницы возникали, и в XVI в. они начали работать в Москве (363).

Иногда в Кафу привозились для продажи *книги*. По одному из актов 1467 г., магистр Джакомо Траверсани продал книг на сумму 1 тыс. аспров (107,р.288-289), что позволяет говорить о существовании

оптовой книготорговли, вызванной расширением круга светского образования и чтения. Еще в XVI в., в условиях турецкого господства, в Кафу отправлялись латинские буквари и грамматиксы, разнообразные книги духовного содержания на латинском и итальянском языках для остававшихся там итальянцев и униатов из числа греков и армян (65, с. 278-279, 283). Среди книг упоминались, в частности, труды Иоанна Хризостома и Василия Великого. С этой же линией обмена следует связывать появление в городах на "татарском пути" итальянского бревиария XIV в., латинских и итальянских трактатов XIV - XV в. по праву, геральдике, теологии, равно как и еврейских книг "Торы", "Талмуда" XIII - XV в. с пометками иерусалимских владельцев, которые хранились в общинах крымских евреев (128, №126, 135, 138).

Среди ремесленной продукции Юга, ввозившейся в Кафу, историки, опирающиеся только на письменные источники (467; 468; 479; 483 и др.), всегда забывают о *стекле и керамике*, в то время как археологам хорошо известна импортная тарная керамика для перевозки масла и вин, имевшая соответствие в латинской терминологии - "jatta", "baril", "mezarolo" (477), то есть особых сосудов, ставших измерительными стандартами для жидкостей, известны генуэзская майолика и египетская глазурь, византийское сграффито и персидский кобальт, знакомо стекло итальянских и сирийских центров (1, 1894, д. №157, л. 11-13 об.; 231; 233; 383; 384; 455). Очень немногие из перечисленных вещей находят аналогии в письменных источниках. Так, в актах Кафы 1381-1382 г. упоминались дамаскские пиалы (*fiala damaschina*), флаконы для розовой воды (*ampoletta damaschina pro aqua rosa*), аптечные сосуды, графины и прочая посуда из фаянса и стекла (93, №22). В арабских текстах назывались посуда и лампы плафоны из Сирии и Египта (67, с. 61). Из Кафы эта продукция подлежала дистрибуции в пределах Крыма и по торговым путям на Север. Не случайно, в тех же самых пунктах, отмеченных находками кафских и крымских монет, в тех же слоях встречаются находки итальянского стекла (347; 349; 369; 455, с. 30, 77; 461, с. 38). Помимо удовлетворения практических и культурно-эстетических запросов, импортные изделия, в особенности наиболее высокохудожественные из них, стали образцами для кафских гончаров и стеклодувов (*magistri vitrorum*), известных по частно- и публично-правовым актам (107, р. 275-276; 229 v. VI, №638), повлияв на формирование особой местной ремесленной традиции (232; 233; 307; 352; 354).

Пытаясь отыскать соотношение между сырьем и готовой ремесленной продукцией в общей структуре южного импорта, предпочтение, может быть, придется отдать даже не им, а многочисленным и разнообразным товарам аграрной сферы. Север явно нуждался в южных продуктах, необходимых для восстановления жизненных сил

и поддержания здоровья. Уже торговые книги называли *оливковое масло*, различные *орехи*, *миндаль* и *шафран*, *каштаны* и *фрукты*, в качестве товаров, особо предпочитаемых в Кафе и других северных городах (113,р.314-316). Они отличались не только высокими питательными качествами, но и особыми целительными свойствами, известными средневековым культурам как Запада, так и Востока; миндаль, считалось, избавлял от язвы и закупорок в печени и почках, а шафран, полагали, "придает и отраду, и бодрость; в члены вливает он силу и печень у нас обновляет" (24,с.182); кроме того, они входили в рецептуры многих лекарств, например от моровой лихорадки (13,с.223-224,591).

В XIII - XIV в. в Кафе был уже известен и *сахар* (113,р.315), происходивший из Сирии и Кипра (149,р.363) и познанный европейцами с эпохи крестовых походов. Тогда он не был лакомством и был далек от чрезмерности новейшего времени; сахар был фармакологическим средством, назначавшимся расслабленным больным (13). Весьма показательный коммерческий интерес, связанный с прогнозированием прибылей от поставок продукции заморских плантаций, отражает письмо 1433 г. некоего Империаля Тонсо своему брату на Кипре, в котором подчеркивается явный недостаток в Кафе масла, резко вздорожавшего, и полное отсутствие сахара как кускового так и мелченого (*sucari cotis e pulveris*); цены на него ожидалось фантастические - 60 кипрских иперпиров за пару кусков (для сравнения: 48 кг икры стоили 6 иперпиров) (116,№99).

Кроме того, статуты Кафы называли *фрукты*, отправлявшиеся итальянцами на базары Солката (164,с.409), а нотариальные акты знали изюм и сушеные фиги (100,№534,892,899), полезные, по словам Арнольда из Виллановы, для почек и помогающие от кашля (24,с.176). Масло в бочках, упакованные в керамические сосуды орехи, в том числе грецкие, а также шафран, включая лучший тосканский, сушеный виноград и сахар отправлялись из Кафы в Орду и Литву, по всем путям "в варяги", вплоть до Москвы (51,с.12,24; 73,№55; 94,т.IX, №58; 106,№80; 120,№128; 167,в.IV,р.35,38,49,97; 206,т.III,р.60,161,253, 297,305,375,416, 432).

Концентрированным воплощением всех полезных и омолаживающих свойств южных плодов была, конечно же, винодельческая продукция. Как утверждал "Салернский кодекс здоровья" начала XIV в.: "лучшие вина у нас вызывают и лучшие соки" (24,с.172), и это авторитетное мнение разделялось тогда многими. Затаренное в двуручные амфоры, от 50 до 90 литров, а с XIV в. в

Рис.19. Бариль и мецарола

бочки, вино, в отличие от прочих вкусопищевых товаров, было наиболее удобным для транспортировки; вдобавок от длительности хранения оно не только не утрачивало качеств, но, напротив, становилось лучше и ценнее. Поэтому не удивительны масштабы импорта заморских вин в Кафу, в порту которой, кажется, никогда не убывали суда, доверху загруженные бочками с вином.

Документы Кафы дают широкий ассортимент вин, который

Рис.20. Виноторговец

составляли лучшие марки винодельческой продукции того времени. Это, конечно же, прославленная *мальвазия*, подобная нектару богов, красное вино Неаполя и королевства, снискавшее себе славу под названием "кровь Христа", крепленые греческие вина Крита и Кандии, Трильи и Турпии, Котора и Газты (34,с.498; 105,р.188-190; 113,р.315; 166,р.46; 167,в.IV,р.39; 170,№357). Акты Самбучето 1289-1290 г. называли миланское (100,№18), неаполитанское (100,№883) и греческое (100,№293,299,

880) вино. Судя по ним, кафиотам были известны также хмельные напитки из Паролеме (Индир-лиман на Босфоре) (100,№1,254), из Лимний и Керасунта (Гиресун, Турция) (100,№768). В целом, по данным названного нотариуса, объем импортных вин составил 1,65 тыс. гл. стоимостью свыше 72 тыс. аспров.

Представления о данной отрасли торговли расширяют некоторые документы Генуи. К примеру, акт 1291 г. фиксировал соглашение о фрахте навы на которую следовало погрузить 3500 мецаролиев (3,3 тыс. гл) марсельского вина и доставить в Кафу (505,в.I, р.317; 607,№46). Другой акт, 1293 г., отражал условия коменды, налагавшей обязательства отправить 1000 мецаролиев (950 гл) провансальского вина в Перу и Кафу (477, р.843). Согласно торговому договору 1304 г., предполагалось отвезти из Неаполя в Перу и Кафу 150 веет (910 гл) вина; по нотариальной записи 1306 г., по тому же маршруту должны были отправить 200 веет (1200 гл) неаполитанского вина. По двум актам 1344 и 1348 г., в Кафу вывезено 320 веет (1950 гл) греческого вина из Неаполя (477, р.843). По коммерческой сделке 1379 г., на коку Энрико Гаттилузи было погружено в Неаполе 400 веет (2400 гл) вина с последующей отправкой в Кафу (477,р.843). В 1382 г. трюмы рагузанской коки были заполнены винодельческой продукцией Далмации, Турпии, Котрона, предназначенной для продажи в Кафе (170,№357). Последние данные приходятся на период острейшего кризиса, охватившего торговлю со второй половины XIV в., когда объемы товарооборота упали в 3 и более раз (553,

567,р.231), и можно только строить предположения, каким был импорт виноизделий в предшествующий, более благоприятный период.

Из Кафы продукция итальянских виноделов вывозилась в Солкат, Тану, Матрегу, Воспоро (Керчь) (300,с.29), где размещались генуэзские гарнизоны, являвшиеся, как думается, основными потребителями импортных вин. Согласно записям массариев Кафы, греческие и итальянские вина везли ко двору крымских и ордынских ханов в качестве почетного приношения, молдавским и валашским господарям, литовским и русским князьям (115,р.249; 116,№33; 118,р.513; 166,р.46; 167,в.IV,р.33,34,37,38,39,43). В конце XIV в. вином угощали русского митрополита и его свиту (167,в.IV,р.39). Пожалуй, круг потребителей заморских крепких напитков имел тенденцию к расширению за счет горожан крупных и портовых городов, как та же Кафа. Если же говорить об отдаленной периферии, то объемы виноторговли были явно недостаточны, чтобы приобщить ее к цивилизации. Красное греческое вино использовалось церковью, служа мистической "кровью Христа" в таинствах причащения. Прочие вина оставались атрибутом социального дистанцирования высших сословий. По словам Джовио, их употребляли "только при торжественных пиршествах... или с целью хвастовства особой княжеской роскошью" (34,с.498). В остальном, импортные вина предписывались как врачевательный эликсир; с вином, зачастую подогретым, тогда принимались все лекарства. Не случайно иностранные авторы констатировали, что в Татарии и на Руси вина почти не пьют (27,с.16; 42,с.228).

Подходя к завершению обзора южных товаров, остается добавить, что в Кафу ввозились морем некоторые редкие виды специй средиземноморской зоны, как например, *церагоний* (*carobis*) (100,№399,403), происходивший из Африки и Кипра и использовавшийся в приготовлении сладостей, или ладан (100,№22), лучший сорт которого происходил из Адена и Кипра, считавшийся спасительным от самых страшных эпидемий и даже от чумы (13,с.220), или *амбра* - воскообразное вещество из кишок кита, собиравшееся на побережье Аравии, служившее общеукрепляющим и стимулирующим средством, на основе которого испанцы создали новую парфюмерию, особо стойкую; эта самая амбра продавалась, по словам одного из авторов "руководств по коммерции", шлифованной, наподобие четок (*anbra chonca a modo di paternostri*) (113,р.315). Ввозились также египетская *кассия*, полезная при опухолях и ангине, *сирийские фисташки*, снимающие боли в печени, *хиосская мастика*, бесценная в тогдашней парфюмерии и ароматических воскурениях (13). Привозились как шлифованные, так и нешлифованные *кораллы* (113,р.315), которые в те времена пили с водой при опухоли селезенки, кровохарканьи и слабеющем зрении (13,с.154-155). Наконец, через Кафу импортировалось на Север содовое *мыло* в брусках, упакованное в ткань и ящики.

Итальянские коммерческие письма называли кипрское мыло (116, №99). По русским источникам конца XV в. известны "грецкое" и "халыпское", то есть из Алеппо (51, с.12, 26, 29, 30, 31). Почти каждый из русских купцов вез с собой в Московию в среднем 20 брусков мыла; объем, способный, разве что, удовлетворить элиту, оставив массу довольствоваться местным жидким мылом на поташной основе.

Оценивая общий характер южного импорта, нельзя не заметить его гораздо более широкого ассортимента, который только отчасти предопределялся индустриальным ростом, прежде всего Запада с его потребностями в рынках сырья и сбыта, в основном же продолжал оставаться следствием большей благоприятности естественно-географической среды, более легкой доступностью ископаемых недр.

Кем же были те люди, которые проделывали столь долгий и сложный "путь из варяг в греки" и обратно, доставляя эти многочисленные товары? Какими устремлениями они были движимы? Здесь едва ли возможен какой-то универсальный коллективный портрет купца того времени. Не совсем подходят и утвердившиеся представления, скажем, о русском купце, как о некоем курьере, почти "челночном", на свой страх и риск отвозившем отечественный товар в Заморье, там его реализовывавшем и закупавшем иностранный (414; 418). Как не очень-то убеждает образ итальянского негодичанта, действовавшего всеми приемами, включая вооруженное насилие, ради достижения высоких прибылей (273; 308; 324; 325; 411; 445), или татарского торговца, не признававшего никаких правил и условий, всегда склонного к разбою (514, 542).

Этот образ будет слишком отличаться при движении с Севера на Юг. К примеру, едва ли среди возможных типов торгового предпринимателя, известных исторической антропологии (см.: 301), находилось место уникальной фигуре северного "купца", который приезжал из Югры в Булгар, проделывая немыслимый путь из-за Урала, от самой Оби, на собачьих упряжках, нагруженных пушниной, им самим и его сородичами заготовленной и обработанной. В Булгаре, точнее за городом, на поле, где совершались "торги", этот "купец" раскладывал свой товар и уходил, а напротив него покупатель должен был положить свой товар; на следующий день "продавец" приходил и выбирал, и если ему нравился предложенный товар, он его брал, оставляя меха, если не нравился, забирал меха обратно, не тронув чужого товара (67, с.297). Так, без денег, без цен, даже без торговых рядов, за которыми бы рядились покупатель и продавец, совершался обмен на Севере в XIV и даже в XVI в. (29, с.170). Вероятно, таким же образом вели торг и те русские купцы, которые отваживались на встречные поездки в Сибирь, как например, безмянные Устюжане, ездившие в конце XV в. в Тюмень (54, т.XII, с.158; 57, с.195).

Совершенно иной тип представлял собой новгородский ушкуйник, потомок варяга по темпераменту и стилю поведения; соединяя в одном лице функции купца и разбойника, пиратствовавшего на Волге (575) на своих ладьях с устрашающей медвежьей головой (оскуй, ушкуй), он был стихийным отрицанием нарождавшегося монополизма Москвы.

Не чужд северному предпринимательскому духу был и тип купца, ассоциированного в широкие корпорации, обладавшие значительным капиталом и влиянием. Здесь, прежде всего, следует иметь в виду гостей-сурожан. В затянувшемся споре о значении самого этого слова, производного то ли от определения "сурога", то есть шелка, то ли от названия города Сурож, которым, по мнению одних (259), обозначались греки, по мнению других (418), - русские, по мнению третьих (414), - итальянцы, а четвертых (438), - армяне, я склонен отказаться от самого способа решения проблемы путем этно-социального предпочтения. Термин "сурож" и производное от него понятие "сурожанин" мне представляется отражением славянской картины мира, той важнейшей ее части, которая соотносилась с источником света, тепла, жизни, именно - Юга, отзывавшейся в генетической памяти воспоминанием о месте обитания Сварога, Сварожича (Суорожича) - богов солярного пантеона. Поэтому "сурожанами" в русских землях называли купцов, пришедших с Юга вообще: из Кафы и Белгорода-Днестровского, Азова и Приазовья, в целом. Как иностранцы, они пользовались в русских княжествах статусом гостя, обнаружив в конце XIV -XV в. стремление к натурализации.

Впервые упомянутые в "Ипатьевской летописи" под 1288 г. и насчитывавшие сотни имен в документах XV в. сурожицы действовали на всех "путях из варяг в греки". Их можно было встретить на торговых площадях Великого Устюга и Новгорода на Севере, на рынках Константинополя и Токата на Юге. Они имели склады и торговые ряды в Москве и Кафе (300,с.87-89,194-196). Располагая, в целом, средними капиталами в 20-30 руб. и изредка имея более 100-200 руб., они ввозили в Кафу северных товаров в 80-90-е г. XV в. примерно на 192 тыс. руб. (19 млн. аспров), давая доход кафскому пашальку 160 тыс. алтын (960 тыс. аспров) (50,с.155). Подобные масштабы торговой активности сурожан, контрастирующие со сниженными оценками М.Маловист и других (509; 518; 557; 563; 571-573), должны предполагать более высокий уровень их социально-экономической организации, чем это представлялось прежде (397; 414;415). Пример Степанки Васильева, совершившего в 70-90-е г. XV в. четыре поездки из Москвы в Константинополь и Заморье (50,с.8,235-236; 51,с.11-12; 397, с.130; 414,с.51-52) едва ли может претендовать на типологическое обобщение. Сурожанин отнюдь не был предпринимателем, лично ис-

полнявшим все торговые операции - от закупки и транспортировки до реализации. Разнообразные документы, касающиеся исков по завещаниям, востребованию выморочных имуществ, исполнения тех или иных торговых поручений (50, №1-3, 10, 13, 19, 20, 22, 29, 34, 35, 45, 50, 54; 51, с. 10-33), говорят об известной специализации среди сурожских купцов. Одни из них занимались организацией и финансированием торговых предприятий, как например, еврей Кокос, никогда не покидавший Кафы, известный своими поставками драгоценностей Ивану III (50, с. 40), или жидовин Агрон из Киева, имевший своих представителей в Московии и Крыму (51, с. 10-11), другие выступали в роли факторов, постоянных торговых агентов, действовавших на месте по письменным поручениям, как какой-нибудь Перша, до последних своих дней проживший в Кафе, или Иван Страх, владевший там лавкой (50, с. 206, 235), третьи были трактаторами, осуществлявшими транспортировку товаров либо морем, как Андрей, Оган и Мелксиа из России, курсировавшие между Константинополем и Кафой (147, р. 477, 484, 621), либо по сухопутным маршрутам от Кафы до Москвы, как Хозя Асан, выполнявший поручения Кокоса, либо тем и другим вместе, как Шан Жидовин, зять Агрона, возглавлявший караваны из Киева в Кафу и Заморье (50, с. 50; 51, с. 10-11, 22-25). Среди этих торговых людей были занимавшиеся перевозкой товаров на гужевом или санном транспорте (66, с. 301; 67, с. 63), а были и использовавшие речные суда как например, те, о которых сообщал Дж.Бембо: "Московиты, то есть русы, приходят по реке Танаис (Дон - А.Е.) в Тану со своими большими ладьями (*zoroli grandi*), наподобие бригаantin, и привозят дорогие меха и другие товары для продажи". (224, р. 223).

Некоторым из них удавалось добиться немалых успехов. Тот же еврей Кокос был доверенным лицом Ивана III в переговорах с крымским ханом Менгли-Гиреем (1468-1476, 1478-1515), ему поручал Великий князь заключение брачного союза своего сына с дочерью Мангупского князя Исайко (382; 458). Грек Георгий Перкамота преуспел в качестве посла Московского государя в Милан (278). Греки Дмитрий и Мануил Ралевы представляли Русь в переговорах с дожем Венеции, Римским папой и Миланским герцогом (402). Ту же роль выполняли в 1493 г. Мануил Ангелов и Данила Мамырев, и последний закончил свою карьеру дяком-казначеем (414, с. 87), весьма высокой чиновничьей должностью. Купцы Гаврила Петров, Григорий Алексеев, Иван Подушка были вхожи в придворные круги.

Особый колорит торговле с Севером придавала фигура татарского и вообще восточного купца. Мусульмане различной этнической принадлежности были хозяевами магазинов, фондако, включавших и склады, и жилые помещения, и лавки, и порой мечети, как в Кафе (293, с. 108-110), так и в Москве (418). Им принадлежали караван-сарай и целые кварталы. Мусульманские купцы располагали широкими связями, осуществляя сообщение Кафы с Москвой и Заморьем, вплоть до земли Шам (Сирия), Мисорь (Египет) и Италии (50, с. 106, 107, 112, 124, 174, 220, 243, 409, 410, 420; 51, с. 28, 41, 157, 175). Некоторые из них достигали значительного влияния на московских и восточных правителей, как например, Ямгурчей и Абдыл Афыз, ездившие на Север за кречетами и известные своими паломничествами в Мекку (50, с. 174, 274).

Рис. 21. Сарацин

Рис. 22. Фрязин

Конечно, торговый обмен между Севером и Югом не представим без итальянского купца, или "фрязина" средневековых русских источников. Владея наиболее совершенной коммерческой техникой, зная различные формы кредитования, вексельный обмен и двойную бухгалтерию, итальянское купечество создало разветвленную сеть торговых поселений с банками, меняльными и нотариальными конторами от Кафы до Сарая по Волжскому пути (477, с. 151) и Львова по "виа тартарика" (94, v. III, № 22; v. VI, № 43, 75; v. IX, № 58), с постоянными представителями в от-

даленной Москве и даже в Скандинавии (74). Итальянцы вели свои дела с особенно широким размахом не только благодаря коммерческой корреспонденции и посредничеству каких-нибудь северных или южных купцов, но и организуя собственные караваны в традиционных направлениях на Львов (593, р. 31, 36, 181, 186, 191-192), Киев (178, р. 35) и Москву (229, v. VII, р. II, № 1102; 521). Наиболее предприимчивые натурализовались в Московском княжестве, добиваясь значительного положения. Таков Андрей Фрязин, получивший в качестве пожалования богатую пушнину и соколиными промыслами Печору, переданную затем Дмитрием Донским его племяннику Матфею (414, с. 27). Генуэзца Заккариа Гизольфи, владевшего замком в Матреге и лишившегося его в результате турецкого завоевания, великий князь приглашал на свою службу в Москву (50, с. 41, 71-73, 77, 114). Личные поручения Ивана III исполнял Демьян Фрязин, ездивший в 80-е г. XV в. в Заморье с новгородскими купцами (51, с. 23). Ан-

тон Фрязин, торговавший между Кафой и Москвой (50, с.47), сопровождал русских послов в Италию.

Впрочем, далеко не многим удавалось преуспеть в торговле с Севером. Куда большее число купцов, фрязей ли, сурожан ли, или каких иных гостей, осталось безвестным. Кто-то лишился и богатства, и самой жизни от нападения лихих людей, каковыми полны были тогдашние дороги (50. №1,2,13,35,50; 51, с.10-33; 229, v.VII, p.II, №1042, 1102), а то и просто от болезней. Поэтому, говоря о внутренних императивах, побуждавших итальянцев и греков отправляться далеко на Север, а новгородцев и москвитов - на Юг, в Заморье, едва ли достаточно рациональных объяснений.

Эсхатологические ожидания эпохи, сомнения в качестве духовного наставничества Рима, порой доходившие до отрицания католической церкви, как Вавилонской блудницы, стимулировали устремления на Север, отождествлявшиеся в мистическом плане с поиском истинного пути спасения через самое тяжкое испытание холодом северного безмолвия, сравнимого с адowymi муками (288). Здесь особенно примечателен пример Св. Прокопия Устюжского (+1302), происходившего из "западных стран, от латинского языка", купца, не раз приезжавшего в Новгород с торговыми целями, который оставил свою веру, отказался от богатств и стал монахом, снискавшим славу Святого подвижника православной веры на севере русских земель, в Устюжанском крае (556, р.276-279). И надо сказать, у него находились последователи, как некий Джан Баттиста делла Вольпе, знатный синьор из Виченцы, перешедший в православие и сменивший благоустроенный быт теплой Италии на суровую жизнь в Московии (278, с.650).

Духовные искания, но далеко не всегда тривиальная алчность, подвигали и северных купцов в самые отдаленные заморские страны. Едва ли случайны совпадения торговых предприятий некоторых гостей из числа как русских, так и евреев, татар с путями паломничества в Иерусалим и Мекку. Здесь нельзя не увидеть устремленности к мистической прародине, которая после долгих скитаний обреталась порой на том же Севере. Небезызвестный Захарий Скарья, преуспевавший купец, по весьма внешним признакам обвинявшийся в ереси жидовствующих и даже считавшийся их главой, обрел истины отнюдь не в Талмуде, но в языческих древнерусских верованиях. Зная, что такое достаток, он осудил имущественные притязания церкви, как торгующей именем Дьявола, и признал единственно верным культ Матери Земли (556, р.185-188), с его санкцией только того богатства, которое дает небесный Бог в качестве дара за верное служение Земле.

Еще драматичней духовный опыт тверского купца Афанасия Никитина. Убедившийся в том, что в полуденных странах нет бла-

женной земли вечного счастья, что Русская земля самая благословенная и "на этом свете нет страны, подобной ей", но только "мало в ней справедливости" (47,с.53), он заканчивает свое "Хождение" полной непостижимостью: мусульманской молитвой на арабском языке (47, с.17). В этом аффективном порыве - сокровенная мольба человека, мучившегося своей ненаходимостью, остро ощутившего при вступлении на русскую почву свою потерянность для провидения, которое хранит только преданных отчей земле (ср.: 397; 421). Впрочем, Афанасию Никитину посчастливилось умереть на Руси, тогда как многим его соотечественникам не довелось вернуться, погибнув от рук грабителей, а еще чаще умерев в расцвете лет от эпидемий где-нибудь в Токате, Бурсе или Крыму (50,с.235-236; 414,с.46,69-74). Вот оборотная сторона надежд на благосклонность судьбы и успех.

Вообще, человеческая незащищенность, характерная для той эпохи, должна была усиливать религиозную мотивацию устремленности в иные земли, будь то Север или Юг, как особого рода подвижничества, сближавшегося с крестной жертвой Христа.

В любом случае, деятельность торговых людей - "из греков" ли, или "из варягов" - была служением некоему общему идеалу, содействием процветанию. С ними по тем же самым путям распространялись новые знания, достижения в технике и культуре. "Из греков" в северные страны приезжали художники, ремесленники, деятели культуры, как знаменитый Феофан, учитель Андрея Рублева, как литейщик Борис Римлянин, с которого началась отливка пушек на Руси (414,с.23), как монетчик Джакомо, положивший начало чеканке золотой монеты Московского княжества, как Алевиз Новый, Аристотель Фиорованти, Пьетро Антонио Солари, создавшие краснокаменный Кремль (493), а до того работавшие в Крыму, (275) и многие другие. Культурная контаминация, ощущавшаяся гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд, была прямым следствием этого обмена. Ее проявления уловимы в языке и этикете, эмблематике и орнаментации, моде и гастрономии. Уже в позднее средневековье никого не удивляло присутствие виноградной лозы в северной резьбе по дереву и кедрового ореха в южной глиптике, распространение "итальянского" трехстворчатого окна в северных постройках и луковицевидных деталей в южной архитектуре, никто не поражался тому, что каменные древнерусские крепости воспроизводили образцы итальянской фортификации, а крытые позолотой купола католических храмов подражали восточнославянскому обычаю, что знать северных народов облачалась в шелка и парчу, а южная аристократия наряжалась в роскошные меха, что для флорентийских косторезов стало естественным пользоваться моржовой костью Заполярья, а для русских иконописцев - красками итальянских мастеров, что нобилитету южных стран служили услугой при-

полярные кречеты и соколы, а северному клиру составляло таинство причастия красное вино греков, "кровь Христа"...

ГЛАВА II.

КАФА И "ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ"

Возникшее еще во времена Римской империи определение "Великий шелковый путь" известно каждому. И все же, только сейчас оно приобретает свое действительное осмысление: это не сводимый к какому-то одному (или трем, как когда-то описывал Гейд (540)) маршруту путь, но сложное сообщение народов и культур, протянувшихся в мировом географическом пространстве с Запада на Восток. В отличие от многочисленных предшественников (414; 424; 429; 443; 514; 531; 540; 565; 573; 624), рассматривавших развитие обмена между Востоком и Западом в несколько спрямленной горизонтальной проекции, я намерен изучить значение этого пути в том осложненном качестве, каковое ему неизбежно придавало наложение обмена Север - Юг. Сегодня становится очевидным, что каждый из сколько-нибудь значительных торговых центров на "Великом шелковом пути" был не только посредствующим в передвижении товарного потока с Востока на Запад или в обратном направлении, но и в некотором роде медиатором в коммуникации многочисленных народов, лежавших по северную и южную стороны этой трансконтинентальной магистрали (251; 300; 315; 409; 527). Здесь Кафа, несомненно, являлась одним из важнейших центров, и выяснение ее дистрибутивной роли в распределении левантийского импорта на Север и Юг, в страны Средиземноморья, приобретает особый интерес.

Круг основных торговых партнеров Кафы на Востоке достаточно широк: это стягивающий интересы Средней Азии и Южной Сибири Ургенч - центр древнего Хорезма, отмеченного находками крымской монеты (2,1929, №31, л.55, 78 об.-79 об.), откуда, по словам Ибн Арабшаха (1388-1450), издавна ходили в Крым караваны (67, с.460); еще далее - Самарканд, сообщавшийся, по замечанию Клавихо, с Кафой через Прикаспийские Железные Врата (Дербент) (41, с.230-231); это концентрировавший товарные ресурсы Китая, и шире - всего Дальнего Востока, Канбальк, достигавшийся генуэзской монетой (403) и поддерживавший устойчивое сообщение с Крымом, о котором Дж.Монтекорвино (+1328) писал как о "самом быстром и самом безопасном" (82, с.140; 158, v.I, p.304); это служившие вратами для Передней и Центральной Азии Тебриз и Султания (Сольтание), куда в июне-августе, ко времени прихода азиатских караванов, приезжали купцы из Кафы (40, с.179; 41, с.81); это Алсппо (Халеп) и Ахлат, Кастамону и Конья, Савасто (Сивас) и другие горо-

да Персии, выходцы которой оставили после себя каменные стеллы на Крымской земле (2,1929,д.№164,л.15-16; 15,№26,59,70,94; 16,№190, 225,227,234; 311,с.27-28); это открывающий выход к морским коммуникациям Индийского океана Ормуз (Бендер Аббас), тесно связанный с Султанией, а через нее с Кафой (41,с.81; 47,с.16-17,56-58); предварявшие доступ в Индию, Йезд и Керман; наконец, это аккумуляровавший богатства Индостана Дели, откуда караваны индийских купцов достигали пределов Крыма, что отразилось в "Кыпчацкой хронике" Абдуллаха ибн Ризвана (306) и отчасти подтверждается распространением золотого танка - монеты Делийского султаната (404,с.26).

Как показывают многочисленные исследования (286; 289; 315; 321; 368; 424; 443; 477; 526; 531; 540; 566; 572; 608; 619; 638), сообщение с Дальним Востоком осуществлялось по Северным торговым путям, проходившим через Северный Прикаспий, Среднюю Азию, вдоль впадающих в Арал рек Сыр-и Аму-Дарьи, а также по Южным путям через Персию, Индию, включая морское сообщение по Индийскому океану между Ормузом и портами Юго-Восточной Азии.

Самым быстрым путем в Китай, согласно Монтекорвино (158, v.I,р.304) и современным историографическим оценкам (596), был Северный - через "страну готов" (то есть Крым - А.Е.) и "Татарину", который всадник мог преодолеть за 5-6 месяцев. Его же называли в качестве "самого безопасного как днем, так и ночью" авторы "Руководств по торговле" (149,р.21). Чтобы поездку в Китай, в составе каравана растягивавшуюся до 280 дней, сделать менее тягостной и даже украшенной приятным досугом, Пеголотти рекомендовал купцу-латинянину отрастить бороду, запастись хорошим переводчиком, владеющим команским языком, и взять в спутницы женщину, каких было всегда в избытке в Танаисе (149,р.21). Китайские купцы, на маршрутных свитках которых Крым значился с первой трети XIV в. (503, р.240), были, по-видимому, более привычны к длинным переходам по горам и степям.

Крайней точкой, на которой замыкались интересы Дальнего Востока, была столица империи Юань - Канбальк (Пскин), или Гамалекко в итальянской транскрипции, откуда северный торговый путь брал направление на Кассай (Ханчжоу) и Камесу (Ланьчжоу в провинции Ганьсу) (245,с.163; 531,р.15), далее шел через главный город Джагатайского улуса - Алмалык (Кульджа, Китай), ошибочно отождествляемый порой с Алматы (242,с.184; 443,с.97), проходил Отрар, неподалеку от впадения реки Арыс в Сыр-Дарью, достигал Ургенча (Куна-Ургенч) (409,с.130-138), главного центра Хорезмийской области, откуда склонялся на Север, к Сарайчику (станция Сарайчиковская) (287), от него - к Хаджитархану, в дельте Волги, далее - подымался рекой до столицы Золотой Орды - Сарая, выше не-

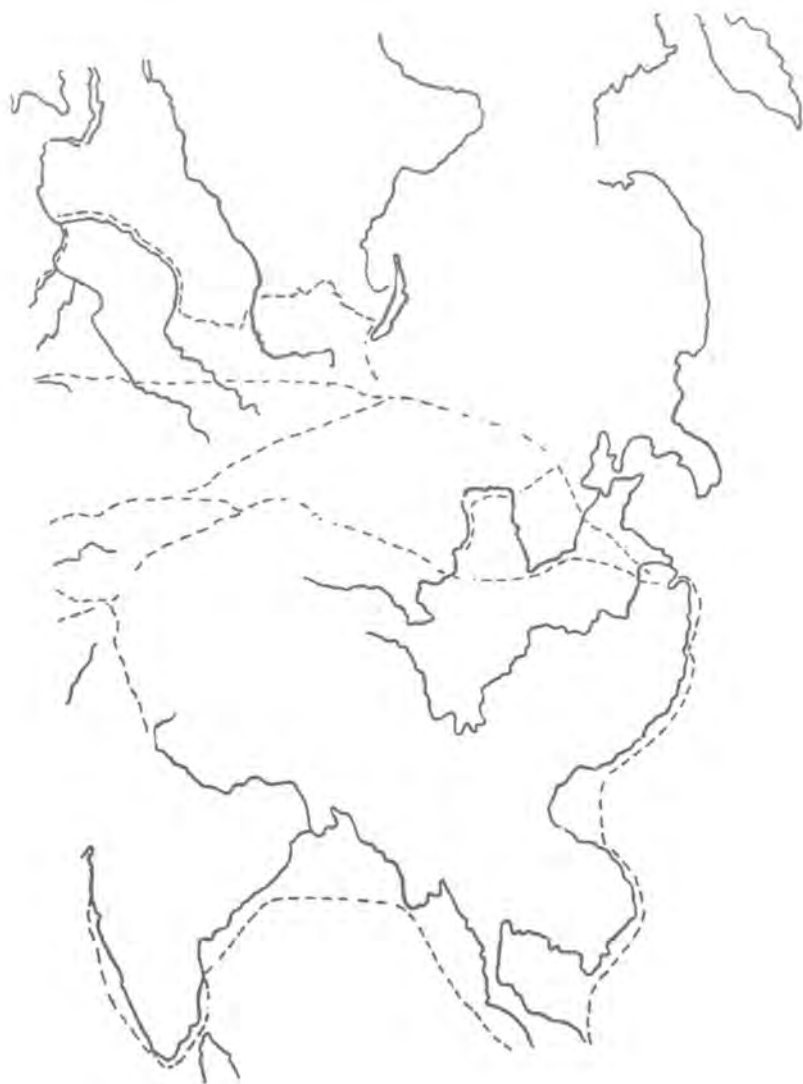
го - выходил на знаменитую Переволоку, в районе станицы Качалинской (357,с.15-17; 442,с.97-98), где Волга максимально сближалась с Доном и где осуществлялся перевоз на Дон, оттуда - легко достигал Приазовской Таны и из нее либо - морем до Кафы, либо - по суше через Перекоп и Солкат до того же крымского порта (113,р.314-316;149,р.21-25). Этим маршрутом следовали неизвестные итальянские купцы, ставшие информаторами Тосканского Анонима и Франческо Пеголотти. Им же пользовался купец Андало Савиньон, выполнявший в 1335-1339 г. дипломатические поручения европейских монархов к великому каану и сопровождавший нового архиепископа Канбалька Джованни Мариньоли (+1360) (158,v.IV,р.250; 568,р.87-89; 608,р.554-555).

Был возможен более северный маршрут, имевший целью движения монгольский Каракорум на реке Орхоне. Он пролегал по горным и степным пространствам к северу от озера Балхаш и Аральского моря, пересекал реки Обь, Иртыш и Урал, выходил к Укеку, или Увеку (село Ивановское, около Саратова), далее, либо спускался Волгой к Переволоке, либо, переправляясь через нее, шел к Дону и далее склонялся в Крым. Его придерживался Гильом Рубрук (+1270), общавшийся с венгерскими миссионерами и осведомленный от них об угорских народах Поволжья, Урала и Сибири (212). Этот путь знали братья Никколо и Маттео, отец и дядя знаменитого Марко Поло, ходившие им в середине XIII в., которым, по-видимому, обязано небезызвестное описание сибирской области Кончи (Западная Сибирь - А.Е.) (58; 204,§ CCXVI). Им же прошел, переодевшись погонщиком, царь Киликийской Армении Хетум I в 50-е г. XIII в. (28,с.222-226).

На мой взгляд, правомочно говорить о коммуникациях между Сибирскими областями, к которым были причастны тюркские "лесные" племена Прибайкалья, Енисея (61,т.II,с.48,96-97; 265,с.35) и угорские народы Среднего Приобья и Нижнего Прииртышья (29,т.156-164). Главный импульс этих сообщений шел от области у озера Байкал по реке Ангаре, затрагивая Енисей, переходил по реке Чульму на Обь, где в среднем течении существовало поселение остяков в урочище Сайгатино, так называемый Барсов Городок (около Сургута), далее - по Оби до устья Иртыша, затем - по водной цепи: Иртыш - Tobол, где при слиянии этих рек сложился средневековый город остяков - Сибирь, получивший с конца XV в. название Искер (Тобольск), далее - по переходу Tobол - Тура, где с рубежа XIII - XIV в. процветала столица Сибирского ханства Чимги-Тура, в вогульской огласовке "Tseingen", то есть "Тюмень" (425,т.IV, с.136), известная по русским летописям с XV в. (54,т.XII,с.158; 57,с.195), потом - по реке Пышме и, переваливая через Урал, спускался по рекам Чусовой и Каме в Волгу, минуя Булгар, шел до Переволоки на Дон и

Рис.23. "Великий шелковый путь"

уже оттуда - в Крым. Отчасти этот путь засвидетельствован Иоганном Шильтбергером, который в свите Чокре побывал в 1413-1415 г. в Чинги-Туре, встречался там с сибирским ханом Тайбугой и был осведомлен о том крае настолько, что выделял Сибирь (Sibirien), в центре с одноименным городом, и Обскую Сибирь (Ibissibur), имевшую своим центром Барсов Городок на Оби (88; ср.: 214,р.39-40).

Я не касаюсь здесь крайнего северного пути - морского, который в рассматриваемое время был слабо известен, едва ли до Бьярмаланда, или Биармии (Пермская земля - А.Е.), и начал осваиваться лишь с конца XVI в. (288,с.138-140), хотя, еще прежде, устами Паоло Джовини высказывалось, по-видимому, идущее от его русских собеседников предположение о возможности плавания по Северному Ледовитому океану, "держась правого берега... до страны Китая" (34,с.491).

Южные пути, расценивавшиеся некоторыми историками (180; 568) как более короткие, шли от Кашгара, имевшего выходы как в Китай, так и в Индию, в Самарканд или Бухару, через Мервский оазис, Мешхед и Нишапур, Южноприкаспийскую область Мазендеран и далее направлялся в знакомые Султанию и Тебриз, а оттуда через Эрзурум, или Эрзинджан - в Трапезунд, имевший устойчивое морское сообщение с Кафой. Этот путь был известен Клавихо (+1412) (41,с.6). По-видимому, им пользовался Бускарелло Гизольфи, имевший торговые дела в Кафе и выполнявший в 80-90-е г. XIII в. дипломатические поручения при дворе ильханов (568,р.87).

Крайний южный путь, начинаясь в китайском порту Зайтоне (Цюаньчжоу), огибал по Тихому океану Юго-Восточную Азию, затем по Индийскому океану - Индостан и, преодолевая немислимые в Европе морские расстояния, достигал Персидского залива с главным портом в Ормузе, а оттуда по отлаженным переходам караванной торговли - Султания - Тебриз - Трапезунд - выходил к Черному морю. На этих путях в течение десяти лет занимался торговлей итальянец Пьетро Лукалонго, сопровождавший в Китай первого архиепископа Капбалька Джованни Монтекорвино (158,в.I,р.306-309; 227,р.340-355). Неплохо ориентировался здесь генуэзский купец Ланфранкино Гатуччи, помогавший добраться до Индии каталонцу Журдену де Севераку (+1336), епископу Куилона, и Одорико да Порденоне (+1331), ставшему епископом в Зайтоне (158; 226; 227). Тем же маршрутом из Ормуза добирался до Кафы Афанасий Никитин (47,с.16-17,56-58).

Так могут быть охарактеризованы главные линии торговли, соединявшие Восток с Западом. Им сопутствовало неисчислимое множество периферийных ответвлений, которые, подобно нервам, покрывали все пространство от Северного Ледовитого океана до его южного антипода. Та же Кафа получала восточные товары не толь-

ко из перечисленных главных центров - Солката, Таны, Трапезунда, но и из многочисленных кавказских портов, из которых наиболее известными были - Савастополь (Сухуми), Вати (Батуми) и Фассо (Поти), сообщавшиеся с Дербентом, откуда шли обходящие Каспий с Севера и Юга пути, а также с Шемахой, имевшей связи через Каспийское море (247; 289; 315, с.110-126; 324). Кроме того, Кафа снабжалась левантийской продукцией из Копы и Матреги на Таманском полуострове, или из Воспоро, выходящих на пути караванной торговли вдоль Северного Прикаспия.

Значение этих периферийных путей, на мой взгляд, почти не уступало магистральным; более того, именно их функционирование обеспечивало непрерывность торговли, в то время как на главных маршрутах обмен носил циклический характер, определявшийся временем прибытия больших восточных караванов, как это было в июне - августе в Султании (41, с.81), или в середине сентября в Тане (148, р.65), или в октябрьские дни в Солкате и Кафе (193, №4); в другое время года, левантийских товаров в этих городах, по свидетельству очевидцев, почти не было (113, р.314-315). Не случайно один из корреспондентов Датины писал в 1385 г.: "В Тане нет никаких специй, но в середине сентября там ожидался большой караван с шелком, специями и благовониями в достаточном количестве, и когда он прибывает в то место ради тех (итальянских - А.Е.) галер, тогда изливается изобилие товаров..." (148, р.65). По моему убеждению, большая жизнеспособность периферийных коммуникаций могла компенсировать нарушения обмена по главным путям в условиях довольно частых политических и военных конфликтов, последствия которых нередко преувеличиваются (501; 502; 503; 574; 634; 635).

Так, в 1343-1348 г., когда итальянцы оказались в состоянии войны с татарами, были изгнаны из Сарая и Таны, а сама Кафа была осаждена войсками Джанибека (1339-1357), торговая жизнь отнюдь не остановилась. Как свидетельствуют документы Кафы того времени (192; 193), итальянцы живо интересовались состоянием рынка в Кыпчаке и империи хулагуидов. "Мы не можем знать наверняка, - сообщалось в одном письме, адресованном в Венецию, - но только хорошо видим, как какне-нибудь евреи, армяне и прочие инородцы приходят из Солката в Кафу и говорят, что в Солкате - огромное количество шелка и если это так, если весь тот шелк, о каком они говорят, находится в Солкате, то это нам кажется верным знаком того, что путь в Среднюю империю (Джагатайский улус - А.Е.) - открыт..." (193, р.278-279). Немного спустя, прибывшие на галее из Зихин (Черкесии) генуэзские купцы сообщили кафиотам о том, что путь в Ургенч (Horgaci) свободен и тамошние караван-сарай изобилуют левантийским товаром (193, р.285-286). Почти одновременно в Кафу пришло известие из Малой Азии о прибытии в Трапезунд

персидского каравана (193,р.286). Вместе с этими известиями Кафа, несмотря на военную блокаду продолжала получать восточную продукцию, благодаря торговому посредничеству как итальянцев, плававших в различные порты Газари и Кавказа, так и местного купчества (193,№1,4,5,10).

Сравнивая эти данные о "невидимой" коммуникации с Востоком с описанием поденных переходов в Китай у Пеголотти, я склонен воспринимать очерчиваемый на страницах его трактата "Великий шелковый путь" не как неизбежную генерализацию, свойственную энциклопедии или учебнику, отвлекающимся от частных, но как восходящий к античности риторический троп, новый литературный канон, априори санкционирующий то, что было известно исстари, в эпоху Римской империи (о Танаисе, Ургенче, Отраре и других), и очень скупое допускающий дополнения своего времени, подобно тому, как были сдерживаемы авторитетом греко-римской географии составители средневековых карт. Отсюда его удивительное неведение о развернутости пространства на Север, как будто в северном направлении не было хорошо отлаженных путей, более коротких и более экономичных, как будто ими никогда не пользовались соотечественники Пеголотти и не они доходили до Печоры.

Вне контекста развития северных коммуникаций будет непонятно принципиальное отличие "Великого шелкового пути" средневековой эпохи от его античного аналога. Именно по "путям в варяги" распределялась немалая часть поступавшего в Кафу восточного импорта. Помимо уже охарактеризованных в предыдущей главе линий торговли здесь нужно указать на сообщения с Польшей и Германией.

Из польских торговых центров - партнеров Кафы выделялся Краков, чьи купцы со времен Людовика Венгерского (1370-1382) обладали правом свободного провоза товаров по "татарской дороге" как в Татарию, так и из нее (130,v.V,№42,54) без подчинения "складскому праву" Львова, то есть обязанности выставлять свой товар для продажи в течение 14 дней на львовском рынке (94,t.III, №76). Купцы Кафы, напротив, вплоть до XV в. редко ходили дальше Львова (509,р.68,72; 518,р.226-227; 603,р.176-177,189-191), поскольку они, как и все "итальянские купцы, или какие-либо язычники, или христиане из заморских стран, приезжающие во Львов с какими-либо товарами, не могли и не смели провозить их, минуя складское право (depositum) Львова, но обязаны были все их там выставлять для продажи" (94,t.V,№104). Только при Казимире IV Ягеллоне (1447-1492) кафские купцы получили право свободного передвижения по всем торговым путям Польского королевства без принудительного выставления своих товаров для реализации во Львове, но лишь с уплатой королевской пошлины (94,t.VI,№67).

Из германских городов, имевших торговые связи с портами Черного моря, выделялись Нюрнберг, измерительные меры которого, по свидетельству городского хрониста Ульмана Штремера (1363-1407), не случайно были приведены в соотношение с мерами Таны (139,р.103), равно как и другие города, примыкающие к Дунайской торговой артерии (230). Кроме того, следует назвать Данциг (Гданьск), самый северный из немецких городов, развитие торговых сношений которого с Кафой обсуждалось в начале XV в. на съезде прусских городов в Мариенбурге (538,р.146). Особую заинтересованность в этой линии торговли проявлял император Сигизмунд (1411-1437); именно торговля с Востоком, - возглашалось в послании, адресованном кафским властям, - "обеспечит пользу и процветание коммунам и республикам, и многим христианским странам..., ибо (все купцы) смогут вывозить товары и проезжать из Китая (Chatan) в Кафу и в порт Килию и именно таким образом и именно в таком направлении, как это было с давних времен..." (538,р.154-156). По оценке тогдашних экспертов-советников императора Сигизмунда, значение Кафы в левантийской торговле было таково, что она могла с успехом соперничать с Египетской Александрией, на торговле с которой основывалось могущество Венеции. В своем стремлении ослабить Царицу Адриатики, Сигизмунд запретил немецким городам всякое сношение с Венецией и рассчитывал компенсировать поступление левантийских товаров через Кафу (538; 642). С этой целью в 1418 г. в Крым и Кыпчак были отправлены послы - братья Иоганн и Конрад Фишеры, которые должны были "заново устроить и установить торговый путь (strataim publicam) из Заморских стран, из Килии, Кафы и Перы и других городов и земель - по реке Дунаю, по направлению к Венгрии и оттуда в сторону Германии" (538,р.146). Нельзя сказать, чтобы Сигизмунду удалась его планы воздействия на Венецию, но то, что обозначенный путь функционировал в XV в., как и в предшествующее столетие, то это - несомненно (166,р.51,53; 588,р.131-132).

Позднее, в первой четверти XVI в., Паоло Чентурионе, известный мореход, купец и посол Льва X (1513-1521) в Москве, будет одержим идеей создать систему покровительства торговле с Востоком через Татарию, Россию и страны Балтии и, таким образом, лишить Испанию и Португалию всех преимуществ открытия транс-океанского пути в Индию (34,с.484-486).

Приступая к характеристике товарной структуры восточного импорта, я намерен начать не со специй, которым в прошлом придавалось ведущее значение (514; 525; 529; 540; 581; 618; 624), но с шелка, причем не с шелковых материй, которым был обязан в древности своим названием Великий торговый путь на Восток (414; 424; 429), а с *шелка-сырца*, одного из наиболее дорогостоящих товаров и дающих

наибольшие прибыли. Частно-правовые акты Кафы и Генуи дают более десятка сортов шелковой полуфабрикатной продукции: *хорезмийский* (*carismisna*), *согдианский* (*terdasaxia*), в названии которого отразилась испорченная топонимия Мервского оазиса и который порой ошибочно соотносят с Кавказом (413), *ургенчский* (*organina*), *мазандеранский* (*manzadiana*), *гилянский* (*guilina*), в том числе и тот, что обозначен нотарием как "*seta carnia*" (100, №148), по характерному красному цвету одного из его сортов, *шелк Горгана* (*gorgiana*), *Шеки* (*sechexia*), *Шемахи* (*samacha*), *Карабаха* (*cannauria*), *Ладжихана* (*leggia*), *Грузии* и других областей (477, р.727). Но пожалуй, самым известным на Западе был китайский шелк (*seta satua*) (149, р.298; 202, р.192). Однако историки не всегда учитывают, что кондиции китайского шелка-сырца значительно снижались от дальности транспортировки, в связи с чем возник каламбур: "*seta cataua* - *seta cattiva*", то есть "китайский шелк - плохой шелк" (113, р.288).

Шелк-сырец (*seta cruda*), как показывают уже акты Кафы конца XIII в. (100, №118, 138, 148, 151, 152, 359), был самой значительной статьей восточного импорта, объем которого в стоимостном выражении составлял 33,5 тыс. аспров (около 882 кг). В основном это была продукция среднеазиатских шелководческих областей, в единичных случаях - Грузии (*selco de jurea*) (100, №359) и Гиляна (100, №148). Поступала она в Кафу, вероятнее всего, с караванами через Солкат, на это указывает измерение товара в солкатских весовых единицах и свидетельство одного из актов, что часть согдианского шелка куплена в Солкате (100, №138; 164, col.409). В кризисные 40-е г. XIV в. поступление шелкового сырья в Кафу продолжалось как из Солката, так и из других торговых центров Газарии. "Из Солката и через всю империю (Золотую Орду - А.Е.), и из самого места Тоссо (Россо - А.Е.) привозят в Кафу ... шелк и другие товары", - сообщалось в реляции венецианской общины в этом крымском городе сенату (193, р.291). Документы более позднего времени говорят о поездках кафиотов за шелком на Кавказ: в Вати и еще дальше - в Шемаху (464, р.379; 585, р.109; 612, р.62). Отправлялись они в Тебриз (41, с.179) и в Среднюю Азию (131, р.IX).

Основная масса шелка, зафиксированного в итальянских актах, подлежала отправке морем в Геную и из нее в Лукку (151, р.II, №ССХХIV), где с конца XIII в. действовали шелкоткацкие мастерские. Однако было бы заблуждением видеть в этом единственную торговую функцию Кафы. Какая-то часть, несомненно, оставалась в Крыму, как например, тот фарделл (80 кг) гилянского шелка, который выступал в качестве залога торговой сделки (503, №9), или 53 либры (16 кг) шелка, проданные в Кафе в 1386 г. (477, р.155), или еще предназначавшаяся для генуэзской коммуны Кафы партия гилянского шелка, реквизированная в 1410 г. правителем Вати (612,

р.62), что было вызвано, как я пытался показать в предыдущей главе, потребностями собственно кафского шелкоткачества.

Часть шелка-сырца Кафа отправляла по "татарской дороге" на Львов, в Польско-Литовское королевство. Так, известно, что армянин Лазарь из Кафы в 1386 г. располагал во Львове 5 lapidi (?) необработанного шелка (crudi serici) (206,t.I,№388). Другой купец из Кафы - Тайчаддин - имел при себе в том же Львове в 1388 г. 3 либры (около 0,9 кг) хорошего (serico bona) и 5 либр (около 1,5 кг) посредственного (serico vilii) шелка (206,t.I,№571).

Кроме того, полуфабрикатный шелк в виде пряжи, зачастую окрашенной, вывозился из Кафы в Московию. По крайней мере, русские документы конца XV в. (51,с.10-33) хорошо знали шелка токатский и жидовский, по-видимому, из города Джидда на Красном море, в средневековом звучании Жид (47,с.14), бурский и кафинский, возможно, кавказского происхождения, который окрашивался и прядся в Кафе. О том, что это была именно пряжа, а не шелковая ткань, как порой заключали прежде (414; 429), говорит измерение шелка не в мерах длины, а в весовых единицах: литрах (307,2 г), ларивониках (?), чириках (76,8 г) и даже золотниках (4,3 г).

До сих пор не предпринималось попыток сравнительной оценки вывоза шелка из Кафы в средиземноморском направлении, Львовском и Московском. Между тем, для целей моего исследования такого рода анализ позволил бы выявить соотношение удельного веса Севера и Юга в распределении общего импорта шелка в Кафе. Вот некоторые данные для этого сопоставления: в 1386 г. две галеры Романии - Черного моря доставили в Венецию из черноморских портов 135 фарделлов (10,8 т) шелка (315,с.118), примерно на 1,35 млн. аспров в кафских ценах; в 1395 г. на трех галерах по тому же маршруту вывезено 283 фарделла (22,6 т), на 2,83 млн. аспров; в 1396 г. - 182 фарделла (14,5 т), на 1,82 млн. аспров (315,с.116; 497,р.125); в 1399 г. из Крыма и Таны отправлено в Адриатическую республику 24 фарделла (1,9 т), на 240 тыс. аспров (537,р.169,186,189), в 1404 г. - 355 фарделлов (28,4 т), на 3,55 млн. аспров (315,с.116); одновременно шелковое сырье вывозилось в Геную (229,v.VI,№211), хотя и в гораздо меньших масштабах, примерно в 6 раз уступавших вывозу в Венецию (477,р.732). Приходно-расходные книги Львова позволяют приблизительно оценить объемы вывоза шелка в Польском направлении. В 1418 г. сумма налога с шелковой нити (stamines sericeis), привезенной во Львов купцами Кафы (mercatores de Kaffa), составила 51 сексаген и 40 грошей (206,t.III,№180), то есть 3100 грошей (428,с.74,301). При 5 % налоге общая стоимость пряжи составит 62 тыс. грошей (около 140 тыс. аспров); это в десятки раз меньше вывоза в Средиземноморском направлении. Объемы реэкспорта шелкового полуфабриката в Московию гипотетически позволяют предпола-

жить запросы к Польско-Литовской и Крымско-татарской сторонам об удовлетворении материального ущерба русским купцам (50; 51). Притязания по шелку достигали 576,75 руб. (576 750 аспров). При учете степени риска 25-50% общий объем поставок шелка из Кафы в русские земли мог достигать 1 млн. аспров, что в 4-5 раз уступает морскому вывозу в Италию. В целом, до 1/5 всего шелка, проходившего через порты Северного Причерноморья и, прежде всего, через Кафу, подлежало дистрибуции на Север и 4/5 - на Юг. Подобное соотношение должно находить объяснение в потребностях шелкоткацкого производства Италии и, наоборот, в отсутствии таковых на Севере. Те небольшие количества шелка, которые везли с собой русские купцы, скорее всего, перепродавались в Германию, что было довольно выгодно, и только малая часть использовалась в русском шитье шелковой нитью и в работе кружевниц.

Одновременно с шелком-сырцом в Кафу поступал нередко и хлопок. Самыми известными районами этой культуры в средние века были Персия, Кашгар, Гуджарат (58; 204, § XXXIII, LI, LIV, LV, CLXXXIV), уже упоминавшаяся Сирия и Анатолия (315,с.123). Хлопок в клоках или пряже привозился либо из Средней Азии через Тану и Солкат, либо из Малой Азии через Трапезунд. Функционирование и того, и другого путей находит отражение в источниках. Так, в 1360 г. житель Солката Абрам Камалия поставил в Кафу партию хлопка (coton), стоимостью 80 соммо (16 тыс. аспров) (93,№44). В 1410 г. один генуэзский купец привез из Трапезунда 5 балла (395 кг) хлопковой пряжи (315,с.124). Позднее, в 1459 г., сарацин Ахмед доставил из Симиссо 40 кантариев (1,9 т) этого же сырья (315,с.124). Последние сообщения касаются не частных коммерческих сделок, а заказов кафской коммуны, отражая заинтересованность местного текстильного производства в сырье. Основная масса хлопкового полуфабриката подисжала резкспорту на Юг - в Италию (197,р.19-20; 223,t.I,№737) и меньшая часть на Север - в Польско-Литовские земли (206,t.I,р.629; t.II,р.26,331,353), Германию (538) и Московию (51,с.30).

Рис.24. Торговец шелком

Гораздо активнее торговые люди Севера интересовались готовыми изделиями из текстиля, называвшимися в русских источниках "красным товаром" (47,с.153,сн.88). Кафские акты конца XIII в. упоминали расшитый золотом назик (100,№95), стоимостью 14 тыс. аспров. Известен этот сорт ткани и составителям "Куманского кодекса" (159,106-107). Назик (nassscici, nassiti) и, по-видимому, близкий к нему по качеству "нак" (nacki), как показывал Марко Поло (204,р.27), выделявали в Багдаде и

в городах Китая. В первом случае, он поступал в Кафу морем из Трапезунда, куда, в свою очередь, попадал с караванами через Султанню и Тебриз. Во втором случае, назик привозился по северному торговому пути. Упомянулись, далее, *мосульские ткани* (*mossorini*) (100, №448, 768, 802, 851, 857, 874, 898), также шитые золотом, стоимостью около 11 тыс. аспров. Мосульские ткани делались в Мосуле (204, р.26) и попадали в Кафу, скорее всего, через Анатолийские порты. Известны были также "ездские" шелковые материи с золотом, называвшиеся в латинских источниках "*iassi*" или "*iasdi*" (204, р.36), производившиеся в Йезде. Вместе с мосульскими тканями иногда фигурировали "*xanici*" (100, №856) и "*saxanici*" (100, №870), вероятно, *аксамиты*, обычно расшивавшиеся золотыми узорами в виде животных и птиц. В массариях Кафы 1421-1459 г. (315, с.120-123) назывались камка, бархат, атласы, общей стоимостью 21,2 тыс. аспров. Камка и бархат в особо значительных объемах ткались в Капшане и Йезде (47, с.142, сн.46, 48), а гладкие атласы - в Шемахе (42, с.215). В венецианских документах встречаются указания на китайский *сендал* и бухарский *синдон* (191, р.303), шелковые материи различной окраски, порой расшитые золотой тесьмой (*cendati blavi et vermilei cum frixis aureis*), которые выделывали в Чжосяне, Цзясице, Хэцзяне и других китайских городах (58; 204, § CVI, CXIV, CXXXI, CXLV). Наконец, есть сведения о продаже в Кафе восточных *ковров* (100, №524, 525). Шелковые коврики, по-видимому, следует понимать под обозначением "*zapis camuti*" (100, №47).

Помимо шелка и парчи, Кафа получала и перераспределяла большое количество левантийских тканей из шерсти, хлопка и льна. Наибольшей известностью пользовался шерстяной *бокаран* (100, №65, 414, 442, 467, 470, 471, 524, 554), стоимостью 10,7 тыс. аспров. Он производился в Средней Азии - в Бухаре, от которой он и получил свое название, а также в городах Индии и Персии, где особенно выделялся его производством Эрзинджан (204, § XXII). Поэтому бокаран мог привозиться в Кафу как Анатолийскими, так и Среднеазиатскими торговыми путями. В документах приводились и другие сорта сукон и полотен, например: *пестрядь*, из разноцветных шток, производившаяся в Камбее (47, с.11, 25, 51), *кармазин* (от араб. "*qetpazi*" - червь), шерстяная материя темно-красного цвета, иранская аналогия европейскому *скарлату* (204, § XXV; 425, т. II, с.201), *зуфь*, персидское сукно (425, т. II, с.109), *камлот*, китайская ткань из верблюжьей шерсти (58; 204, § CLXXXV, CXСIII), *килик*, грубое сукно из Кыпкии (425, т. II, с.232); там можно было встретить *киндяк*, индийскую красную набивную ткань из хлопка (47, с.11, 25; 425, т. II, с.234), *бязь*, персидскую хлопчатобумажную ткань (425, т. I, с.261), *бомбасин*, индийскую хлопковую материю (58; 204, § CLXXXV, CXСIII), *бумазю*, ворсистую хлопчатобумажную ткань из Малой

Азии (51,с.10-31) и некоторые другие. Порой через Кафу везли готовую одежду, какие-нибудь платья левантийского производства, как например: *епанчу* из Бурсы, в виде накидки с капюшоном (425,т.II,с.20), турецкий *терлик*, то есть узкий кафтан с талией и короткими рукавами (425,т.IV,с.48), азиатские *портица* (штаны) и *иездские ширинки* (платки) и другие (51,с.11-12,27,29-30).

Если говорить о дистрибуции левантийского текстиля из Кафы, то придется констатировать явный приоритет Севера. Лишь ковровые изделия, как свидетельствует комплекс нотариальных актов 1289-1290 г., отправлялись в Южном направлении - в Перу и египетскую Александрию. Шелковые, шитые золотом материи, бокаран и прочие шерстяные полотна отправлялись в Тану, Копу и другие пункты Газарии (300,с.66). Довольно интенсивно левантийские ткани вывозились из Кафы в XIV - XV в. в направлении Польско-Литовского королевства и Московского княжества (42,с.220; 51, с.10-33; 73,№32,51,55; 94,т.VI,р.105; 120,№128; 166,р.41-42; 206,т.I, р.571; т.II,р.165,182). Нельзя не заметить, что какая-то часть восточных материй отправлялась из Кафы в восточные же города - Синоп, Симиссо, Самастро и другие (315,с.121-122). Это объясняется тем, что изысканные камка и бархат были лучшим средством вознаграждения заслуг перед кафской коммуной и выражения союзнической верности перед правителями тех или иных заморских городов.

Наиболее представительную по ассортименту группу левантийских товаров составляли *специи*. По свидетельству Дж.Кьярини середины XV в. (123,р.75), в Кафе продавались "все специи грессо, такие как, перец, корица и похожие на них товары, измерявшиеся в кантариях" (47,65 кг), а также - "все специи минута в либрах соттиле" (317 г). Этими двумя типами специй, различающихся, как можно видеть, лишь весовым стандартом, объединялись несколько сотен названий различных пряностей, благовоний, красителей, лаков, мазей, духов и прочее. Вопреки систематизирующему мышлению современности, к специям же в XIII - XV в. относились металлы, квасцы, бумага (149,р.293-294,296). Согласно Пеголотти, специями считались некоторые продукты Черноморско-Азовского и Прикаспийского регионов, как например: соль, рыбий клей, икра, и даже богатства еще более отдаленных северных областей, а именно: воск, мед и кость (149,р.293-297). То есть "специями" в средневековой коммерческой практике именовались не только левантийские пряности, но и редкие продукты вообще, в том числе северного происхождения, обладавшие, по универсалистским представлениям средневековья, приобщенностью к единым первоэлементам материи и общими восстановительными для здоровья человека свойствами. Здесь ironия Ф.Броделя по поводу одинаковой пригодности заморских специй для "изгнания ветров" и "благоприятствия зачатия" не совсем удачна

(252, т. I, с. 238-242) и только подчеркивает эту особенность средневекового менталитета.

Я бы осмелился добавить к этому перечню северную пушнину, которая входила в круг интересов все тех же торговцев специями. Достаточно вспомнить род Медичи, тех самых "врачей", которые начали свое восхождение с цеха аптекарей, с деятельности в качестве специариев, и которые имели особых экспертов по закупке мехов на Севере (74). Совмещение аптекарской и коммерческой деятельности в отношении пушнины не были противоестественными для того времени: все меха были отличным средством от ревматизма, подагры, водянки и других болезней (13). Кроме того, нельзя не заметить, что порой меха поступали в порты Черноморья с теми же восточными караванами. Здесь я имею в виду так называемую "ургенскую белку" (*vai organini*), известную по итальянским торговым книгам и частным актам (91, р. 209; 202, р. 60), обозначение которой осталось без комментариев современных историков (477; 512; 539). На мой взгляд, то была сибирская белка, оказавшаяся в результате "вертикального" обмена в караван-сараях Ургенча и привозившаяся оттуда по "Великому шелковому пути" в Кафу. Наконец, анализ состава грузов, доставлявшихся галерами Черного моря в Италию показывает, что наряду со специями почти всегда находились меха и другие продукты Севера (132, р. 269; 146, р. 141-142; 189, р. 190; 197, р. 19-20; 222, т. I, № 476, 963; т. II, № 1347; 223, т. I, № 474, 955; т. II, № 974; т. III, № 2349; 513, р. 246; 536, р. 370; 537, р. 173; 569, р. 159). Все сказанное заставляет несколько иначе воспринимать торговлю специями, чем это казалось прежде (537; 540), с поправкой на расширение товарной структуры левантийской торговли под воздействием обмена Север - Юг.

Если же говорить о специях в узком смысле слова, то в первую очередь нужно назвать *перец* (*pipere*), чаще всего фигурировавший в документах. Его исключительное значение определялось отнюдь не гастрономическими качествами как приправы, но особыми свойствами, предотвращающими гниение продуктов: вплоть до изобретения пастеризации перец оставался едва ли не единственным консервирующим средством. Кроме того, перец почитался главнейшим из "святых семян" (*semesante*), помогающим от болезней органов дыхания, мокротного кашля, головных болей и других расстройств (13). "Торговые практики" и другие нарративные источники (149, р. 296; 204, § CLXIII, CLXXI, CLXXX, CLXXXII-CLXXXIV) различали перец белый и черный, длинный (*pepe lungo*) и круглый (*pepe tondo*), культивировавшийся в ин-

Рис. 25. Торговец специями

дийских областях Гуджарат, Малабар, на острове Ява и собиравшийся в мас-ионе. В Кафу он попадал либо трансанатолийскими торговыми путями, либо через Кашгарский перевал и Среднюю Азию. Уже акт 1284 г. упоминал о доставке в Кафу партии перца из Тебриза (477,р.720). Перец приводился в нотариальных записях Никколо де Беллиньяно 1381 г. (93,№7). В бухгалтерских регистрах Джакомо Бадозера 1438 г. значилось 4 понди (360 кг) перца, привезенного из Кафы в Константинополь и предназначенного для отправки в Венецию (147,р.760). Им рассчитывались итальянские предприниматели, посредничавшие между Кафой и польскими городами, как это было, к примеру, при аренде Пшемысльских и Дрогобычских соляных промыслов и при откупе торговых налогов во Львове и Гродно (94,т.X,№58). Из Кафы перец вывозился как на Юг, по Черному и Средиземному морям, так и на Север - в Польшу, Германию и русские земли (51,с.10-33; 73,№32,55; 206,т.I,р.60,77,146, 159,161,162,164,165,234,253,297,337,341,345,375,407,409,412,430,432, 434; т.II,р.21,25,42,73,74,109,110,114,117,122,138,153, 158,162,164,165, 183,191,220,221,241,331,332,336; т.III,р.248). Во Львове, в частности, армянский купец Тайчаддин, имевший устойчивые связи с Кафой, располагал 37 *lapidi* перца (206,т.I,№571). Об этой же линии торговли свидетельствуют записи приходно-расходных книг Львова, которые фиксировали поступление в городскую казну перца от армянских гостей из Кафы (206,т.II,№165). Кафиот Франческо де Кантеле получал в 1409 - 1414 г. по 4-5 сексаген (532-666 аспров) за поставки перца польскому королю (206,т.II,№225,331,333). О возможном соотношении в дистрибуции этого товара говорит хотя бы такое сравнение: транспортируемый в южном направлении перец измерялся в понди (около 90 кг) и кантариях (47,65 кг), а вывозимый на Север - в стократно меньших единицах: фунтах (409,5 г) и гривенках (409,6 г).

Соперничать с перцем мог, пожалуй, *ладан* (*incenso*), высушенный сок дерева босвеллии, качество которого как "святого семени", мистически изгонявшего Дьявола и демонов, породили наиболее широкое видовое обозначение - "semesante". Спрос на ладан определялся его сакральной ролью в культовых церемониях. Вообще, считалось, что он служил защитой от чумы и мора, поэтому его вводили порой в состав известковых растворов. Ладан использовался также как кровоостанавливающее, дезинфицирующее и обезболивающее средство. Его предписывали страдающим "лисьей болезнью", или облысением (13,с.219-220). Происходил ладан с Иранского нагорья и привозился из Тебриза и Багдада (149,р.370; 204,§ СХСIV). Его упоминания встречаются в документах Кафы, начиная с 1289 г. (100,№22). Из Крыма он реэкспортировался по "молдавской" и "татарской" дорогам и упоминался в молдавских привилегиях под названием "темиань", то есть "*фимиан*" (120,№128). В направлении на

Москву его, может быть, везли даже активнее, чем какие-либо другие специи. По русским документам конца XV в. (51,с.10-33), значилось 5 кантариев и 90 гривенок (241,6 кг) ладана.

На складах и в лавках кафских специариев всегда имелись запасы *гвоздики* (*garofali*), высушенных почек гвоздичного дерева, или сухих пурпурных цветов (123,р.61). Согласно средневековым медицинским учениям, гвоздика укрепляла внутренние органы, снимала головные боли, ослабляла параличи и, в целом, благотворно влияла на настроение (13). Собиралась она на островах Индийского океана - Молуккских, Яве, Цейлоне (204,§ CLXIII, CLXXI) и поступала на караванные пути Персии через Ормуз.

В Кафе всякий желающий мог пайти *корицу*, кору и лист коричневого дерева, заготавливавшиеся на Малабарском побережье Индостана, Цейлоне и в Южном Китае (58; 204,§ CLXXXIII), весьма полезные для укрепления "силы мозга, сердца и печени", устраняющие гнилостные вещества и создающие веселое расположение духа (13,с.256-257).

Там же продавались *мускатный орех* (*muscato*) (100,№771), плод вечнозеленого дерева, похожий на персик в темно-бурой кожуре, и *мускатный цвет* (*mace*), применявшиеся при опухолях, мигрени, головных болях, для укрепления печени и желудка (13). Мускат, согласно Марко Поло (58; 204,§ CLXIII), происходил с Явы и привозился, главным образом, через Ормузский порт и Малую Азию.

В тех же торговых рядах находился и *имбирь* (*zenzero*), корневище камышеобразного растения, употреблявшееся в сыром виде, засахареном, толченом, в медицине и кулинарии как приправа к мясным и рыбным блюдам. Имбирь был полезен для укрепления памяти, улучшения пищеварения и функций печени, помогал от желтухи и других болезней (13). Им были богаты Восточная Индия и Юго-Западный Китай (58; 204, § CX, CXIII, CXVII, CXXVI, CXLV, CLXXXII, CLXXXIII, CLXXXIV).

В кафских аптеках можно было приобрести *сандал* белый или красный (*sandali bianchi e rossi*), входивший в рецепты многих сложных лекарств. Сандал рекомендовалось нюхать для профилактики чумы. Сандаловой мазью смазывали ноздри, чтобы избежать заражения через воздух (13). Этот род специй давали сандаловые рощи островов Индийского океана и Мадагаскара (58; 204,§ CLXXI, CXCI).

На рынке Кафы запасались *кардамоном* (51,с.29), который считался незаменимым при лечении плеврита и различных опухолей (13). Происходил он также с островов Индийского океана, в первую очередь с Явы.

Кафнотам были известны персидская *ларенна* (*robbia*), корень которой служил для приготовления красно-коричневой краски, и китайская *кубеба*, изгоняющая камни и песок из почек (13,с.209).

Они знали среднеазиатский *орсейль* (*orstallo*) (100, №878), красящее вещество из лишайника, и тохаристанские плоды *кассия* (*chania fistola*) (167, р.36), укрепляющие расслабленных и снимающие опухоли (13, с.201, 298-299). Им были знакомы гуджаратское и кунлонское *индиго* (*endego*) (93, №7), темно-синий краситель из листьев индигоферы (58; 204, § CLXXX, CLXXXIV), и северокитайский *ревень* (51, с.31), заживляющий следы оспы, лишай, грыжу и улучшающий пищеварение (13, с.280-281). Кафским купцам были ведомы *бразильское дерево* (*versino*) (147, р.616) из Индии (58; 204, § CLXIX, CLXXX), сердцевина которого давала стойкую красную и желтую краски, и *цитварное семя* (*semenzina*) (147, р.160) из Армении, выводящее червей (13, с.283). В Кафе покупали суматрийскую *камфору* (51, с.31; 204, § CLXIX, CLXX), которой оздоравлили воздух, предупреждая морозные болезни (13), и тибетский *мускус* (204, § LXXII, CXV), содержащее семенных желез кабарги, являвшееся в то время лучшим стимулятором половой активности (13, с.231-232). Там можно было разыскать иранский *канерс* (477, р.723), полезный при воспалении седалищного нерва и астме, снимающий зубную боль и облегчающий селезенку (13, с.210-211), и аравийскую *манну* (477, р.723), отвердевший сок тамариска, отличающийся необыкновенной питательностью. Там встречались "*драконова кровь*" (*sangue draghante*), белая камедь с далекой Сокотры, использовавшаяся в фармакологии и технологии крашения, и *сафлор*, очищающий грудь (13, с.275-276). Там были "*чернильные орешки*" (*ghalla*), получаемые из паростов от насекомых на листьях дуба, дававшие чернильную краску, лучшие чернила и отличное дубящее средство, и *гальбан*, исцелявший язвы (13). Там знали толк в экзотических засахаренных фруктах Леванта (*confectis*) (167, р.33, 34, 36, 38-40) и редких восточных напитках (*selbeto, comburenda*) (167, р.38, 47, 57), умели различать острые приправы (*salsa*) из заморских специй и сулейманийский *красный сахар* (167, р.35-36, 38). Судя по массариям Кафы (167, р.27-63), многочисленные пряности, обозначавшиеся обобщенным названием "тонкие специи", были обязательными в праздничных застольях и на довольно частых обедах по случаю приема коммуной тех или иных официальных лиц. Одним словом, специи были неотъемлемым атрибутом городской повседневности Кафы и традиционным объектом предпринимательских усилий как специиариев и аптекарей, специализировавшихся в этой отрасли торговли, так и вообще купцов, посредничавших между Севером и Югом.

В целом, Кафа выступала важнейшим центром дистрибуции восточных специй: небольшая часть, менее 1%, потреблялась в самом городе, еще какая-то доля распределялась в ближайшей периферии, включая Газарию и Кавказ, около 4-5% реэкспортировалось в русские земли, несколько больше вывозилось в направлении Польши и

Германии и подавляющая масса, более 80%, вывозилась на судах по Черному и Средиземному морям в Италию (300,с.66,сл.).

Известно, что Венеция ежегодно отправляла в Северное Причерноморье 2-3 галеры, ритм движения которых подчинялся времени прибытия восточных караванов (644; 645). Столько же отправляла Генуя (528), а с 60-х г. XV в. - и Флоренция (194,№138). В 1395 г. три венецианские галеры везли из Черного моря в республику Сан-Марко 8,7 т перца и 22,6 т шелка. В 1396 г. две галеры по тому же маршруту везли 7,5 т индиго и 14,5 т шелка. В 1404 г. на двух галерах в Венецию было доставлено из Таны и Крыма 20 т перца, 4 т имбиря, 20 т индиго, 7 т корицы, около 2 т цитварного семени и 28 т шелка (497,р.125). В 1424 г. в том же направлении везли 308 кантариев (14,7 т) различных специй (перец, индиго, цитварное семя, ладан, бразильское дерево, имбирь, кермес) и 70 кантариев (3,3 т) шелка (189,р.190). Если среднюю грузоподъемность галер принять за 100 т (296), то окажется, что шелк и восточные пряности составляли лишь 10% общего тоннажа и только в случае с экспедицией 1404 г. - около 50%. Оставшиеся свободные места на судах должны были догружаться другим товаром. Не будет заблуждением допустить, что им были "северные специи", именно: мед, воск, кость, меха и другие. И это пример Венеции, общепризнанного лидера в левантской торговле.

Рис.26. Галера

Генуя в еще меньшей степени была заигипотизирована восточными редкостями. В 1383 г. на борту одной навы находились 1 ящик гвоздики, 2 мешка чернильных орешков, 1 кантарий (47,65 кг) мускатного ореха, 3 ящика корицы, 9 корзин каперса, то есть, в целом, менее 1 т на большом судне, в 200-500 т грузоподъемностью. В 1384 г. на корабле такого же класса везли 1 коллю (91 кг) кожуры мускатного ореха, 1 карателлю (20 кг) гвоздики; в 1385 г. - всего 4 джарры (48 кг) манны; в 1386 г. - 1 связку бразильского дерева; в 1392 г. - 6 балласов (1,04 т) кошенили и 1 фарделл (79 кг) плодов кассия. В 1395 г. в республику Сан-Джорджо в трюмах одной навы везли из Кафы 3 джарры (36 кг) мышьяка, 1 коробку туши, ящик сахара и 3 понди (270 кг) "драконовой крови"; в 1396 г. - 53 мешка кости, 6 pezze (около 71 кг) ладана, 2 tonnelli (?) индиго и 5 джарр (60 кг) имбиря (477,р.720-723), опять же не составляя 1 т. Здесь пряности и благовония Леванта, несомненно, являлись лишь дополнением к грузам се-

верного и черноморского происхождения. Таким образом, в общем потоке "специй", в широком смысле слова, явно доминирующее положение, в пропорции 9:1, занимали редкие и ценные товары Севера и Понтийского региона.

Помимо шелка и специй повышенный интерес в левантийской торговле имели драгоценные камни. Перо Тафур, бывавший в Кафе в 1435-1439 г., писал: "В этот город из областей Персии и Индии по суше и по морям Таны и Баку (Азовскому и Каспийскому - А.Е.) поступает огромное количество товаров, специй, золота, жемчуга и драгоценных камней." (221,р.163).

Чаще всего в документах Кафы упоминался жемчуг (от китайск. "чжень-чжу" - раковина), именовавшийся еще "маргарит" ("margarites" - перл) или "перламутр" ("mater perlarum" - мать жемчуга). В христианских культурах жемчуг почитался символом чистоты и девственности, знаком самой Девы Марии. Поэтому жемчужина оказывалась как бы иконным образом Богоматери, общепризнанной заступницы тех, кто так или иначе был связан с идеей порождения и роста, будь то земледелец, или купец. Происходил жемчуг из приморских областей Южного Китая - Гаинду, Фучжоу, Цюаньчжоу, а также с Коромандельского и Малабарского побережий Индии, островов Бахрейна и Цейлона (47,с.12,14,27,51,53,169,сн.167; 58; 204,XI,CXLVI, CLXXIV,CLXXVII). Он ввозился в основном через Ормуз, знаменитый центр, где шлифовались и сверлились жемчужины, отчего в русских документах их называли порой "гурмыжские зерна" (47,с.143,сн.54).

Первые упоминания жемчуга встречаются в кафских нотариальных записях 1289 г. В одном случае, в частности, упоминалось перламутровое ожерелье (*girlandum de perlis sive lapidibus*), происходившее из столицы Византии (91, №252; 100,№252). В другом акте 1343 г., касавшемся завещанного имущества, назывались 700 жемчужин, весом 21 сажо 12 каратов (95,14 г), привезенных из Трапезунда (106,№51). В актах 1371, 1381-1382 г. фигурировали жемчужные ожерелья, головные и височные украшения из перламутра, связки по сотне и более жемчужных зерен, маргариты в золотой и серебряной оправе, наборные серебряные пояса, унизанные бисером (93,№22,35; 107,р.228-232). В русских документах конца XV в. также нередко встречаются упоминания жемчуга. Он измерялся горошинами (0,25г), зернами

Рис.27. Торговец драгоценными камнями

или миткалями (4,25 г), и были купцы, которые везли с собой до 40 миткалей (170 г) жемчужной россыпи и даже больше, были такие, которые имели подобных драгоценностей на 2 тыс. руб. (200 тыс. аспров) (51,с.11,23,24,26,27,29,31). Повышенная заинтересованность в жемчуге побуждала итальянских и иных купцов отправляться из Кафы по Анатолийским путям до Султанни, соединенной караванным сообщением с Ормузом, лучшим рынком этого дара Индийского океана (41,с.81). С той же целью они выезжали в Тану (191,р.302) и Хаджитархан (131,р.IX).

Из Кафы жемчуг отправлялся морскими путями на Юг - в Италию (135,р.484; 150,№12; 222,т.I,№948; 223,т.I,№955; 497,р.117; 568,р.365; 569,р.159) и на Север - в Московию (51,с.11-31). Небезызвестный Хозя Кокос делал в Кафе закупки отборного жемчуга, особых "зерен великих" для Московского княжеского двора и лично для Ивана III (50,с.40). Демьян Фрязин вез через Кафу в Новгород перламутр различной величины (51,с.23). В 1498 г. в Крыму было закуплено жемчуга на 70 тыс. денег, предназначенных для украшения нового Московского храма (50,с.268).

Говоря о роли Кафы в дистрибуции подобной редкой товарной статьи, нельзя пройти мимо весьма симптоматичной индикации - "кафимский жемчуг", "зерна кафимские", известные по средневековым русским текстам (237,с.11,13,32,35,45,48-50,52,62; 393,с.16,35,38,126,179). В отличие от моих предшественников (414; 429; 572), не располагавших положительными сведениями о развитии ремесленного производства в Кафе и считавших приведенные определения не более, как указанием на пункт реэкспорта, я склонен соотносить их с определенной ремесленной доводкой импортного жемчуга, осуществлявшейся местными ювелирами в самой Кафе (229,в.VII,р.302; 300,с.71). Во всяком случае, многочисленные украшения из жемчуга, упомянутые в актах Бельтраме и Беллиньяно (93,р.64-66,81-82; 107,р.228-232), судя по их невысокой стоимости и достаточно широкому распространению в городской среде Кафы, могут быть вполне отнесены к продукции местных умельцев. Равно как и серебряные пояса, украшенные индийским или индокитайским жемчугом (*corrigia argentea cum perlis veracibus et cum auro laboratum*), надлежит отнести к изделиям мастеров довольно распространенной в Кафе ремесленной профессии - "*corrigiarii*", то есть ремешников, изготовителей наборных поясов (100,№15,22,23,24,25,45,117,119,278,398,405,432,438,448,470,587,600,623,651,694,773,893,895). Наконец, сообщения о ремнях, унизанных жемчугом, письменных источников XIV в. оказываются коррелирующими с археологическими находками составных серебряных поясов с позолотой и драгоценными камнями, которые по своим смешанным греко-латинско-татарским признакам относятся современными исследователями к продукции крымских город-

ских центров и, в первую очередь, Кафы (353; 355). Использование жемчуга местными ремесленниками в украшении одежд, головных уборов, богатых поясов, кошель и других изделий теснейшим образом связано с ювелирной доработкой в Кафе заморской жемчужной продукции, что и вызвало, по моему убеждению, дополнительную тарификацию "кафимский жемчуг".

По ценности сго превосходил алмаз, наделавшийся многочисленными мистическими свойствами. Считалось, что он давал владельцу силу, храбрость и непобедимость в бою. Алмаз предупреждал об опасности, отпугивая от соседства с ядом. В свою очередь, растертый в порошок, он сам становился смертельным. По средневековым представлениям, различались женские и мужские алмазы, которые способны были совокупляться и давать потомство. Будучи абсолютно твердым, этот драгоценный камень, якобы, размягчался в теплой козлиной крови (17). Алмазы в виде восьми- или двенадцатигранных кристаллов именовались, обычно, "адамант", или "диамант" (от греч. "adamantos" - несокрушимый), круглые же алмазы назывались "баллас". Их месторождения разрабатывались в средние века в индийских областях Райчур и Каллур (47, с.12,25,38,51,56), а также в афганской провинции Бадахшан (204, р.44). В кафских актах 70-80-х г. XIV в. приводились кольца и колье с балласами (baraxius) и диамантами (diamantis) (93, №22; 107, р.232), обменивавшиеся на местном рынке. В русских документах конца XV - начала XVI в. значились алмазы с жемчугом на 2 тыс. денег и еще 6 почек (1,09-1,26 г) алмазных камней, предназначенных для отправки в северные земли (51, с.29,31). Упоминались они и в числе драгоценностей, вывозившихся морем в Италию и Францию (135, р.484).

Другим драгоценным камнем, имевшим значение в большой торговле Кафы, был рубин (от латин. "ruber" - красный), называвшийся в русских источниках *яхонтом* (от араб. "яхут" - красный), или еще чаще - "лалом" (от персид. "lale" - тюльпан). С древних времен он считался камнем оживляющим, укрепляющим сердце, возвращающим утраченные силы и вообще изгоняющим тоску (17). Лучшие рубины, по свидетельству Марко Поло и Афанасия Никитина (47, с.11-12,25, 51; 58; 204, XLVII), добывались в Бадахшане и привозились в Кафу через Малую Азию и Закавказье. Кроме того, туда поступали по среднеазиатским путям красные корунды из Китая (41, с.81). Эти камни известны по документам Кафы XIV-XV в. Золотые кольца с рубином (rebini) значились среди драгоценностей, продававшихся в Кафе с аукциона в 1371 г. (107, р.232). Еврей Кокос делал закупки "лалов да яхонтов" на кафском рынке для Великого князя (50, с.40). Хозяин занимался в 80-е г. XV в. поставками лалов в Москву (50, с.50). В другом документе конца XV в. упоминались "камышки яхонты" среди драгоценностей, отправлявшихся в северо-русские земли

(51,с.29). Известны упоминания лалов в "Куманском кодексе" (159,fol.47).

Наряду с красным корундом в тогдашней торговле имели хождение корунды темно-синего цвета, получившие специальное обозначение "*сапфир*" (от греч. "sarpheiros" - синий). На нем, по преданию, были высечены заповеди Моисея, и потому сапфировый камень считался свернутым выражением "Священного писания" (от древнеевр. "sfir" - писание, книга). Причастность к цветовой гамме неба и моря придала ему иное символическое осмысление. Сапфир почитался охлаждающим страсти, сообщающим верность и скромность (17). Его родиной были Шутнан, в афганской провинции, и Цейлон (41,с.133; 47,с.164-165,сн.144; 204,р.49). Сапфиры в золотой оправе (saffiretum ligatum in auro), украшавшие кольца и иные ювелирные изделия, фигурировали в документах Кафы второй половины XIV в., в описях имуществ, регистрах аукционных продаж и других (93,№22; 107,р.231-232).

Определенное значение имела также *бирюза* (от персид. "figuza" - победа), или "*туркиз*", небесно-голубой, голубовато-зеленый камень. В христианских культурах бирюза почиталась как символ возвышенной божественной любви, согласия и мира, в мусульманских культурах - считалась знаком победы, торжествующей веры, мистическим замещением "Корана" (17; 18). Самая высококачественная бирюза добывалась в средние века в Кермане, Нишапуре и китайских городах Цюнду (41,с.92; 58; 204,XXXV,XLVII,CXVII,CLXXIII,CLXXV) и привозилась в Кафу по трансанатолийским и среднеазиатским торговым путям. Упоминания туркиза (turcheyse) встречаются в коммерческих записях XIV в. (107,р.232).

Близкой к бирюзе по внешнему виду была *лазурь* (от араб. "азул" - небо, синевя), среди которой различались драгоценные камни густой фиолетово-синей окраски - *нили*, считавшиеся наиболее дорогими, голубого, небесно-синего цвета - *асмани* и зеленовато-синего тона - *суфси*. Лазурь в своем абсолютном значении олицетворяла небесную истину; она являлась символом божественной вечности и человеческого бессмертия. Этот камень, кроме того, использовался для получения самой стойкой синей краски. Как известно, лазоревые тона небесной сферы, одеяний Христа и Марии средневековых икон и фресок писались красками "нила" в Италии или "голубец" на Руси, изготовлявшимися из дорогого заморского лазурита. Он происходил из горных разработок Афганистана и китайской области Кендук (41,с.133; 58; 204,XLVII,LXXIV) и поступал на кафский рынок через караван-сарай Средней и Малой Азии.

Из минералов ярко-зеленого цвета, конечно, выделялся *изумруд* (от персид. "zummurud" - зеленый), известный также под названием "*смарагд*" (от греч. "smaragdos" - зеленый). Этому камню приписыва-

лись многочисленные магические качества: он отгонял дурные сны, отводил мрачные мысли, спасал от черного кашля, успокаивал сердцебиение; одновременно он был целебным для зрения, полезным от ядовитых укусов (17). По древнерусским преданиям, это камень мудрости и надежды. Давали изумруд копи Восточного Ирапа. Торговые документы Кафы знают изумрудные камни, оправленные в золоте (*smeraldum ligatum in auro*) (93,р.64). Смарагд был объектом коммерческих интересов в переговорах Тамерлана (1386-1404) и Карла VI Валуа (1380-1422), посредником в которых выступал Иоанн Галонифонтский, прекрасно знавший состояние кафского рынка (619).

В лавках кафских ювелиров можно было отыскать *гиацинт* (от греч. "iakinthos" - цветок из капель крови), иначе именуемый "*иакинф*", "*лигий*", прозрачный камень красных, оранжевых и розовых тонов. Он обладал мистической способностью менять цвет от соседства с ядом, был талисманом от заразных болезней, в том числе от чумы (17). Происходил этот камень из Индии (47,с.11-12,25,51,164-165,сн.144;с.166,сн.147).

Там же встречался *агат*, или "*ноготь*" древнерусских текстов (от греч. "onis" - ноготь), известный еще под арабским названием "*ахик*". Тот сорт агата, который отличался чередованием черных и белых слоев, именовался "*оники*", а тот, что выделялся красно-бурыми и белыми слоями, обозначался "*сардоникс*" (*sardonis*) или "*сердолик*" (*sardion*). Этот камень нередко предпочитался как самый счастливый и оздоравливающий. Он, по средневековым верованиям, останавливал кровотечение, ускорял срастание сломанных костей, укреплял зубы, успокаивал страдающих от лихорадки и нервных болезней; он предохранял от конфликтов, защищал от неверности и лжи (17), поэтому агат всегда выбирали жаждущие любви, стремящиеся удержать возлюбленного и супруга. Помимо магико-мистического назначения рисунчатые опиксы и сердолики находили применение в глиптике и в искусстве камей. Агат происходил из малоазийского Халседона, а его красно-белые разновидности - из горных промыслов около древнего города Сарды, чье имя отразилось в названиях сардоникса и сердолика. Кроме того, в средние века красные агаты добывались в Индии, в особенности - в Камбее и Калтуре (47,с.11-12,25,51,163,сн.139). Как свидетельствуют нотариальные акты Кафы, ювелирные изделия с опиксом (*opiso*) выставлялись там на торги наряду с алмазами, рубинами, сапфирами и другими драгоценными камнями (107,р.232). Из Кафы они отправлялись как на Юг - в Византию и Италию (116,р.287,316), так и на Север - в Россию (51,с.11).

Из менее ценных камней источники знают "*кошачий глаз*", отличающийся золотисто-зелеными переливами, напоминающая радужную оболочку светящегося глаза кошки. Этот камень считался

"оберегой", защищающей от измены, охраняющей имущество, разум и здоровье; "кошачий глаз" сохранял любовь (17). Он служил также и прагматическим целям: для изготовления застежек и инталъо. Если же говорить о географии происхождения, то придется констатировать более широкое его распространение: только самый ценный рубиновый и сапфировый "кошачий глаз" привозился из Восточного Ирана и Индии (47,с.165). В документах Кафы этот камень встречается как украшение на золотых кольцах (*anullum auri cum lapide oculi gatti*) (107,р.231).

Был известен здесь и *хрусталь* (от греч. "kristallos" - лед), шары из которого издавна служили ритуальным магическим целям; они использовались для охлаждения рук в жару и, наоборот, для получения "божественного огня". По средневековым убеждениям, хрусталь избавлял от кошмаров и предохранял от замерзания (17). Добывался он в Китае и Центральной Азии.

Наконец, кафским купцам был известен камень "*фатис*", название которого ошибочно объяснялось М.Фасмером как "безоар" (425,т.V,с.188), то есть каменное образование во внутренностях безоарового козла, считавшееся сильнейшим противоядием. Однако, в действительности, то был не редкий антидот, насчитывавшийся гранулами и измерявшийся в мельчайших весовых единицах, а - простой поделочный камень, который везли кантариями (на Руси - 40,95 кг) и который шел на изготовление пуговиц (393,с.156). Происходил он, судя по сообщению Афанасия Никитина, с далекого Цейлона (47,с.11,25,51). В русских документах конца XV в. однажды было упомянуто 4 кантария (163,8 кг) фатисного камня, отправленного в Московское княжество (51,с.31).

К драгоценностям средневековое сознание причисляло легендарный "*рог Кергердена*", якобы принадлежавший единорогу, фантастическому животному, наподобие коня, с длинным прямым рогом между ушами, со шкурой из меди. По средневековой мифологии, этот бесполой зверь, обитавший в Индии, сбрасывал свой рог раз в 532 года на берегу моря и умирал, а новый зверь рождался из червя, выползшего из рога (376,с.82-84). Рог, поэтому считался дающим способность к возрождению, неуязвимость и отвагу. Среди заморских товаров, отправлявшихся в Москву ко двору Великого князя, однажды назывался перстень из чудесного "рога Кергердена", в действительности же сделанный из черного индийского дерева. Это кольцо рекомендовалось лизать перед вкушением яств, и тогда человек был защищен от отравления (50,с.476).

Вообще, говоря о торговле драгоценными камнями, обычно почти не привлекающей внимания исследователей из-за ее как бы "незаметных" масштабов, нужно подчеркнуть ее максимальную экономичность и прибыльность: транспортировка раритетных минера-

лов не требовала громоздкой тары, больших повозок, оплаты многочисленных погрузочно-разгрузочных работ, сопровождалась льготным налогообложением, как в Трапезунде и Венеции (140, р.123), или полным налоговым иммунитетом, как в Генуе и Египте. Здесь уместно привести постановления Генуи 1343 и 1390 г., согласно которым драгоценные камни и ювелирные изделия из них (*lapides preciosos et ioes fabricates de auro argento lapidibus preciosos et perlis*), провозившиеся через Кафу, Перу и Хиос, освобождались от торговых пошлин (116, р.287, 314-316). Горсть алмазов или рубинов в несколько граммов, а еще чаще - россыпь жемчуга, составлявшая капитал почти всякого купца, действовавшего далеко на Востоке, способна была дать прибыль в 200-500% и более (568, р.146-159, 172, 180-186), или, в крайнем случае, покрыть издержки убыточного торгового предприятия (569, р.159). Великие "неудачники" в коммерции - венецианец Марко Поло и тверской купец Афанасий Никитин - подолгу путешествовали по восточным странам, пользовались благами и услугами их жителей во многом благодаря скупке и перепродаже драгоценных камней (608, р.554).

Продолжая характеристику восточного импорта, отмечу наиболее существенные статьи ремесленной продукции Леванта, имевшие значение в большой торговле. В первую очередь, стоит указать на китайский *фарфор*, самые знаменитые центры производства которого находились в Фуцзяни (204, § CXLV), и среднеазиатский *селадон*, зеленую или серо-голубую керамику, имитирующую фарфор, в большом количестве производившуюся в Хорезме (409, с.103-109). И тот, и другой типы керамического импорта в Кафу представлены в археологическом материале (244, с.17; 300, с.71-72, 186; 443; 455, табл. IX, №84-100), несправедливо не учитывавшемся западноевропейскими историками торговли с Востоком (468; 471; 472; 477; 497; 501; 509; 537; 565; 567; 572; 608; 621). Более того, есть все основания считать, что мощный поток восточных товаров, с включением керамики, прибывавшей с караванами из Китая и Средней Азии, именно в Кафе подлежал дистрибуции в ближайшей округе (3, 1938, д.№212, л.32-33 об.; 231, с.251; 232, с.93-94; 307, с.18-28), в итальянских факториях Крыма (2, 1927, д.№198, л.13; 1929, д.№114, л.24 об.; 51, с.57-58; 283, с.31), связанных сообщением с Кафой, и еще дальше - в Днепровском и Днестровском лиманах, с выходом на "виа тартарика" (349, с.93-96), обращенную к Северу.

Из других предметов восточного ремесла документы называли некоторые виды вооружения, как например, *байданы* (кольчуги) бесерменские, или *сабли* турецкие (51, с.27), некоторые изделия из серебра, как скажем "*блюдо езднинское*", то есть из Йезда (414, с.20), *кубки* и другие предметы; встречались также единичные упоминания *котлов*, *седел* из Анатолии, *шатров* (414, с.21, 56). Все перечисленные

товары значатся реэкспортированными из Крыма исключительно в Северном направлении.

Привести в движение столь значительную и довольно широкую по ассортименту товарную массу с Востока могло только соответствующее по масштабу и активности предложение товаров с Запада.

"Коммерческие практики" XIV - XV в. позволяют в какой-то степени реконструировать структуру товарного экспорта на Восток. В первую очередь, это был европейский и восточносредиземноморский текстиль, о котором уже говорилось в предыдущей главе. Здесь уместны лишь частные дополнения. Толстые и тонкие крашенные сукна французского и итальянского производства, равно как и кипрский камлот с выгодой можно было везти только до Хаджитархана и Тебриза, где они пользовались высоким спросом. Дальнейшая транспортировка с многократными перегрузками с барок на волов, с волов

Рис.28. Средства передвижения купцов

на верблотов, а затем - на лошадей и ослов, следуя по трудным горным переходам, становилась слишком затратной. Поэтому европейские купцы поступали так, как Джованни Лоредан, отправившийся в 1338 г. в Индию: дойдя до Хаджитархана, он продал на местном рынке, а также через посредничество своих факторов на базарах Старого и Нового Сарасв все привезенные с собой шерстяные полотна, а среди них были элитные сукна Малине (Фландрия), Флоренции, Венеции самой престижной окраски - красной, фиолетовой, зеленой и желтой (568,с.155-156); или так, как действовали в 1333 г. Джакомо и Ансальдо де Оливерьо, поехавшие в Китай: французские и итальянские ткани они реализовали в Тебризе (568,с.176).

Тосканский Аноним, до тонкостей знавший условия рынка на Востоке, советовал европейцу сохранять при себе вплоть до Ургенча только самые легкие льняные ткани, которые там могли быть проданы с максимальной прибылью на серебро (113,р.316). В выгоды этого действия купец убеждался вскоре по вступлении в пределы Китая, испытывавшего острый дефицит серебра, где каждая унция этого металла сама собой возрастала в стоимости минимум в два раза (290,с.77-78). Впрочем, льняные материи не имели конкуренции в Китае и пользовались там повышенным спросом (113,р.315-316).

Говоря о текстиле из льна, отправлявшемся через Кафу на Восток, нужно иметь в виду, что он был не только западноевропейского

происхождения, в чем порой может убеждать знакомство с известной историографией (113; 561; 566; 568; 608), но и североευропейского, именно русского, и это весьма важно для отображения специфической роли Кафы, концентрировавшей в своих пакгаузах как продукцию, пришедшую морем с Юга, так и поступающую с Севера. Приводившиеся ранее данные свидетельствовали о присутствии русских тканей на рынке Кафы (588, р.133). "Кодекс куманикус" подтверждает их распространение в Дешт-и-Кыпчаке наряду с итальянскими материями (159, fol.47). А сообщение Клавихо о льняных полотнах из Руси позволяет говорить о том, что они доходили до Средней Азии, в частности, до Самарканда (41, с.139).

Следующим по значимости товаром, предиазначавшимся для торговли на Востоке, "коммерческие справочники" XIV в. помещали "кожи всех видов" (113, р.315-316). А это - продукция, уже целиком относившаяся к Северу. Торговые договоры Кафы конца XIII в. отражают экспорт кож в восточном направлении. Выделанные и окрашенные в зеленый цвет козловые кожи (*resci carpati tincti*) вывозили из Кафы в Тану (100, №870, 893, 895), начальную станцию на "Великом шелковом пути"; бараньи кожи отправляли в Матрегу (100, №371), имевшую выход через Железные Врата на транскавказские маршруты. Источники сообщают о торговле русскими кожами на рынке Самарканда (41, с.139).

Далее, назывались металлы, из которых самым активным спросом на всем протяжении пути в Китай пользовалось серебро; несколько уступало ему олово, достигавшее Ургенча, и, пожалуй, ниже стояли медь, свинец, ртуть, сульфид ртути, то есть киноварь, происходившая из западнорусских земель, которые находили распространение до Сарая (113, р.316).

Определенное значение в торговле с Востоком имели также западноевропейский шафран и поступающая из Восточного Средиземноморья амбра с кораллами, которые неизменно значились среди товаров, продававшихся в Кафе, Тане, Сарая и Ургенче (113, р.314-316).

Пожалуй, можно говорить о более или менее устойчивом спросе на европейских коней благородных кровей, особенно в Индии, не знавшей коневодства, и в Китае, аристократия которого всегда предпочитала западных чистокровных иноходцев. В Кафу пригоняли валахских лошадей, откуда они либо переправлялись морем в Анатолию, либо перегонялись в Воспоро, перевозились через Керченский пролив в Матрегу и отправлялись далее на Восток (167, т.IV, р.60; т.VIII, р.60, 94; 229, в.VII, р.1, №528; 300, с.131). Андало Савиньон, принадлежавший к известному в Кафе торговому дому, вел в Китай до десятка итальянских породистых скакунов, которые вызвали такое восхищение в Канбальке, что были прославлены в произведениях китайских поэтов и художников (568, р.88-89;

608,р.555). Иоанн Галонифонтский отмечал особое пристрастие Тамерлана к европейским боевым коням. Помимо этого, на Востоке проявляли интерес к испанским мулам и европейским породам больших собак (619).

Несколько расширить представление о западной продукции, пользовавшейся спросом на Леванте, позволяют дипломатические документы. К таковой, в частности, стоит отнести продукцию итальянского стеклоделия. Известно, к примеру, что братья Поло, отправившиеся к хану Золотой Орды Берке (1257-1267), везли с собой стеклянные украшения, по-видимому, изделия венецианских мастеров прославленного Мурано. Окружением хапа они были восприняты за подлинные драгоценности, и братья были вознаграждены даром, по стоимости вдвое превосходившим привезенные из Италии "gioielli falsi" (568,р.87). Уже называвшийся Андало Савиньон перед отправкой в Китай покупал в Венеции украшения из стекла (*iocalia de cristallo*), стоимостью до 2 тыс. флоринов (примерно 95,4 тыс. аспров) (568,р.129; 608,р.562). Джованни Лоредан, направляясь в Индию, вез парадные кубки (*cubas, doreas*), вероятно, также стеклянные (568,р.156). Европейские бокалы граненого стекла упоминались среди товаров, весьма ценных в державе Тимура. Сюда же можно добавить золотые и серебряные вазы и чаши, инкрустированные драгоценными камнями, которые фигурировали в перечне товаров, вызывавших особый интерес в Джагатае (619).

Запад XIV - XV в. способен был удивить Восток и другими диковинами европейского ремесла. Упомянутый выше Лоредан вез в дар Делийскому султану механические часы (*relogio*), изобретенные в начале XIV в. и на Леванте еще не виданные, а также механический фонарь с редкими чудесными свойствами (568,р.155). Но то были единичные случаи.

Несмотря на сравнительную узость товарного ассортимента, предлагавшегося Западом для обмена с Востоком, едва ли возможно говорить об отрицательном сальдо для Европы. Стоит обратиться к статистике картулярия Ламберто ди Самбучето 1289-1290 г., вобравшего 903 частично-правовых акта. Согласно этому комплексу документов, в Кафу ввезено левантийских материй и шелка, специй и драгоценностей на 90 тыс. аспров, тогда как европейского текстиля - на 900 тыс. аспров, из которого 1/3 переправлена в Анатолийском направлении - на Савасто и Турцию, а около 1/5 - в Азово-Волжском направлении, на Тану и Сарай (300,с.28-29,64-66,244-245). Конечно, можно говорить о том, что сведения такой выборки, какой являются акты Самбучето, не показательны, они отражают специфическую ориентированность генуэзских предпринимателей не на торговлю восточными товарами, а на более массовые поставки северной и причерноморской продукции, что Кафа лежала в стороне

от основного потока левантийских товаров, что в конце XIII в. еще не стали стабильными караванные сообщения между Трапезундом и Тебризом, между Таной и Ургенчем. Однако материалы по истории других центров обмена Запада с Востоком также не позволяют утверждать о пассивном для Европы балансе (315; 471; 477; 552; 621).

Во всяком случае, если говорить об активности западного и восточного купечества в торговом обмене, то приоритет явно принадлежал первым. Китайским или индийским купцам не было нужды отправляться до Лондона или устраивать свои кварталы с храмами-чайтъя и - пагодами где-нибудь в итальянских городах, тогда как европейские негоцианты создавали целые общины на Востоке, со своей организацией и правовым обычаем, покупая недвижимость и отстраивая соборы и монастыри (180; 191; 477; 568; 569; 608; 620).

Документы дают весьма колоритный образ европейского купца на Леванте. То были незаурядные люди, обладавшие разнообразными талантами, в том числе редким даром рассказчика, как знаменитый Марко Поло, или безвестный генуэзец, которому Джованни Боккаччо обязан одной из своих китайских новелл, и, наоборот, лишённые дарований, как какой-нибудь Франческино де Нодер, промотавший деньги кредиторов в увеселительных домах Ургенча, одна из гетер которого, прозванная в насмешку Франческина, обошлась ему в целое состояние - 1500 бизантиев (608,р.559). То были потомки патрицианских аристократических родов, как принадлежавший к фамилии венецианских дождей Андреоло Дандоло, торговавший в Танае и Ургенче (608,р.559), или действовавший в Китае Галеотто Адорно из семейства генуэзских дождей (180,р.453), и бесчисленные представители городского плебса. То были благочестивые христиане, как Пьетро Лукалонго, купивший землю в Канбальке для устройства католической миссии (158, v.I, р.304), и богохульствующие, как некий ломбардский медик, "заразивший ересью" Канбальк (227, v.I, р.349-350), а то и преступившие закон, как Франческино Лоредан, обвинённый в изнасиловании монашенки (191, р.301-302).

Далеко не всем благоприятствовала фортуна. Были и мало прибыльные дела, как у Пьетро Соранцо и Джованни Конти, занимавшихся в Танае закупками шелка, специй, жемчуга и воска и получившие лишь 5% прибыли (569, р.159). Были и вовсе убыточные торговые предприятия (121, р.37-40, 43-44; 315, с.184-185, 196). В сверхдальней торговле, каковой была торговля с Востоком, существовал не только риск товаров и денег, но и риск самой жизни. Многие погибали в политических конфликтах, как те сотни итальянских купцов, которые были перебиты татарами в Танае и Сарая в 1343 г. (540, т.II, р.189), или в религиозных гонениях, как купец Джилотто ди Модена, разделивший участь францисканских мучеников в Алмалыке в 1339 г. (158, v.III, р.252), как европейцы, побитые религиозными

фанатиками в индийской Тхане, из которых чудом спаслись купец Джакомо и один монах (568,р.339). Многие умирали, не выдержав тягот путешествия, как Джованни Лоредан, перенесший 50-дневную задержку в Хаджитархане из-за суровых морозов, но не вынесший тяжелого перехода через Кашгарский перевал и умерший около Газны (568,р.364); многих уносили болезни и эпидемии, как Джакомо де Оливерьо, умершего в Китае в 1345 г., или членов семьи Иллионе, порой ошибочно отождествляемой с Виллионе (608,р.557), надгробные стеллы которым с датами 1342 и 1344 г. сохранились в Янчжоу (180,р.456-457), чья фамилия известна по кафским документам (95, р.307) и крымской эпиграфике (396,с.63).

Поэтому среди мотивов затягивавшихся на долгие месяцы и годы поездок в Индию и Китай едва ли можно видеть только надежду на стремительное сверхобогащение (180; 567). Восток гипнотизировал религиозное воображение возможностью обрести не метафизическое потустороннее Царствие Небесное, но вполне физический посюсторонний Рай, достижимый реальным перемещением в пространстве, с его толерантностью и конфессиональной свободой, с его патерналистским попечением о бедных, эгалитарным отношением к одежде, точнее к ее отсутствию, как в Эдеме, с его сексуальной свободой, не сдерживаемой никакими церковными, сословными и иными ограничениями и прочими идеалами (294). Можно сказать, что ищущий чувственного постижения Рая отправлялся на Восток, взыскующий же духовности избирал путь на Север.

В конечном счете, усилия всех этих торговых людей, левантийцев ли, или европейцев, оставивших по себе память, или безвестных, неуклонно вели к складыванию определенного единства, когда интересы одной стороны органично дополнялись интересами других. Север как бы уступал в притязаниях на шелк- и хлопок-сырец в пользу индустриально продвинутой Италии, довольствуясь малой долей пряжи, не выходящей за пределы декоративного назначения в шитье ритуальных одеяний, но зато опережал в спросе на готовый левантийский текстиль, обеспечивавший запросы не только элиты, но и, как можно судить по археологическим исследованиям (369; 374), средних слоев. Север явно отдавал инициативу в закупках "белого товара", специй, как тот же перец, располагая более надежными средствами консервации - льдом, но отнюдь не отказываясь от приобретения благовоний, в особенности, ладана, приобретшего исключительное церковно-церемониальное значение. Север не прельщался восточными целительными снадобьями и сладостями, располагая ценнейшими универсальными средствами - медом, икрой, кедровым орехом, но готов был соперничать с Югом за обладание драгоценными камнями Леванта, ритуально-магические свойства которых ценились в то время выше их реального значения, обеспечивая широкое

использование в культовом антураже, украшении соборов и в индивидуальных "храмовых" ансамблях - одежде, поясах и головных уборах. В свою очередь, Юг, уступая часть левантийского импорта, восполнял недостаток ввозом "северных специй" - меда, воска, моржовой кости, мехов и некоторых других. Наконец, по тому же принципу "композиции", то есть составления товаров Севера и Юга, формировался ответный экспорт на Восток. Именно поэтому по "Великому шелковому пути" наряду с благородным крашенным сукном Италии и Франции направлялась легчайшая отбеленная льняная ткань Руси, производство которой не было известно на Востоке, одновременно с изделиями европейского ремесла, каким-нибудь изысканным венецианским стеклом, везли русские кожи всевозможной выделки, рядом с итальянскими скакунами вели валашских лошадей, по соседству с техническими чудесами Европы, различными механическими часами и фонтанами, продавали северные "сапфировые" меха...

ГЛАВА III. СЕВЕР - ЮГ В МАСШТАБЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБМЕНА

Рост экономического и финансового потенциала Кафы в XIII - XV в., вызывавший изумление современников (183,р.124) и способный удивить исследователя, был бы невозможен без активной включенности этого центра в экономику региона, обладавшего богатыми и разнообразными ресурсами.

Историография последних двух десятилетий показала исключительное значение в экономической жизни Кафы XIII - XV в. торговли продукцией местных промыслов, горных разработок, сельского и скотоводческого хозяйства региона (242; 247; 251; 300; 315; 324; 342; 451; 453; 468; 474; 477; 482; 487-489; 497; 498; 515; 522; 536; 541; 552; 560; 579; 604; 609; 626; 627; 641). Однако, в исследованиях зарубежных историков торговая активность Кафы рассматривается только с одной точки зрения: выяснения, я бы сказал, ее аккумулятивной функции, то есть концентрирования на кафском рынке товарной продукции региона в интересах централизованного экспорта в Западное и Восточное Средиземноморье, тогда как Кафа играла весьма существенную роль в снабжении сырьем собственного ремесла, в обеспечении продовольствием собственного урбанизированного населения и зависимых от нее факторий, в обмене внутри Черноморского региона и, наконец, в экспорте не только в Южном, Средиземноморском, направлении, но и в Северном. Осветить эти вопросы - одна из задач настоящего исследования.

Прежде чем приступить к выяснению роли Кафы в региональном обмене, стоит, хотя бы в общем плане, очертить сферу торгового партнерства города на Черном море. В пределах самого Крыма крайним западным пунктом, с которым Кафа поддерживала связи была гавань Ле Фети (в районе современной Евпатории). Под таким именем она отмечена на картах Черного моря из так называемого атласа Луксоро (XIV в.) и атласа Грациозо Бенниказа (1467) (138,р.125; 198,таp.XL). Та же гавань, но отнюдь не Алушта, как полагал Р.Ботье, в несколько измененной форме - "Ailifeti" - упоминалась в трактате Тосканского Анонима начала XIV в. (113,р.316). Ле Фети в XIII - XV в. славился как пункт погрузки зерна, поступавшего из хлебных районов юго-западного Крыма. Несколько юго-восточнее находился другой партнер Кафы - Ле Салине. Под этим названием следует понимать несколько якорных стоянок на берегу Евпаторийского залива, расположенных напротив соляных озер Сакки, Евпаторийского, Кизил-Яр, Кичик-Бель, где уже в средние века

Рис.29. Современная карта Чёрного моря с номенклатурой XIII - XV в

были развиты соляные промыслы, дававшие продукцию на экспорт (44, I, №1; 365, с.162). Еще юго-восточнее, в Севастопольской бухте, находилась Каламита (Ипкерман) (9, №21-24), также использовавшаяся для вывоза зерна и соли. Совсем рядом находился Херсон, упоминавшийся на латинских картах в различной транскрипции (251, с.65-66), причем в некоторых случаях это название выделялось красным цветом, как обозначались только самые важные для Генуи пункты (138, р.125). Имя этого же города, в форме "Cerssona", встречается в кафеских документах 1345 г., из которых явствует, что Херсон служил портом для значительного хлебного района (193, р.279, 283, 292). Кроме того, через Херсон вывозилась значительная часть соли юго-западного Крыма (251, с.53-54). Значение хлебного порта имел также Чембало (Балаклава) (106, №62; 483, №1), известный средневековым картографам под именем "Sinbano", "Cenbaro", "Cenbale", "Cembano" (171, р.643). В несколько искаженной транскрипции - "Cibano" - имя города встречается в венецианских документах Кафы середины XIV в. (193, р.279, 283, 292). Помимо зерна, в нем грузили лен, отличавшийся высоким качеством, но производившийся в местной округе в небольших количествах, а также рыбу (618, р.223). Сложные мореходные условия (365, с.183) снижали торговое значение Балаклавской бухты, однако не мешали превращению Чембало в важнейший стратегический пункт, располагавший одной из лучших по тем временам крепостей и обеспечивавший безопасность генуэзской навигации из Кафы к Западному побережью Черного моря. К востоку по береговой линии Крыма находилась пристань и крепость Горзувиты (Гурзуф) (134, р.27). Еще далее, размещалась гавань Луста (Алушта). Здесь итальянцы закупали лен и коноплю (618, р.224), шедшие на изготовление пеньки и парусины, столь необходимых в морском деле. Ближайшим к Кафе с запада и крупнейшим генуэзским центром в Крыму после нее была Солдая (Судак). Восточнее находились бухты Калитра (Коктебель) и Перфидима (Двужорная), обозначенные уже на картах Висконти начала XIV в. (213, fol.28). К востоку от Кафы лежали места якорных стоянок Завида (мыс Чауда) и Конестази (213, fol.28, 35, 59), в полутора милях от Чауды (холм Кинчигирь), где вплоть до XVIII в. сохранялась пристань (9, №21); идентификаций Конестази до сих пор не предлагалось (ср.: 171, р.644; 419, с.180-181). Последний пункт известен уже с конца XIII в. как место погрузки зерна (91, №152; 100, №7). Далее, располагалась пристань Чиприко, традиционно соотносимая с мысом Опук (171, р.644; 419, с.180) и с 80-х г. XIII в. служившая генуэзцам местом погрузки соли (100, №586, 626, 629, 768, 798, 843), дававшей в керченских соляных озерах, главным образом - в Тобечикском, и получившей большое экспортное значение. Ее же генуэзские нотариусы обозначали под именем "Lumprico", "Jurprico", не понятым первыми издателями (91,

р.218,278). Следующим пунктом, с которым Кафа поддерживала связи, был Каваллари, отождествляемый, по последним исследованиям Е.Тодоровой (419,с.181), с мысом Кыз-Аул. Наконец, крайним на востоке Крымского полуострова был город Воспоро (Керчь), уже не раз называвшийся прежде. Как Воспоро, так и Каваллари использовались итальянцами в качестве хлебных гаваней.

На Азовском побережье следует выделить Салине и Сан Джорджо в устье реки Молочной (138,tav.V,VIII; 171,p.645), восточнее их - Полониси (около Бердянска), название которого известно в нескольких вариантах: "Pollonixi", "Polonisi", "Polixi" (171,p.645). Последняя форма, зафиксированная в атласе Пинелли (1384), ближе всего, на мой взгляд, к названию "I Poli", приведенному Пеголотти в своем перечне пристаней Газарии (149,p.54) и без должных оснований прочитываемому Э.Фридманном как "Li Porti" (531,p.25). Далее, по береговой линии, нельзя не назвать Россо, в устье реки Миус, использовавшейся русскими купцами для вывоза соли (255). Название этого пункта, иногда писавшееся "lo fiume Rosso", приобрело у Пеголотти искаженную, как это у него нередко бывало с мало известными топонимами, форму - "Lobuosom" (149,p.54; 531,p.238). Тот же пункт обозначен, я думаю, в неточно переданной венецианской транскрипции "Tosso" (193,p.279,291). Следующей к северо-востоку гаванью был Кабарди (около Таганрога), упоминавшийся в кафских нотариальных актах и в коммерческих справочниках XIV в. (100, №410; 113,p.316; 149,p.54). По соседству с ним находился Порто Пизано (селение Синявское на Мертвом Донце), также хорошо известный по итальянским источникам (113,p.316; 149,p.54). Во всех только что названных пунктах грузили хлеб и, возможно, лес (149,p.54; 618,p.230). Еще дальше к востоку лежала известная по предыдущим главам Тана, являвшаяся не только конечной станцией на "Великом шелковом пути", служившей для вывоза продукции отдаленного Востока, но и крупнейшим экспортером местной продукции - осетровой рыбы и черной икры (100, №467,724,740,788,903). К юго-западу от Таны находилась гавань Заккария (около Ейска) (9, №22,32; 10). Неподалеку, на берегу Ейского лимана, находилось поселение Печенег, известное по итальянским навигационным пособиям как "Bacinachi", "Basinaqui", "Bexencim" (22,с.53; 171,p.645). В еще более искаженной форме это название передано у Пеголотти - "Baltinachi" и у Тосканского Анонима - "Bazingho" (113,p.316; 149,p.55). Юго-западнее отыскивается местечко Тар (коса Долгая), иногда обозначавшееся "lo Tar" или "Magno Tar" (213,fol.32,59). Думаю, что его же следует подразумевать под именем "Dagomegarre", "Dagomegatar" (91, №304; 100, №471), до сих пор не поддававшимся отождествлению (см.: 488,p.397). И Заккария, и Печенег, и Тар служили складочными местами товарного хлеба и отчасти рыбы (100, №471; 149,p.55). Чуть да-

лее, на берегу Бейсукского лимана, находилась якорная стоянка Пеше, само название которой отразило специализацию местного населения, занимавшегося рыбным промыслом (113,р.316; 149,р.55; 531,р.25). Следующим пунктом к юго-западу была гавань Сан Джорджо (около Приморско-Ахтарска) (9,№23-24,35,40; 198,мар.V,XII,XL), отмеченная у Пеголотти как неудобная (149,р.55). Полагаю, что тот же самый пункт в несколько измененной записи - "Sencorco" - фигурировал в венецианских документах Кафы середины XIV в. (193,№5). По соседству, при устье реки Протоки, размещалась пристань Ла Чичи (Ачуев) (138,tav.VIII), известная уже по актам Самбучето 1289-1290 г. как место погрузки рыбы (91,№165; 100,№28), чье местоположение, однако, считалось трудно установимым (171,р.646). Самыми крупными в этом районе были города Копя (Славянск-на-Кубани) и Матрега (Тамань), использовавшиеся для вывоза рыбы, икры и продуктов сельского хозяйства (100,№438,471,526; 477,р.754).

В пределах Черного моря, на его Западном побережье, в первую очередь, следует назвать Месембрию (Несебр), с которой Кафа поддерживала торговые связи (534,р.48). Далее, выделялась Варна, через которую вывозились товары Загоры, то есть Болгарии (279; 534). В Дунайской дельте было несколько портов, значимых для купечества Кафы: Вичина (возможно, на месте современного Мачина) (100,№885; 118,р.517), местоположение которой наиболее спорно из-за значительной эрозии устья Дуная (605), вытеснившая ее с середины XIV в. Киплия (около Кипли Старой в Румынии) (546) и Ликостомо (Вилково, в Георгиевском гирле Дуная), известный своим островным положением и фортификационными сооружениями (256, с.217-243). Далее, к северо-востоку, находился один из крупнейших портовых городов Западного Причерноморья - Белгород, называвшийся в латинских документах - "Albocastro", в греческих - "Asprocastron", в турецких и арабских - "Akkernen", в молдавских - "Cetatea Alba", в немецких - "Wyssenbourg" (248; 255), то есть с одним и тем же значением "Белый Город", однако в итальянских источниках утвердилось название с противоположным смыслом - "Черный Город": "Maurocastro", "Moncastro" (100,№569; 118,р.517; 171,р.642), что вызывало недоумение исследователей и самые разнообразные гипотезы, вплоть до мнений о воздействии итальянской коммерческой тайпописи (248), повлиявшей на это предпочтение. На мой взгляд, подобное чередование названий одного и того же города связано с пространственно-географическими представлениями и соответствовавшей им цветовой символикой: для крымских греков, готов, тюрок и татар это была крепость, лежавшая на Западе, являвшаяся крайним западным рубежом мира степных кочевников, что и соответствовало белому цвету; для византийцев, итальянских мореплавателей и картографов - это наиболее заметный ориентир на Севере,

традиционно отмечавшемся черным цветом. В Бугском лимане находился пункт, известный по Каталонскому атласу (1375) как "P^o de Buio", по атласу Грациозо Бенинказа (1435-1482) - "Porto Bo", по карте Джакомо Джиролиди (1422-1446) - "Porto Buio" (198, map. XII, XL, p. 31). В этом порту, вероятно всего, осуществлялась погрузка молдавского и валашского скота (618, p. 218), чему он и обязан своим названием "Бычий порт". В устье Днепра была расположена гавань Илличе (около Цюрупинска), где в XV в. находился замок генуэзского рода Сенарега и где генуэзцы закупали хлеб и другие продукты питания (116, p. 219; 419, c. 174-175).

На Восточном побережье Черного моря самым ближайшим к Кафе пунктом была гавань Мапа (Анапа) (255, I, c. 292-293). Далее, к юго-востоку, находилась "Прекрасная заводь" - Калоллмен, которую латинские карты (213, fol. 32, 59; 198, map. XII) и греческие портоланы (134, p. 38) помещали между "Trinixe" (мыс Утриш) и "M^o Lacho" (Новороссийская бухта), то есть в устье реки Цемес. Юго-восточнее, по береговой линии, располагались Маура и Альба Зихини (138, tav. VIII). Археологическое изучение Кавказа последних лет позволило отождествить первый пункт со средневековым городищем в Пшадлах, а второй - со средневековой крепостью в устье реки Годлик (269, c. 80). Вслед за ними, в том же направлении, находилась пристань Куба, которая, по-видимому, совпадала с развалинами Мамай-Кале (361, c. 175). Далее, выделялись пункты - Какари (Гагры), за ним - Пицунда, отмеченные на всех итальянских картах, начиная с Пьетро Висконти (начало XIV в.) и заканчивая Баттиста Аньезе (1546), зачастую красным цветом (10; 25, табл. LIV; 171, p. 646-647). Следующим местом подхода судов был Каво де Буксо, в средневековом написании "C^o Vuxio", "C. de Vuxo", который в последнее время отождествляют с Бомборской бухтой (247, c. 90; 325, c. 13). Отсюда в XIV - XV в. вывозили самшитовую древесину, что и отразилось в названии. Наконец, к югу от "Самшитового мыса" лежали крупнейшие на Кавказе порты - Савастополь (Сухуми), Фассо (Поти) и Вати (Батуми) (198, map. V, VI, XII, XVI, XVIII, XXII, XXVI), местоположение которых порой путается в зарубежной литературе (100, p. 278, 281; 488, p. 391). Они были важными торговыми центрами не только в леваптийской торговле, но и в вывозе кавказского шелка и, в особенности, рабов (167, V, p. 157; VI, p. 128; 315, c. 100-104; 319).

На Южном побережье Черного моря, в первую очередь, следует назвать Трапезунд (Трабзон, Турция), через который вывозились квасцы колониальных рудников и серебро копей Халдин (321, c. 18-42). К западу от него находился порт Керасунт (Гиресун), в непосредственной близости от которого велись разработки квасцовых и серебряных рудников (315, c. 99-100). Еще западнее находилась гавань Ватица (Фатса), с которой Крым поддерживал связи уже с 70-х г.

XIII в. (151, №956). Далее, в том же направлении размещался портовый город Симиссо (Самсун), неподалеку от которого, в Инее, велась разработка железа. В центральной части Южного побережья, отделенного кратчайшим расстоянием от Крыма, располагался Синоп (Синуб), торговое значение которого, помимо выхода на пути караванной торговли с Востоком, определялось близостью к богатейшим залежам меди (Кастамону). Меньшее значение имели лежавшие к западу Ираклия Понтийская (Бендер-Эрегли) (315, с.68-91) и Нипо (Алабли-лиман) (138, tav. VIII; 171, p.650).

Приведенная географическая характеристика связей Кафы в пределах Черноморья, отразившая известную специализацию тех или иных торговых центров, позволяет наметить основной ассортимент причерноморской продукции, поступавшей в Крым. Его составляли полезные ископаемые (квасцы, медь, железо и другие), продукция аграрной сферы (зерно, плоды, вино и другие), продукты скотоводства (мясо, солонина, шкуры и прочее) и промыслов (рыба, икра, соль, мед, воск и другие), изделия ремесла и рабы.

Одной из наиболее значительных статей торгового обмена XIII-XV в. были полезные ископаемые и, прежде всего, малоазийские квасцы (*alumen*), сульфат алюминия, либо в виде белого порошкообразного вещества, либо в гранулах и кристаллах, либо в виде руды (149, p.43, 293). Квасцы имели исключительное значение в текстильном производстве, обеспечивая особую стойкость окраски тканей, применялись они и в кожевенном ремесле, позволяя достигать наиболее качественного дубления, использовались в стеклоделении и обработке металлов, давая наилучший эффект полировки, и даже находили применение в медицине и косметике. Анонимный продолжатель Одо из Мена (XI в.) так писал о их чудодейственных свойствах:

"Беки квасцы утончают, съедая там мяса излишки, ...
Сушат и язвы плохие; и фарсы они закрывают ...
Зубы больные целят, если десны опухли - помогут ...
Кровь если льет изо рта, прекращают они истечение.
Ими натертый гнойник или чесотка придут к исцелению,
Если квасцы растворив, омывают их этой водою."
(24, с.43).

Происходили квасцы из горных разработок Колонии (Шебин-Карахиссар), Халивини, районов Савасто, Альтолого (Айасулук) и Фокен (113, p.317; 149, p.43; 315, с.135, сл.; 321, с.29, сл.), из которых колонийские, как подчеркивал Пеголотти (149, p.43), считались самого высокого качества. Именно квасцы Колонии назывались в кафских актах конца XIII в. (100, №200). Их же следует подразумевать под "квасцами, которые доставлены в Кафу из Трапезундских областей" (*de partibus Trapesonde*), названными в одной из выданных нотариум

доверенностей (100, №574), равно как и "aluminis de Trapesonda", значившиеся в расписке на получение товара в кафском порту (100, №813).

Как показывают современные исследования (315, с.135-140; 477, р.769-774; 568, р.48), Кафа играла важную роль в организации централизованного вывоза "алунита" в Италию. Только по трем нотариальным актам 1290 г. из Кафы в Геную отправлено почти 9 тыс. кантариев (около 430 т) квасцов (100, №200, 666, 671). При этом, отправки алунитовой руды по тому же маршруту касались еще два акта (100, №180, 647), и в одном случае речь шла о фрахте для этой цели генуэзской навы (до 500 т) (100, №647). О торговле в том же направлении свидетельствует петиция Генуэзской республики к императору Византии 1290 г., упоминавшая о реквизиции в Константинополе алунита, стоимостью 6 560 иперпиров (123,2 тыс. аспров), то есть более 5 тыс. кантариев (240 т) (118, р.511-512). Акты Бельтраме 1344 г. позволяют говорить о вывозе квасцов в Средиземноморскую Францию, поскольку один из них касался расчетов в Аква Морта (Эгю Морт, Прованс) за предоставленные в коменду 133 кантариев 90 ротелей (6,4 т) сульфата алюминия (106, №15).

И все же было бы несправедливо видеть в подобной роли единственное назначение Кафы. На мой взгляд, часть актов свидетельствует о торговле квасцами в самом городе (100, №276, 574, 813) и, судя по небольшим количествам и невысоким ценам, они не предназначались для крупномасштабного экспорта в Италию, но служили интересам местного текстильного и кожевенного ремесел, стеклоделия и ювелирного дела. Думаю, что кафские красильщики (tinctores) пользовались теми же основными на применении квасцов технологиями крашения тканей и пряжи, что и итальянские мастера. Именно поэтому "кафинский" цветной шелк, не терявший своей окраски после первого соприкосновения с водой, высоко ценился в северных землях (51, с.10-33).

Я бы рискнул нарушить умолчание существующей историографии о вывозе из Кафы азиатского алунита на Север, не располагавший столь качественным сырьем и пользовавшийся в аналогичных ремесленных циклах известными истари смесями из поташа, извести, муки, соли. Мне думается, что с обменом по Донскому и Волжскому торговым путям связано присутствие в 1401 г. 300 возов алунита на рынке Тапы (513, XVII, №1). По-видимому, в порты Западного Причерноморья, ориентированные на идущую к Северу "татарскую дорогу", направлялось нагруженное квасцами генуэзское судно, захваченное в 1433 г. в Чембало князем Фсодоро (315, с.139).

Кафа, с ее развитой металлообработкой, железоделательными ремеслами, монетным двором (как впрочем, и связанные с ней города Крыма - Солдайя, Солкат, Херсон и другие), целиком зависела от

привозного сырья и потому должна была проявлять повышенный интерес к ближайшим источникам на Кавказе и в Южном Причерноморье. Действительно, Трапезундская империя располагала богатыми рудниками в Тцанихи (Гюмюшхане) и Аргирии, сообщавшимся с портом Керасунта, в Пайперте (Байбурт) и Амасии (Гюмюш), тяготевшим к экспортным возможностям Симиссо (315, с.141). На Кавказе, в ущелье реки Гумиста, поблизости от гавани Сан Анджело и порта Савастополя, также имелись серебряные копи (247,с.90; 325,с.15). Здесь, как будто, не существовало запретов и ограничений на экспорт серебра, подобно Германии и Молдавии. Напротив, из Трапезунда этот металл можно было вывозить беспрепятственно (141,р.128,230,251). Однако исследование трапезундского материала, проведенное С.П.Карповым (315), показывает отсутствие сколько-нибудь существенных экономических стимулов, вызывавших движение сырьевого серебра в Крым. За XIII - XV в. встречается лишь единичное упоминание об отправке из Трапезунда в Кафу 80 соммо (17,5 кг) слиткового серебра (315,с.142,сн.231). Изучение Т.Н. Берадзе грузинского материала выявило мифичность давних суждений об использовании генуэзцами гумистинских рудников (247,с.91). Подобная пассивность объясняется отсутствием равноценного товарного предложения со стороны самого Крыма.

Вместе с тем, нельзя не заметить поступления из Южного Причерноморья серебра в виде монеты, в особенности, трапезундского аспра. В этой монете совершались расчеты в Кафе почти по 50 портанальным контрактам 1289-1290 г. (100,№2,5,13,38,42,49,74,80,87, 97,104,117,122,166,167,232,235,245,276,315,330,359,417,418,424,427,430, 438, 505,510, 512,549,573,603, 608,616,617,625, 626,665,731, 788,797, 819, 821,850,855). Тот же номинал встречается в документах XIV - XV в. (106,№1,2,57,58). Находки трапезундского аспра засвидетельствованы и археологически (251,с.56,158; 300,с.18). Наряду с ними обращались синопские (100,№213,257,278,339,416,480,501,516,541,619,624) и савастопольские аспры (247,с.113). Эти и другие косвенные данные заставляют думать об известной латентности письменных источников. В ряде случаев, частно-правовые акты Кафы касались расчетов в слитковом серебре по комендам, реализация которых осуществлялась где-нибудь в Симиссо или Синопе, Трапезунде или Савастополе (106, №1,2,5,12,51), что позволяет заключить о возможном происхождении металла. Вероятно, торговым интересам в этой зоне Черноморья обязан Бернардо де Мапцодео, известный сделками с квасцами, своими значительными накоплениями капитала: в его завещании значилось 1008 слитков серебра (*virge argente*), не считая имевшихся и одолженных соммо (106,№15). Серебром, измерявшимся в кафских соммо (218.911 кг), вносились в Кафу налоговые отчисления с генуэзских колоний в Южном Причерноморье. К примеру, в 1410 г. в бюджет

Кафы только один Синоп и только с одной отрасли торговли внес 176 соммо 34 саджо (38,5 кг) серебра. В более благоприятные 50-80-е г. XIV в. массарии Кафы получали из всех торговых центров Южного Причерноморья и Кавказа 1000-2500 соммо (219-547 кг) серебра в виде налога только с работоторговли (319,с.141). Суммарный же доход от всей торговли и штрафов был раза в три выше. Не будет заблуждением предположить локальное, трапезундское и кавказское, происхождение основной массы этого металла.

Если в отношении импорта серебра приходится строить сложные предположения, объяснимые только тотальной зависимостью Кафы, да и всего Крыма, от привозного металла, то в отношении меди и железа отыскиваются более надежные основания. Медь происходила из богатейших рудников Кастамону и вывозилась через Синоп (315,с.142-143). Железо добывалось, по словам Клавихо (41, с.55-56), из черного морского песка у древней гавани Οίναϊον (Иней, мыс Таш-хане - А.Е.) (см.: 453,с.215), неподалеку от Симиссо. Кастамонская медь, привезенная из Синопа греческими купцами, называлась в кафских актах 1342 г. (477,р.784). Аналогичные свидетельства встречаются в документах конца XIV - середины XV в. (195,№10; 229, v.VI,№134; 315,с.143). В 1393 г. грек Никита Кокома привез из Синопа 10 кантариев (0,5 т) меди в слитках (195,р.130,249). В 1410 г. синопские купцы доставили в Кафу 125, 7 и 11 кантариев (6 т, 0,3 т, 0,5 т) медного полуфабриката (315,с.143). Тогда же сарацин Яхья обменивал синопскую медь на крымскую соль (315,с.148,сн.273). В 1455 г. в порту Кафы оказалась синопская смбля с 450 кантариями (21,4 т) железа и меди (229,v.VI,р.324). То есть, благодаря именно этим связям, являвшимся куда более стабильными, нежели это смогли отразить источники, непрерывно снабжались азиатским и кавказским сырьем все кафские и крымские кузницы, бронзолитейные мастерские, монетные дворы.

Далеко не столь однозначна роль Кафы в торговле продукцией сельского хозяйства. Важнейшей статьёй, как ввозившейся на кафский рынок, так и вывозившейся с него, был хлеб, жизненная основа христианской цивилизации, понимавшийся как мистическое "тело Христа". Он был нужен и самой Кафе, и греческим столицам - Трапезунду и Константинополю. В нем нуждались и итальянские колонисты на Черном море, и жители далеких метрополий - Генуи и Венеции. На тогдашнем хлебном рынке различались "*biado*" (149,

Рис.31. Торговец зерном

р.54) - хлебные злаки (пшеница и рожь), "*frumento*" (100, №379,380, 419,420,430) - "мелкое зерно" (просо, ячмень, овес и гречиха), "*victualium*" (100, №404,423,703) - зерно вообще, хлеб в зерне. Впрочем, последний термин мог заключать в себе более широкий смысл. Если в нотариальных актах он употреблялся как синоним "*frumento*" (100, №703), то в других, не столь определенных с точки зрения коммерческого права документах (75, с.759, ст.110) включал все основные виды продовольствия - от хлеба и вина до соли и бобов. В частных правовых актах по качеству, стоимости и фрахту дифференцировались пшеница (*grani*) (100, №7,70,335,409-412,417,419,430,502,703,886), просо (*militi*) (100, №7,70,97,107,184,379,380,410,505,703) и рожь (*ordei*) (100, №411,412,502). В купле-продаже имело значение и различие между "старым" и "новым" зерном (195, р.152). В некоторых случаях продавалась более дешевая зерновая смесь (75, с.759; 219, р.648). Мука (*farina*) и готовый хлеб (*panis*) предлагались обычно на внутреннем рынке (166, р.46; 167, v.IV, р.36,38).

Коммерческая практика того времени знала несколько сортов товарного хлеба. Лучшими на средиземноморском рынке признавались родосские пшеница и рожь. Вторыми по качеству считались пшеница и рожь Кафы (*grano di Caffa, orzo di Caffa*), причем "пшеница Кафы" котировалась как "лучшая из той, что есть на Черном море и в Газарии". Имея равную цену с пшеницей Анхиала (Поморье, Болгария), кафская пшеница получала предпочтение ввиду удобства плаванья в Кафу и наличия там "самого лучшего порта, в котором могли грузиться суда любого водоизмещения" (149, р.42, 54). Вслед за зерном Кафы и Анхиала стояло зерно Ле Фети, Варны, Загоры, Вичины и Монкастро (149, р.42).

"Пшеница Кафы", в отличие от зерна Ле Фети и того, что грузилось в Херсоне, Чембало (483, р.226; 586, р.288), Конестазии (100, №7) и Воспоро (100, №409), имевшего определенно крымское происхождение, имеет по-видимому, более широкий производственный арсал, выходящий за пределы Крыма и охватывающий южно-русские степи между Днепром и Доном. В этом убеждают те усилия, которые прилагали власти Кафы, обеспечивая стабильное поступление продовольствия из данных районов, находившихся в подчинении не крымского, но ордынского хана. Стоит привести в этой связи запись массариса Кафы 1423 г., фиксировавшую выдачу денег хану Золотой Орды Девлет-Берди (167, v.IV, р.56; 589, р.232), чтобы он не препятствовал поставкам зерна в Кафу (*datis Odolat Birdi imperatori tartarorum eo que non permittebat deferri Caffam victualia*), а также запись 1467 г., засвидетельствовавшую расходы на приобретение зерна в Орде (589, р.232). Зерно южно-русских земель, равно как и зерно Крымского хинтерланда привозилось в Кафу на арбах и возах через Солжат и продавалось на специальном продовольственном рынке

(164,col.408; 219,p.647-649). По-видимому, ту же тарификацию - "пшеница Кафы" - получало зерно плодородной полосы к западу от города, доставлявшееся через Солдайский порт на небольших судах - барках и мансриях (219,p.659).

"Пшеница Ле Фети", уступавшая в качестве, по замечанию Пеголотти (149,p.43), другим сортам Черноморья, происходила, вероятнее всего, из крымской Готии, или княжества Феодоро, имевшего своим центром Мангуп и порой неоправданно сближаемого западноевропейскими историками с Феодосией (627,p.140-141). Вывозилась она с 20-х г. XIV в. из Ле Фети (167,v.IV,p.34; 195,p.161; 477,p.753), в Евпаторийском заливе, слывшего "отличнейшей гаванью, где можно грузиться прямо в порту явкам и всем прочим судам" (149,p.54). Впрочем, с немалым успехом это же зерно могло вывозиться через Херсон, сохранявший положение хлебной гавани даже в условиях политической нестабильности, как это было в 40-е г. XIV в., когда "город Херсон (civitas Cressona) и все побережье (Готии, то есть от Балаклавы до Алушты - А.Е.) были опустошены", но "всякий мог отправиться с разрешения хана в то место, чтобы получить какое-либо продовольствие (victualia) для Кафы" (193,№7,8). Может быть, с еще большей активностью итальянцы пользовались для вывоза зерна Готии портом в Чембало, приобретшем особое положение с 40-х г. XIV в. Именно тогда, как свидетельствует петиция кафской коммуны дожу Генуи Джованни ди Мурта (1344-1350), генуэзцы имели в своей власти фортификационные сооружения Балаклавы и отстаивали свои права на них перед татарами, осознавая их не только стратегическое, но и экономическое значение. "Если (татары) завладеют крепостью Чембало (castro Cimbali), - писалось в послании, - то мы (генуэзцы Кафы - А.Е.) можем потерять и все побережье (Готии - А.Е.), и главный рынок хлеба ..." (483,p.218-222,226-227).

"Пшеница Монкастро", или Белгорода, как позволяет заключить современное изучение исторической географии и производственного районирования Молдавии XIII - XV в. (385), должна была происходить из зерноводческих районов к западу от реки Сирет. Роль данного сорта зерна, вывозившегося через белгородский порт, возвысилась в черноморской торговле в конце XIV - XV в. в условиях регионализации обмена. Плавания в Монкастро, в основном, с целью оптовых закупок зерновых, начали совершаться итальянцами с конца XIII в. (100,№569; 118,№XXI; 143,t.IV,№2162) и приобрели регулярный характер с середины XIV в., когда в Монкастро (Mahocastro) установился налог 10 аспров с каждого сальме (247-302 kg) товара (dictum de asperis decem pro salma), то есть с единицы веса, применявшейся в Средиземноморье для измерения зерна (115,p.250). Особое возвышение Монкастро как экспортера молдавского и валахского хлеба произошло в XV в., когда Венеция заключила со-

глашение с правителем города (1437) о ежегодной отправке одного судна за продовольствием (167, v.V, p.135-136, 143; v.VIII, p.48-49; 644, p.427-428), когда Кафа стала направлять с теми же целями специальных посланцев как по суше, так и по морю (166, p.36; 229, v.VI, №150; v.VII, I, №658; v.VII, II, №1104; 588, p.138; 592, p.195) и закрепила подобные отношения договором со Стефаном III (1457-1504) (229, v.VII, I, p.338-340).

"Пшеница Анхиала" считалась такой же по качеству, как и "пшеница Монкастро", однако предпочиталась последней, поскольку лучше сохранялась (149, p.42). Этот сорт зерна стал встречаться в генуэзских документах с конца 50-х г. XIV в. (534, №8-9), но в своем распространении в тогдашней торговле уступал зерну Загоры, вывозившемуся из Варны, и, в особенности, зерну Килии и Ликостомо (534). За ним со второй половины XIV в. нередко плавали кафские купцы. Документы Килии только за один 1360 г. называют до полутора десятков кафиотов, занимавшихся торговлей продовольствием в устье Дуная. Из них выделялись армянин Саркис из Кафы, владевший правами на два судна (203, №12, 55), кафиоты Сава (203, №4) и Теодор (101, №74, 75), осуществлявшие сделки с килийской пшеницей. Последний, к примеру, только по одному акту продал константинопольскому купцу 60 модиев (16,9 т). Кафские судовладельцы Калоян Арипкита (101, №102) и Франческо де Портовенере (203, №65) специализировались на транспортировке хлебопродуктов из Килии и Ликостомо в Византию, и однажды судно Франческо везло по направлению в Перу 200 модиев (56,3 т) зерна. В 1373 г. в Ликостомо действовали кафские армяне Абрам и Георгий (106, p.197). В 1386 г. грек Моноян за два рейса доставил в Кафу 496 модиев (140,4 т) "пшеницы Загоры" (279, с.203; 534, p.48).

Хотя Пеголотти, сообщивший о выше рассмотренных сортах зерна, специально не выделял "пшеницы -" или "ржи Таны", реальная коммерческая практика XIV - XV в. заставляет о таковых говорить (22, с.52-53; 208, v.II, №169; 197, p.376). Производственный ареал этого сорта зерна достаточно широк: он включал в себя как более отдаленные Подонье и Поволжье, вплоть до Булгара, так и ближайшие районы Приазовья, захватывающие Предкавказье. Подвозившееся из этой аграрной периферии на возах, речных стругах и барках зерно формировалось в Танае в крупные оптовые партии и вывозилось в Италию через ее порт, получая при этом обобщенную тарификацию "зерно Таны". Зависимость от экспортных возможностей порта в устье Дона должны были испытывать почти все гавани Азовского моря - Порто Пизано, Кабарди, Россо, Полониси на северозападном побережье, так называемой Газарии, или Команини, Заккария, Тар, Сан Джорджо на юго-восточном берегу, так называемой Зихии, потому что там могли приставать только малые суда и лодки. Эту за-

висимость в какой-то степени отражает близость и даже тождественность их мер веса с метрологической системой Таны (149,р.53-55).

Что касается "зерна Зихии", иногда упоминавшегося в документах (192,№5; 195,р.160-161; 587,р.87,97-98), то нужно отметить его несколько суженное значение, в основном, в региональном обмене. Обычно на его закупки отправлялись в неблагоприятные и неурожайные в Крыму годы (229,у.VI,р.368; 477,р.399-400; 534,р.48). Происходило это зерно из плодородной Кубанской долины и вывозилось через Мапу, Копу, Матрегу, возможно Воспоро, располагавший лучшим в тех местах портом, где "любые суда могли грузиться на расстоянии одного корпуса навыв от берега" (149,р.54), а также из Белой и Черной Зихий.

Торговля зерном, несомненно, являлась самой значительной отраслью международного обмена XIII - XV в., многократно превосходившей все прочие. Если годовой объем вывозившихся специй мог быть помещен всего лишь на одной наве, кож и воска - на двух-трех, то годовой экспорт причерноморского хлеба требовал десятки судов. Постоянно растущие потребности в продовольствии испытывали многотысячная Кафа и связанные с ней урбанистические образования, гигантский мегаполис - Константинополь и Италия в целом, отличавшаяся самым высоким уровнем городского населения.

Новейшие исследования (315; 477; 487; 536; 579; 626) отражают центральное положение Кафы в организации крупномасштабного экспорта лучших сортов северопрichernоморского зерна как в Италию, так и в греческие империи - Византийскую и Трапезундскую. Однако, до сих пор не предпринималось попыток выявить соотношение дальней и региональной торговли.

Первые сведения о дальнем экспорте зерна из Кафы отыскиваются в картулярии Ламберто ди Самбучето. В нем содержится копия одного контракта 1290 г., согласно которому капитаны навыв "Сан Маттео" обязались доставить 5 тыс. мин (454,5 т), а по дополнительному толкованию Л.Баллетто еще 2 тыс. (164,9 т) неучтенных мин (487,р.59-61), зерна (*frumentorum*) для продажи "по воле фрахтователей" либо в Восточном Средиземноморье - Сирии, Тунисе, Бизерте (*Buzeam*), либо в Западном Средиземноморье - в сицилийском порту Трапани (*Faugname*), итальянских городах Пизе и Генуе, во французском Провансе, в испанских портах Альмерин и Малаге (*Marica*) (100,№886). В 1291 г. на нескольких судах в направлении Италии везли 1500 модиев (422,3 т) зернового хлеба, оказавшегося реквизируемым в Константинополе (118,№XXI; 143, т.IV,№2162). В актах Генуи 90-х г. XIII в. упоминались две навыв Мапуэе и Бенедетто Заккария, известных своими торговыми делами в Кафе (91,№112,215,219,253,275,277,338,345,363,435,452), с 15 тыс. мин (1237 т) зерна (477,р.563). В 1323 г. на одной тапипе везли 1000 мин

ев (281,5 т) "пшеницы Кафы" с целью реализации в Пизе, Генуе и Савоне (208, v. I, №382). В 1329 г. "камера фрументи" Венеции регистрировала прибытие "зерна Ле Фети" (477, р. 753). Но все это фрагментарные сведения, позволяющие лишь констатировать сам феномен вывоза северопрichernоморских хлебопродуктов на Запад.

Некоторые обобщающие представления об объеме экспорта зерновых из Кафы в генуэзском направлении позволяют получить данные продовольственных ведомств Генуи - "Officium victualium", "gabella granis", "officium monete" и других. Вот, наиболее показательная информация по этому поводу: в 1384 г. всеми названными официями и таможей регистрировалось поступление в республику Сан Джорджо 31344 мин (2584 т) "зерна Кафы"; в 1386 г. - 800 мин (66 т); в 1388 г. - 30524 мин (2516 т); в 1389 г. - 10977 мин (900 т); в 1390 г. - 9402 мин (770 т); в 1391 г. - 3578 мин (293,4 т), плюс 7070 мин (597 т) "кафской пшеницы", ввезенной частным образом, помимо заказов коммуны; в 1393 г. - около 7 тыс. мин (577 т) (195, р. 24, 45, 50, 152, 160-163; 205, №148; 477, р. 759-762; 536, р. 349). Правда, последний год - 1393, был годом сильного неурожая, поразившего Северное Причерноморье. Отправив эту партию хлеба, Кафа оказалась в затруднении удовлетворить собственные потребности и потребности подчиненных ей факторий и поэтому сама была вынуждена ввозить зерно, причем не из причерноморских житниц, а из-за Босфора. Тогда кафская коммуна получила 4 тыс. мин (330 т) сицилийской и провансальской пшеницы (477, р. 163). В целом, при известных колебаниях наблюдается падение объемов вывоза причерноморского хлеба. В XV в., после кратковременного подъема, не достигшего прежнего уровня, тенденция спада хлеботорговли продолжала углубляться. В 1406 г. объем экспорта зерна из Кафы в Геную составил 5927 мин (489 т); в 1408 г. - 11794 мин (972 т) (477, р. 762). В годы протектората банка Сан Джорджо (1453-1475) ежегодные поставки хлеба из Кафы в Геную должны были составлять 5 тыс. модисв (1408 т) (229, v. VII, I, №659), однако они не выполнялись. В последующий период регистры продовольственных ведомств Генуи перестали фиксировать поступления "кафского зерна". Напротив, стали встречаться просьбы властей Кафы о присылке хлебопродуктов Средиземноморья. В 1456 г., в частности, были снаряжены две навы почти с 8 тыс. мин (659,4 т) испанской и провансальской, тунисской и вообще африканской пшеницы, предназначенной для коммуны Кафы (229, v. VI, №218, 225, 248, 253, 374). Как можно судить по приведенным данным, в самые благоприятные годы из Крыма в Геную должно было отправляться 8-9 нав, при их средней грузоподъемности 300 т, и это только напавших государством, ибо частные суда учесть не представляется возможным. По оценкам современных исследователей, 10-15%, а в иные

годы и 30%, всего потреблявшегося в Генуе хлеба составляла продукция Северного Причерноморья (298,с.36; 320,с.29-30; 477,р.760-762).

Однако экспорт крымского зерна в генуэзском направлении, каким бы значительным он ни был, еще не дает полного представления о масштабах хлеботорговли в рассматриваемом регионе. Зерно Крыма, Приазовья и Кубани с немалой интенсивностью отправлялось в Венецию. "Плавание в Тану (*viagium Tane*), - подчеркивалось в одном из постановлений сената XV в., - было одним из самых важнейших и полезнейших, и ни от какого другого плаванья наш город так не зависел и не зависит" (223,т.III,№3104). И здесь имелась в виду зависимость Венеции от Таны не как от центра на "Большом шелковом пути", в этом смысле для Венеции куда больше значила Александрия (471), но как от центра, концентрировавшего громадные хлебные запасы. Уже в 1268 г. республика Сан Марко отправляла суда "вплоть до татар" (*jusque ad tataros*), испытывая острейшую нужду в зерне (503,р.249). В 1340 г. нава Марко Муссо везла в Венецию зерно, загруженное в Тану и примыкавших к ней областях (*de partibus Tane*) (497,р.136). Последовавший за тем договор Адриатической республики с Золотой Ордой 1347 г. оговаривал права венецианцев закупать все виды зерна во владениях хана (223,т.I, №196,204). В дальнейшем, пшеница, рожь и ячмень вывозились из Таны и Крыма в Венецию с завидной регулярностью как на государственных, так и на частных судах, получавших освобождение от палогов (251,с.74-76; 332; 497,р.136-137; 515; 516; 594,р.27-31; 634; 644, р.232-233,304-305,327). Число только государственных галей, отправлявшихся ежегодно в Черное море, доходило от 3 до 10, что, при средней грузоподъемности галей в 130 т. позволяло перевозить от 260 до 1300 т. Это немногим уступало вывозу в Геную, составляя 2-8% всего необходимого Венеции зерна.

И это только начало открывающейся картины экспорта хлеба из Северного Причерноморья. Еще предстоит выяснить - какое место в нем занимал Константинополь. К сожалению, известные историографические попытки освещения сформулированного вопроса относятся к тому времени, когда еще не были введены в научный оборот наиболее значительные комплексы нотариальных актов (451; 501-503; 626; 643). Как известно, Византия долгое время обладала монополией на закупки продовольствия в черноморском регионе, и еще на рубеже XIII - XIV в. сохранялась практика императорских лицензий на транспортировку зерна за Босфор. Отголоски этого привилегированного положения ощущаются в хрисовуле 1304 г., дарованном Андроником II (1282-1328) Лигурийской республике: " ... генуэзцы и те, кто признается генуэзцами, могут иметь право свободно покупать в наших землях, которые находятся и будут находится под нашей властью, любое количество продовольствия, кроме зерна и других семян

(*victualia preter frumentum et alia semina*) ... из прочих земель, которые находятся на Великом (Черном - А.Е.) море и не подлежат нашей власти, они имеют право свободно вывозить и поручать вывозить, везти и поручать везти все товары, какие пожелают, и зерно, и продовольствие (*et frumentum et victualia*)" (116, №X; 143, t.IV, №2261). В дальнейшем происходило постепенное вытеснение собственно византийского предпринимательства из этой сферы торговли: византийские купцы сохраняли свои экономические интересы, в основном, в Западном Причерноморье - Монкастро, Вичинье, Килии и, в меньшей степени, в Азове и Крыму. Постепенно ведущая роль в снабжении хлебом столицы Византии переходила к генуэзцам. Договор 1352 г. между Византией и Генуей (35; 116, №XVI; 143, t.IV, №2991), зачастую интерпретируемый излишне ригористически как запретительный, но который следовало бы понимать в ограничительно-разрешительном смысле, предложенном К.-П.Мачке (579), устанавливал порядок плавания греческих судов в Тану только по разрешению дожа и в сопровождении генуэзского корабля. Здесь уместно вспомнить сообщение Никифора Григоры середины XIV в. о плаваниях византийских и итальянских галер "к Меотиде и Танаису" (Азовскому морю и устью Дона - А.Е.) Истру (Дунай) и Херсону (196, t.II, col.880), под которым, по справедливому толкованию Н.М.Богдановой (251, с.74-76), нужно видеть Крым в целом.

Каковы же хотя бы приблизительно масштабы вывоза причерноморского зерна в Константинополь? По данным нотариальных актов Перы 1281 г. между Газарией, включавшей Приазовье и Крым с Кафой, и Константинополем, с альтернативной ему Перой, курсировали 4 судна - 2 навы и 2 галеры, которые совершали порой два рейса (91, №1, 16, 17, 40, 80, 83, 96, 111, 112) и способны были перевезти 860-990 т хлеба. По сведениям картулярия Ламберто ди Самбучето 1289-1290 г. регулярное общение между Кафой и Константинополем обслуживали 8 судов (100, №1, 48, 65, 254, 524, 529, 740), в основном лигний, предназначенных для транспортировки продовольствия. Такое же число лигний с зерном фигурировало в петиции Генуэзской республики к императору Византии по поводу сомнительных репрессалий со стороны константинопольских чиновников в 1291 г. (118, р.512-519). На этих среднего класса судах можно было перевезти 1000 т зерновых. Со второй половины XIV в. купцы Кафы и Крыма, преимущественно греки и армяне, довольно активно участвовали в поставках в столицу Византии пшеницы и проса из портов Западного Причерноморья. Так, только по записям нотариуса Антонио ди Понцо за 1360 г., почти на 20 судах в направлении на Перу и Константинополь было вывезено 10200 модиев (2522,5 т) зерна Килии, Ликостомо, Вичиньи и, возможно, Монкастро (101). По данным того же нотариуса за 1361 г. по указанному маршруту на 12 судах было

перевезено почти 950 т хлебопродуктов (203). Таким образом, из Северного и Северо-Западного Причерноморья в Константинопольском направлении отправлялось порядка 3500 т, примерно столько, сколько в Генуэзском и Венецианском направлениях вместе взятых, что составляло, учитывая сокращавшееся к концу XV в. городское население, от 4% до 30% необходимого столице Византии зерна. При этом, нельзя не заметить кардинальных изменений в хлеботорговле между Кафой и Константинополем, произошедших в XV в., когда Кафа из экспортера зерна превращалась в импортера, когда в Пере и Константинополе делались закупки зерна для крупнейшего города Крыма (105, №63, 112; 474, р.238-239).

Уже пример Константинополя показывает большую весомость для Кафы региональных связей, не выходявших за пределы Босфора. Материалы по Трапезундской империи способны сделать это наблюдение еще более обоснованным. Судя по всему, вывоз хлеба из Кафы в Трапезунд приобретал ключевое значение. Здесь сказывались и разница хлебных цен между Севером и Югом Черноморского региона, позволявшая, по исследованиям С.П.Карпова (320, с.29), извлекать 100% прибыли, и наименьшая степень риска торговых предприятий, и преимущества кратчайших расстояний, дающих возможность совершать 2-4 рейса в сезон, и, самое существенное, невысокая кредитоемкость, особенно привлекательная для предпринимателей среднего состояния. Поэтому неудивительно, что по картулярию Самбучето конца XIII в. встречается только один контракт (100, №886), имевший целью вывоз зерна за Босфор, в Италию, и 16 контрактов, касавшихся Трапезунда (100, №7, 107, 184, 404, 409-412, 417, 419, 423, 424, 430, 502, 505, 703). По данному комплексу документов, в порты Анатолии было отправлено 6887 модиев (1,94 тыс. т) и 635 шиников (50,8 т) (ср.: 320, с.28) пшеницы, проса, ржи, загруженных как в самой Кафе, так и в Конестази (100, № 410) и Чиприко (100, №412). Из них 86,8% приходилось на Трапезунд, 6% - на Керасунт и 2,5% - на Симиссо. Еще 324,8 модиев (91 т) хлеба было направлено без обозначения конечного пункта ("куда направит Господь"). По новейшим оценкам, это почти целиком обеспечивало потребности в продовольствии Трапезунда (320, с.29). Одновременно Кафа снабжала зерном гарнизоны и население генуэзских колоний в Симиссо и Самастро (195, р.152; 320, с.30; 477, р.133). По массариям Кафы за 1381 г., в направлении Симиссо было отправлено 160 т пшеницы; по приходно-расходным записям того же ведомства за 1456 г., в Самастро было вывезено 62,7 т пшеницы, проса и бобов (*fave*), не считая случаев отправки груза без фиксации количества (320, с.34). Однако и здесь в кризисные годы, когда цены на хлеб в Кафе резко повышались, наблюдались изменения экспорта-импорта: в XV в. Кафа становилась ввозящей продовольствие из Южного Причерноморья.

В 1474 г. консул Кафы Антонио Кабелла писал, что желание горожан, и состоятельных, и неимущих, извлечь прибыль на разнице цен, когда они могли покупать зерно у татар, приезжавших из сельской зоны, по 8 аспров за капиций (17,6 кг), а потом здесь же продавать приезжавшим из-за моря трапезундцам по 10-12 аспров за капиций, получая до 50% дохода, привело к такому оттоку зерна из Кафы, что город оказался на грани голода (229,v.VII,II,p.82; 632,t.II,p.106). Хлебные цены поднялись более, чем в три раза - до 25 аспров, чем не замедлили воспользоваться торговцы зерном, спекулировавшие на морских поставках. В следующем, роковом для Кафы 1475 г. цены упали до 18-16 аспров за меру зерна, потому что "осуществлялось хорошее снабжение морем" (229,v.VII,II,p.203).

Говоря об экспорте североприморского зерна из Кафы в Трапезунд ли, или в Константинополь, в Геную ли, или в Венецию, нельзя не считаться с тем, что сама Кафа выступала крупнейшим потребителем продовольствия, в отличие от выше названных городов не на 10-30%, а целиком зависевшим от окружавшей аграрной периферии. И это не преувеличение. Если опираться на традиционные сведения о 70 тыс. жителей Кафы (572,p.III-IV), то годовые потребности в зерне будут исчисляться в 16800 т, что едва ли не вдвое превосходит объем экспорта в Италию, Византию, Трапезунд вместе взятые. Но если даже придерживаться более осторожных, высказываемых в последние время оценок о 10-12 тыс. жителей (478,p.67-78), то и тогда для существования Кафы потребовалось бы 2800 т зерна в год, величина значительная, не уступающая объему экспорта в каждом из рассмотренных выше направлений.

Закупками продовольствия для города занимались "officium victualium", "officium monete", массарин Кафы. В 1374-1375 г. коммуна Кафы отправляла специальных экспедиторов за зерном в Зихию и Мапу (477,p.399). В 1381-1382 г. коммуной снаряжались суда для перевозки 400 модиев (112,6 т) хлеба в Ильиче, в устье Днепра, а также в Газарии, на Северо-Западном побережье Азовского моря (477,p.399-400). В 1386-1387 г. на средства городского бюджета закупалась пшеница Загоры (534,p.48), пшеница и просо Византии, доставлявшиеся из Перы, зерно, бобы и турецкий горох Анатолии, вывозившиеся через Трапезунд, Симнессо, Самастро, хлеб Зихии, продовольствие Грузии, отправлявшееся из Савастополя и Вати (195,p.152; 315,c.145; 320,c.31; 477,p.398-400; 587,p.74,87,98). Наиболее существен был в те годы византийский вклад: 5395 модиев (1,5 тыс. т) пшеницы и 1427 модиев (400 т) проса. В 1393 г. зерно закупалось в Матреге и Воспоро, Каваллари и Cubatuba (мыс Кодош на Абхазском побережье - А.Е.), Чембало и Ле Фети (195,p.161), в Calinimen, в котором, по моему мнению, узнается несколько неточно переданное название "Calolimnen" (в устье реки Цемес), Aziachon (477,p.754), в ко-

Рис.32. План Кафы 1784 г. (435, С.41)

А - замок; Б - цитадель; Г - предместье; Д - "Карантинный холм"; Е - башня Константина; Ж - речка; З - пристань; И - кладбище; К - башня Климента VI; Л - башня Джустициани; М - башня "Доковая"; Н - башня "Круглая"; О - башня Св. Фомы; П - ворота цитадели; Р - северные городские ворота; 1 - церковь; 2 - мечеть; 3 - караван-сарай; 4 - бани; 5 - склады.

тором, на мой взгляд, нужно видеть "Χιακον" греческих периплов (134,р.37), то есть пункт между Белой и Черной Зихиями. В 20-е г. XV в. хлеб в виде зерна и муки приобретался в Симиссо, Симере, Бафре и Турции вообще (320,р.34). В 1445 г. в кафский порт прибыл гриппарион из Синопа с продовольственными припасами (167, v. VIII, р.17). В 50-70-е г. XV в. снаряжались экспедиции за зерном в Зихию, а именно: в Матрегу, Воспоро, Triduum, по-видимому, одно из индивидуализированных написаний "Trinixe", то есть Утриш, в той же Зихии (229, v. VI, №150). Одновременно отправлялись суда к Западному побережью Черного моря - в Монкастро и Илличе (166, р.32,36,46,49, 51). В самые напряженные годы коммуна Кафы устанавливала продовольственные реквизиции. С этой целью, в частности, отправлялись вооруженные суда в Воспоро, Копу, Батияр (бухта Ахтар - А.Е.) (229, v. VI, №160; v. VII, I, №731,784; v. VII, II, №1057). В 1475 г. Кафа получала продовольствие (mangiarìa), доставленное из Синопа на греческом гриппарионе (195, р.162; 229, v. VII, II, №1138). В целом, по данным массариев за 1374-1375 г., коммуна Кафы затратила на закупки продовольствия 46135 аспров (477, р.400); при средней цене на зерно в тот год 130 аспров за модий (281,5 кг), общий импорт составит всего 354,8 модиев (99,88 т). В 1386-1387 г. было затрачено 66000 аспров (477, р.400); при повысившейся в том году цене - 175 аспров за модий, это составляет 377 модиев (106 т) хлеба. По регистрам "оффичиум виктуалиум" 1428 г. значилось до 478,8 т зерна (320, с.34). То есть, документы коммунальных ведомств засвидетельствовали импорт всего 4-17% необходимого городу зерна. Однако подобное заключение не должно обескураживать. Специфический характер источников отразил лишь "государственно организуемую" торговлю, ориентированную исключительно на нужды администрации - продовольственное обеспечение гарнизонов, экипажей военного флота, создание резервных фондов коммуны, распределявшихся частично в качестве оплаты жалования чиновникам как самой Кафы, так и подчиненных ей генуэзских колоний на Черном море. Именно поэтому коммуна Кафы отправляла зерно, зачастую в виде муки, вместе с другими продуктами питания, в Солдайю и Чембало, Тапу и Копу (167, v. IV, р.55; 195, р.152; 477, р.133,399-400), которые сами являлись экспортными центрами обширных сельскохозяйственных районов, или ограничивалась переводом денег с целевым поручением закупок продовольствия для отдаленных генуэзских колоний, как это было в Симиссо (320, с.31). Здесь "умолчание" доступных историку источников особенно очевидно. Приходится предполагать поступление основной массы необходимого городу зерна за счет частной торговли, и, может быть, не последнее место в этом принадлежало сухопутным сообщениям, в которых участвовало местное и региональное купечество, о чем ниже еще придется сказать.

Сфера торговли продуктами сельского хозяйства, особенно на локальном и региональном уровне, не ограничивалась ввозом или вывозом хлеба. На продовольственный рынок Кафы из Крымского хинтерланда по дороге на Солкат и Карасу-Базар, а равно из Крымской Готии (западная часть полуострова) и Крымской Газарии (восточная часть) (200) поступали фрукты (яблоки, виноград, изюм, фиги) и овощи (капуста, огурцы, дыни, арбузы, лук, чеснок и другие), стручковые и бобовые (75,с.721-722,759-761,772; 89,с.10-23; 219,р.625,647-649,655). Кафитам был известен и рис (*rizo, rixo*) (167, v.V,р.38,45; 321,с.34), с которым европейцы познакомились только с первых крестовых походов. Он происходил из стран Леванта, Анатолии и Средней Азии, прежде всего из Самарканда (40, с.327; 113,р.317). В кафской повседневности это отнюдь не "зерно бедняков", как его определял Ф.Бродель (252,т.I, с.125), но продукт, шедший на приго-

Рис.33. Торговец овощами и фруктами

товление блюд по случаю торжественных приемов.

Предметом региональной и, в отдельных случаях, дальней торговли становились технические культуры - лен, конопля, цитварное семя (147,р.160,310; 192,р.18; 497,р.137-138; 537,р.173). В те времена продавалось ныне неизвестное льняное масло (*oleo linello*). По одному из актов конца XIII в. его везли из Кафы в Тану (100, №402). Встречалось упоминание о конопле из Кабо Буксо (*chanevazo de Savo de Vuxo*), отправлявшейся в Венецию (223,т.II,№974). В бухгалтерской книге Бадозра приводились записи о доставке из Кафы в Константинополь 4 мешков конопли (147,р.310). Что касается "шелка Черного моря" (*seta del mare maggiore*), потреблявшегося в шелкоткацком ремесле североитальянских городов, например, в Пизе (202, р.58), или "*seta di Tana*", проданного в 1276 г. в Генуе предпринимателем из Лукки (151,№224), то их, скорее всего, надлежит отнести к продукции шелководческих районов Кавказа и, главным образом, Грузии (84,с.30,110).

Из сельхозпродуктов, помимо хлеба, особо важное место в тогдашней экономической активности занимало вино, "кровь Христа" европейской цивилизации. Выше уже шла речь о виноградных напитках Византии и Южной Европы. Здесь осталось остановиться на региональной и локальной виноторговле, к сожалению довольно слабо изученной. Прежде всего, роль вина в полуитальянском городе, каким была генуэзская Кафа, как и в подчиненных ей горо-

дах-крепостях по береговой линии Черного моря, была совершенно иной, нежели на Севере, где оно использовалось только в церковных ритуалах и пирах аристократии. Вино в Кафе, как и в Италии, входило в понятие "victualium" - продовольствие, и являлось неотъемлемой частью рациона муниципального чиновника и моряка, коммунального писца и воин-стипендиария. Вино, наряду с хлебом, составляло провизию, регулярно выдававшийся коммуной в качестве платы за службу. Поэтому потребности в виноизделиях в Кафе были достаточно высоки, порядка 22750 гл в год (315,с.127). Поставки из-за Босфора, рассмотренные мною выше, не превышали 7-15% от необходимых объемов винопродукции. Здесь вновь приходится говорить о большой значимости для судеб города внутричерноморских связей. Исследования С.П.Карпова (315,с.126-129; 321,с.29-31) заставляют, в первую очередь, обратить взоры к Югу Причерноморья, как зоне традиционного виноградарства. Культивированием винограда и развитием виноделия там выделялась прилегающая к Трапезунду периферия, районы Фароса и Хрисокефала, террасы Лимний и Кера-сунта, горные склоны близ Симиссо и Савастополя (315,с.126-127,129). Было известно "вино Турцин" (115,р.249). В одном из нотариальных актов 1290 г. называлось 8 вегет и 24 джарры (около 5400 л) лимнийского и керасунтского вин (*vino de Limina e de Jursonda*), доставленных для продажи в Кафе (100,№768). Различались светлые (*leixi*) и красные (*сапога*) виноградные напитки (167, р.589,619; 315,с.127). Наиболее интенсивно в Кафу ввозились вина Трапезунда, Турцин и Савастополя, и введенный на них налог составлял одну из наиболее значительных статей дохода кафской казны (*impositione fiende in vino quod defertur de partibus Turchie et Savastopoli in dictum locum*) (115,№V). По последним исследованиям (315,с.127-128), экспортные потенции Трапезунда были таковы, что могли покрывать до 50% потребностей Кафы в энерговосполняющем питье. Вкупе с импортированным из Византии и Средиземноморья вином это не превысит и 2/3 необходимой только одному городу продукции, а ведь Кафа не только потребляла, но и осуществляла дистрибуцию немалой части винного импорта в Крым, Северном Причерноморье и, как я пытался показать, в северных землях. То есть, Кафа должна была использовать какие-то иные дополнительные источники.

Рис.34. Изготовление вина

На мой взгляд, современные историки несправедливо игнорируют роль местного виноделия. То, что Крым, точнее его юго-западная прибрежная полоса, с античных времен являлась самой северной зоной культуры виноградарства, известно давно. Однако в историографии считается неоспоримым суждение о деградации крымского виноделия (251, с. 48; 315, с. 127; 477, р. 842-846) и под воздействием неблагоприятных климатических изменений, и в результате смены населения, и вследствие доминирования степи, и иных факторов. Оспаривая подобный взгляд, я хотел бы обратиться к материалам ревизии финансовой деятельности администрации генуэзских колоний на Черном море, проводившейся в 1351 г. Среди множества налогов, законность взимания которых должны были проверить проводиторы Романини, назывался "налог на вино, которое родится в Готии и доставляется в Кафу (из расчета) 10 аспров с бочки" (*impositio super vino quod nascitur in Gotia et deferitur in Caffa de asperis decem pro botte*) (115, р. 249). Здесь определению шла речь о продукции виноделов юго-западного Крыма, той самой Готии, протянувшейся от Чембалы до Алушты и даже чуть дальше - до Солдайи. Налог носил характер экстраординарного и был вызван возросшими финансовыми расходами коммуны в условиях византийско-генуэзской войны 1348-1349 г. В то время он давал Кафе 26 тыс. аспров годового дохода, что позволяет оценить ввоз крымских вин на кафецкий рынок в 2600 бочек (12532 гл), то есть более 50% потребностей города. Таким образом, именно поступление продукции местных виноградарей позволяло преодолевать дефицит вина в Кафе и даже создавать определенный резерв для реэкспорта. Во всяком случае, распространение крымской тарной керамики, традиционной для транспортировки вин, по Волжскому и Донскому путям вплоть до Москвы (261, с. 56) надлежит связывать с дистрибуцией местного алкоголя. Крымское вино, скорее всего, называлось среди тех напитков, что отправлялись в 70-е г. XV в. в Матрегу, ибо только оно, в отличие от импортных, транзитом проходило через Кафу, облагалось специальным налогом "*cabellis vini Caphe*" (229, v. VII, I, р. 843).

В представлениях о "продовольствии" (*victualium*) изучаемого времени неотъемлемой частью входила рыба, имевшая, подобно хлебу и вину, естественный смысл и потому значимая для всего христианского сообщества, без различия на элиту и демос. Кафский рынок знал богатый выбор рыбопродуктов. С юго-запада Крыма, через

Рис. 35. Торговец рыбой

гавани в Чембало и Херсоне, поступали камбала и скумбрия, хамса и бычок, окунь и ерш, имевшие значение в местной торговле (75,с.791-794; 89,с.10-23; 219,р.666-668). Из Азова привозили белугу и осетра, севрюгу и черную икру. Именно осетровый балык (*schienali storioni*) приобрел наибольшее экспортное значение в тогдашнем торговом обмене. Уже Пеголотти отмечал высокое качество соленой осетрины и икры, вывозившихся из Таны в Италию: "... соленые осетры, точнее осетровые спинки, происходят из Сарайского моря и привозятся оттуда в Тану по суше и из нее по Великому морю - до Перы и Константинополя; они должны быть большие и жирные и с приятным запахом, и в зависимости от того, чем эти спинки больше и жирнее, чем ярче окрашены в густо-розовый цвет, тем они лучше" (149,р.370). По его словам, рыба поступала в порт Таны из Каспийского моря. В действительности, осетр, вывозившийся из Таны и за которым передко плавали кафиоты (100,№467,740,783,903), являлся, в основном, продукцией рыбных промыслов Подолия. Достаточно обратить внимание на то, что почти все акты о закупке рыбы составлены в апреле-июне, в период массового хода азовских осетровых в Дон для нерестования, когда велся их промысел и засолка. И только в одном случае возможно предположить каспийское происхождение осетрины; речь идет о нотариальном акте, составленном в августе 1290 г. (100,№903), что совпадало с осенним ходом каспийско-волжских осетровых. Кроме того, балык вывозился кафиотами из Копы и Daromegatar, в котором я склонен видеть одно из разночтений "Magno Tar", то есть коса Долгая, севернее Приморско-Ахтарска; его загружали в Ла Чичи и lo Ianch, который, по-моему, может быть соотношен с инвариантом "bajacchi", переданным Фредуче Анконским (1497) (213,fol.59), то есть Печенеги в Ейском лимане (100,№438,442,470,471,480,501,526). В данном случае, придется говорить о рыбе, промышлявшейся на реке Кубани и ее притоках во время весеннего хода для нереста, обычно совершавшегося в апреле-мае; на этот же период, как можно убедиться, приходятся и все оформлявшиеся нотариальными сделками о покупке рыбы. В Копе, судя по нотариальным актам, устраивались рыбные ярмарки (*bazali*), проходившие с середины до конца мая. Аналогичные рыбные базары действовали в Танае весной и осенью, в сентябре; последний приходился на время осеннего хода севрюги в Дон и совпадал с сезонной распродажей волжской осетрины.

Купцы из Кафы закупали рыбу оптом крупными партиями от 9 до 65 миллиариев. Если миллиарий исчислять не в 1000 либр, как полагали Г.Брэттану и М.Балар (477,р.700-707; 503,р.245), а в тысячу штук, как убедительно показала Л.Баллетто (488,р.404-405), замечавшая различие в величине исчислявшихся рыбы, то объемы экспорта осетрины окажутся в десятки и даже сотни раз больше, нежели

это представлялось предшествовавшим историкам. Учитывая средние вес осетра в 16,75-19,7 кг, донской севрюги - в 15,15 кг, а кубанской севрюги - 7,4 кг, могу привести следующие уточненные данные: по актам Самбучето 1290 г., кафским купечеством было вывезено от 3149 до 3793 т осетрины, загружая в среднем по 280 т на судно. 32% из них экспортировались в Константинополь (100, №442, 467, 470, 471, 526, 740, 788), 31% - в Трапезунд (100, №438, 501, 740, 788, 903), 23% - в Смирну (100, №480, 740, 903), 9% - в Смирну (100, №442, 788), 2% - в Фасо и Вати (100, №438) и какая-то часть - "в пределах Великого моря", без указания определенных пунктов (100, №70). Зачастую, сбыт рыбной продукции сопрягался с заходом в несколько портов, начиная с наиболее близких, кавказских. В 1328 г. генуэзские суда везли в Константинополь соленую рыбу Дона, Азовского моря и Кубани (497, р.191). Внутричерноморские связи, с преобладанием греческой столицы на Босфоре, отражают документы XIV - XV в. (84, с.56; 212, р.215; 453, с.219; 625, р.99). В 30-е г. XV в. Бадорр делал расходы на покупку икры, происходившей из Таны (*caviari teneri da la Tana*) (147, р.416). То есть, на протяжении XIII - XV в. Кафа обеспечивала снабжение как столицы Византии, так и городов Южного Причерноморья высококачественными рыбопродуктами, когда осетрина еще не считалась деликатесом, а икра представлялась "грубой пищей простодушных" (175, р.135), и потому были достаточно дешевыми: одна целая рыбина в 16-19 кг стоила менее 1 аспра.

Рыба и икра Северного Причерноморья и Прикаспия были известны также и далеко за Босфором. Ими питались в Генуе и Венеции, городах Франции и Испании (221, р.165). Документы XIV - XV в. постоянно называли соленую осетрину и черную икру среди товаров, отправлявшихся из Кафы по транссредиземноморским путям. В одном из протоколов венецианских ассамблей 40-х г. XIV в. приводилось имя negocianta, получившего из Азовского моря 5-6 баллет (865-1038 кг) тешы и балыка (193, р.272). В генуэзском источнике 1384 г. упоминалось об отправке в Лигурийскую республику партии осетровых спинок. В другом документе 1401 г. сообщалось о транспортировке из Кафы в Венецию на двух коках соленой осетрины (537, р.186-190).

Наряду с дальним и многократно его превосходившим внутричерноморским экспортом Кафа сама выступала потребителем лучших сортов черноморской и азовской рыбы. В конце XIII в. в Кафе занимались рыботорговлей греки Николай, Георгий де Зела и Георгий Ялена (100, №438), мусульмане Оттоман, Ибрагим, Сададдин и Аккосо (100, №480), плававшие в Копу. В 70-е г. XIV в. там действовали торговцы икрой (*venditori caviaris*) греки Калоян и Кондок (107, р.222). Более поздние документы свидетельствуют о поставках в Кафу соленой рыбы и икры из Копы и Батияра (229, v. VI, №150; v. VII, I,

р.71,186,271,351,528; v.VII,II,р.243). В том же XV в. кафиоты активно приобретали права собственности на донские тони (*peschiere*) (515, р.369-370), то есть на специально оборудованные места ловли, заготовки и засолки осетровых. В XV в. нехватка продовольствия побуждала коммуну Кафы проводить закупки рыбы не только в Приазовье, но и в областях традиционного ввоза рыбопродуктов: в Южном Причерноморье. Так, в 1445 г. в кафский порт прибыл гриппарион из Синоп с рыбой и другими продовольственными припасами (167, t.VIII, р.17).

Следующей важнейшей составляющей в торговле продуктами питания являлась соль. В средние века она ценилась гораздо больше, чем сейчас. Соль, по представлениям той эпохи, очищала и насыщала и одновременно несла бесплодие. Ею платили за труды (ср.: "*salarium*"), вносили фрахт и пошлины. В Восточном Средиземноморье, порой, рабы оценивались куском соли размером со ступню. Без нее нелепы не только повседневная пища человека и домашних животных, не только консервация мяса, свинины, овощей, засолка рыбы, но и целый ряд важнейших производственных операций, как например, обработка кож и пушнины, получение глазурей и красителей, а также иных химико-технологических процессов (18, с.356, 359-360). Применялась она и в медицине для снятия опухолей и нарывов (13). По словам неизвестного Барбаро, недостаток соли приводил к тому, что "рот покрывался нарывами и гноился", и человек умирал (22, с.142). Соль, без преувеличения, была самым значительным богатством Крыма, вызывавшим активный спрос как на Севере, так и на Юге, как в Черноморском регионе, так и далеко за его пределами. За соль платили серебром приезжавшие из русских земель и итальянских государств; за нее охотно отдавали малоазиатские металлы. Сделки с ней способны были озолотить, давая до 300% прибыли (315, с.147).

Рис.36. Торговец солью

Масштабы солеварения в Крыму и объемы торговли солью в средние века уже становились объектом специальных исследований М. Балара и Ж.Окс (477; 541). Однако ими отражено значение экспорта крымской соли, главным образом, для Италии. Действительно, собственно итальянских соляных источников в Ибнице и Сардинии с XIII в. стало не хватать для быстро растущих городов Северной Италии. Именно тогда итальянцы стали про-

являть интерес к соляным озерам Крыма. Первые сведения о вывозе соли из региона Черного моря относятся к концу XIII в. (477,р.708-709). Отражением подобной заинтересованности являются навигационные карты Пьетро Висконти 1311, 1318 г. (198,таp.V,VI), с поражающей точностью локализовавшие салины Юго-Западного Крыма. Регистры "officium salis" Генуи XIV в. время от времени фиксировали поступление соли из Северного Причерноморья. В частности, в 1371 г. значилось прибытие трех судов из Кафы, загруженных солью (537,р.186-190). Во второй половине XIV - XV в. крымская соль вывозилась также в Венецию, чья жесткая палоговая политика сделала слишком дорогостоящей продукцию солеварен лагун и Кьоджи (541,р.369-375).

Вместе с тем, экспорт крымской соли в Италию, при всей его важности для судеб североитальянской урбанизации, далеко не представлял собой всей экспортной активности Кафы. Вывоз соли внутри Черноморского региона многократно превосходил вывоз в итальянском направлении. Главными потребителями здесь были города Южного Причерноморья. По 15 контрактам 1289-1290 г., составленным Ламберто ди Самбучето в Кафе и Солкате (100,№184,411, 477,586,615,616,618,625,626,629,639,696,768,797,843), значилось почти 6,5 тыс. т соли (ср.: 315,с.145-148), загружавшейся, в основном, в Чиприко (Aluzuprico, Alozuprico, Jurpico) и, стало быть, происходившей из керченских соляных озер - Тобечикского, Узунларского и других. 66% всей фигурировавшей в нотариальных актах соляной продукции предназначались для транспортировки в Трапезунд; 17% - в Синоп, около 3% - в Керасунт, менее 1% - в Нипо и оставшаяся часть являлась объектом торговых сделок внутри Кафы. В этой сфере торговли специализировались местные купцы, как например, Сегараджа, брат Хаджи Рамадана, проживавшего в Кафе, Багатур и Омар из Солката (100,№696). Только по данным одного акта они продали в Кафе 2 тыс. модиев (563 т) "хорошей, блестящей и готовой к продаже соли Чиприко" (salis boni nicidi et mercantilis de Jurpico).

Другим крупным потребителем крымской соли выступала Византия и, прежде всего, ее столица. В итальянских документах 1291 г., в частности, есть сведения о конфискации у генуэзца константинопольскими властями 90 модиев (25,3 т) соли, стоимостью 180 иперпиров (3396 аспров) (118,р.517-519). В актах кафеского нотариуса Никколо Бельтраме 1344 г. упоминалась лигния, курсировавшая между Салинами (Sallinarum), в Евпаторийском заливе, и Перой (106,№43). торговое назначение которой едва ли может вызывать сомнение.

Большое значение Кафа имела в снабжении солью рыбопромысловых районов Нижнего Подолия, Прикубанья и Кавказа (22, с.153; 42,с.215; 229, v.VII, I, p.779; v.VII, II, p.645). Вывоз соли в Копу, к примеру, регулировался специальными положениями статутного

права. В частности, в статуте Кафы 1449 г. запрещалось ввозить в Копу соли больше, чем требовалось для сезонной засолки рыбы; излишки подлежали возврату в Кафу, либо выбросу в море (229, v. VII, II, p. 671). Вообще, экспорт соли в Копу использовался как политическое средство воздействия на местные власти, "ибо сами геты (аланы - А.Е.) лишены соли (*vasci sale*), без которой они не могут заготавливать свою рыбу" (229, v. VII, I, №981).

К сожалению, ни отечественные исследователи, занимавшиеся вопросами южной торговли (414; 415; 429), ни зарубежные ученые, изучавшие торговую роль Кафы (476; 477; 498; 571; 572), не уделили внимания экспорту крымской соли в северном направлении. А оно, несомненно, должно было приобрести наиболее важное значение. Ведь нельзя забывать о том, что солончаки - достояние исключительно южных, жарких широт. Именно поэтому соль на Севере становилась объектом особого, почти сакрального отношения. Ею выражали не просто дружеское расположение, но любовь и исключительные достоинства. Не случайно, в княжеских трапезах солонка с солью стояла только на столе Великого князя, служа ритуальным знаком, выше которого сидели самые знатные, а ниже - все прочие.

Земли Московии, Поволжья и, по-видимому, лежавшие к Северу и Востоку, снабжались солью, как можно судить по замечанию Барбаро (22, с. 157), по Волжскому пути из Прикаспийских солончаков, самым крупным из которых являлся Баскунчак. Земли же Подолья и Поднепровья должны были обеспечиваться солью преимущественно из Крымских соляных озер. Еще Рубрук в середине XIII в. отмечал: "со всей Руси ездят туда (в Крым - А.Е.) за солью, и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих полиперпира" (около 9 аспров) (60, с. 91). С конца XIII в. в Кафе сложился крупнейший в Крыму соляной рынок с наиболее благоприятными условиями оптовой торговли. Дело в том, что закупки готовой товарной продукции на соляных промыслах подлежали жесткому контролю со стороны татарских властей, извлекавших из этого немалые доходы. Генуэзцам, согласно кафеским статутам, запрещалось приобретать права на соляные места в Газарин, покупать на них соль оптом и в розницу и даже присутствовать во время взвешивания (75, с. 755-757; 219, p. 645). Разрешение на подобные коммерческие действия могла дать только золотая пайцза хана (89), известная и по итальянским документам как "*breve auri imperatori*" (167, t. V, p. 61-62). Поэтому соль подвозилась в Кафу либо на специальных судах, патроны которых обладали соответствующими правами (219, p. 645), либо на гужевом транспорте местными солеторговцами. При этом, пошлина в середине XV в. была гораздо ниже, чем на промыслах: 6 аспров с четырех-колесного воза и 4 аспра с телеги или двухколесной повозки (75, с. 760; 219, p. 648). Конечно, давние суждения о

"солонях" как специальных судах для транспортировки соли по рекам из Азовского моря в Диспр, равно как и "соляная" гидрошляхта между реками Молочной, Миссом и левобережными притоками Диспра (255), не подтвердились последующими исследованиями (246; 287; 357). Действительным остается лишь наблюдение о существовании связей по "путям в варяги", обеспечивавших среди прочего и поставку продукции соляных промыслов Крыма в северные земли. Ее везли по суше и по морю. Известно, что суда отправлялись в Ле Саллине и оттуда в Диспровском и Днестровском направлениях (166,р.46-51), а также в сторону Дона (167,т.IV,р.245). Там, "от устья реки Танаиса (Дона - А.Е.) плыли вверх 18 миль (31,2 км), где на азиатском берегу находился город Тана (citta de la Tana)" (224), куда прибывали суда русов за этим драгоценным товаром.

Ассортимент продовольственных товаров в торговле Кафы будет не полон, если не сказать о продукции скотоводства, регулярно поступавшей из степного Крыма, из кочевого мира Золотой Орды и из княжеств Молдавии и Валахии. То было мясо во всех видах, копченое и соленое, свинина, сыры, масло (89), продававшиеся на специальном мясном рынке, расположенном на сваях в море. В массариях Кафы XIV - XV в. назывались говядина и птица (166,р.46; 167,т.IV,р.38). В отличие от гастрономических вкусов современности мясо в рационе XIII - XV в. занимало несравненно большее, ничем не заменимое место. Достаточно сказать, что даже городской demos ежедневно питался мясом, останавливая свой выбор на самой дешевой соленой свинине. Годовые потребности Кафы в мясopодуктах достигали 1,2 тыс. т, и это не считая потребности всех зависимых от Кафы факторий. Поэтому

Рис.37. Торговец мясopодуктами

му торговли скотом, в основном из числа татар, должны были пригонять на кафеcкий рынок сотни голов крупного и мелкого рогатого скота - коров, буйволов, баранов, овец, а также свиней (89). Массарии Кафы время от времени выделяли деньги на приобретение скота (ad accipicendum bestiamina) во владениях хана (167,т.V,р.61). Его забой и разделку осуществляли многочисленные в Кафе мясники (macellarii) и колбасники (cervellarii) на нескольких городских скотобойнях (100,№109,727). Мясные продукты не только реализовывались на внутреннем рынке, но и экспортировались. Нотариальные акты конца XIII в. называли свиные окорока, сало, сыр, отправляв-

шиеся в Трапезунд (100, №119, 412). Солопица и "сало Романи" вывозились на Запад и продавались, например, в Пизе (202, р.185).

Развитое коневодство Северного Причерноморья поставляло в Кафу коней разных пород и кровей. Там были татарские, валашские и, пожалуй, венгерские лошади. Из Золотой Орды и Крыма в Кафу постоянно приводили коней в качестве дара коммуне (167, в. IV, р. 36, 47-48, 54, 56-57). В свою очередь, власти Кафы делали ответные дары, отправляя хапу коней, порой облаченных в попоны из алой и лазоревой тафты (167, в. IV, р. 36). Крымские кони отправлялись из Кафы на судах в Матрегу, князю Зихии (167, в. IV, р. 60). Лошади были объектом и большой торговли, их вывозили на специальных судах - тарихах - по транссредиземноморским путям. В арабских документах Египта XIV - XV в., в частности, фигурировали "крымские кони" (558, р. 107), которыми обозначались, может быть, не столько татарские лошади, не выделявшиеся ростом и красотой, сколько пригонявшиеся в Крым по "татарской дороге" скакуны валашских и молдавских скотоводов, действительно пользовавшиеся спросом на мировом рынке (73, №32, 51, 55). Их упоминания встречаются в турецких документах второй половины XV в., регламентировавших торговлю в Константинополе - Стамбуле (114, р. 117).

Кроме того, в Кафе концентрировались и другие продукты скотоводства черноморского региона, в частности, шкуры и шерсть (192, №4; 193, р. 290). В одном венецианском документе 1339 г. упоминалась шерсть из Таны "посредственного качества" (222, т. I, №476). В 40-е г. XIV в. генуэзцы грузили шкуры во многих портах и гаванях Газарии, имея целью последующий экспорт в Италию (193, №10). Крымские шкуры, кожи и шерсть назывались в документах 1392, 1396-1397 г. в качестве товаров, отправлявшихся в Геную, порой с перевалкой в Константинополе или Пере (537, р. 186-187). В конторской книге Бадозра сохранилась запись 1439 г. о доставке кож с шерстью из Кафы в столицу Византии (147, р. 505). Вообще, скорняжные полуфабрикаты были одной из важных статей внутричерноморского обмена. Они встречались среди товаров, отправлявшихся в Перу и Трапезунд (100, №160, 201, 227, 740; 315, с. 151), Тану и Копу (100, №371, 870, 893, 895).

Из продукции местных промыслов, помимо рыбы, нужно назвать воск. Судя по коммерческим документам XIII - XV в., различались "воск Газарии" (100, №318, 755, 816), происходивший из Крыма и Днепровско-Донского междуречья (246), "воск Таны" (149, р. 43), поступавший из Подолия и, по-видимому, Поволжья (287), и "воск Савастополя" (147, р. 188), производившийся в Грузии (324). Все эти сорта, по оценке Пеголотти (149, р. 43), уступали в качестве "воску Загоры", который был особенно прозрачен и блестящ и считался лучшим в Романии. Из местных сортов, может быть, чуть выше котиро-

вался "воск Газарин". Впрочем, все три сорта имели значение не только в локальной и региональной торговле, но и в большой. В частности, "воск Газарин" экспортировался в Геную, и объем вывоза, только по актам Самбучето, может быть оценен в 37,7 тыс. аспров (100, №318, 755, 816). "Воск Тапы" вывозился в Венецию (113, р.314; 149, р.43), а грузинский воск отправлялся в Константинополь (147, р.188). В документах XIV - XV в. постоянно упоминалась восковая продукция из Кафы, отправлявшаяся на Босфор (93, №7; 147, р.384, 493, 494, 615, 633). Одновременно кафское купечество занималось торговыми операциями с болгарским воском в устье Дуная. Армянин Саркис из Кафы, в частности, в 1360-1361 г. вывез из Килии 2,12 т воска и 2,4 т меда (101, №22, 58, 122; 203, №14, 16, 19, 25, 35, 42, 44, 53-55).

Уже торговля воском и медом тесно сопрягалась с лесными промыслами. Торговля же строевым лесом, различными стройматериалами из дерева заставляет непосредственно обратиться к товарному значению этой сферы местной экономики. В отличие от современного безлесого пейзажа, побережья Азовского моря в XIII - XV в. были богаты лесами с самыми разнообразными породами деревьев. Сегодня уже невозможно представить, что вся зона от Перскопа до Дона представляла собой обширный бор из превосходных корабельных сосен. Великолепие Венеции во многом держится на сваях вековых деревьев Северного Причерноморья. Гигантские флоты Генуи и Венеции, Пизы и Неаполя также были обязаны Приазовским дубравам. В Кафу на возах подвозился обделанный лес (*lignaminum laboratum*), "белый лес" (*lignaminum alborum*), то есть тесаные бревна, доски (*lignaminum tabullarum*) и просто дрова (*lignorum pro ignendo*) (75, с.761-762; 219, р.649). Если дрова были предметом внутригородской торговли (107, р.229), то строевой лес вывозился из порта Кафы в страны Средиземноморья, как в Италию, так и в Египет (558, р.64-65, 76-77). Впоследствии, в XIV в., его экспорт в Александрию на генуэзских судах не раз запрещался (164, col.371), так как он попадал в разряд стратегических товаров, способных привести к усилению ислама. Ценные породы "желтого" и "красного" дерева, самшита, вывозились из Кафо ди Буксо (325, с.15).

Весьма специфическим товаром Северного Причерноморья являлись в XIII - XV в. рабы. Тогдашнее правосознание исходило из допустимости рабства для уроженцев нехристианских народов, ибо считалось "не надлежит быть свободным тому, кто не верит в искупление человека Христом" (366, с.14-15). При этом, средневековое рабство не выходило за пределы домашних сервитутов, для чего лучше всего подходили девушки. Сложнились общепринятые представления о достоинствах рабынь той или иной этнической принадлежности. Считалось, татарки - "все выпосливы в работе", черкешенки "отличались здоровьем и силою", русские выделялись "своей красой и

сложением" (366,с.20). Большое распространение рабство получило на Востоке, где из несвободных формировались гаремы и особые отряды телохранителей. Кафа, в силу своего положения, как город, "лежащий в пасти неверных", превратилась в главный центр вывоза рабов. Ее роль нашла отражение в специальных трудах М.Балара, Ш.Верлиндена, Д.Джоффри, С.П.Карпова, Л.Тарди и других (270; 313; 319; 325; 445; 476; 477; 532; 558; 643; 650-655). Однако в складывающемся образе работорговли недостает понимания места самой Кафы как потребителя несвободного труда.

Из Крыма и Газарии, как явствует из актов Самбучето, на кафский рынок поступали рабы-татары и -команы (*tartari, comani*) (100, №748,767), иногда сближавшиеся с калмыками, еще не существовавшими в XIII в. (654,р.111). С Кавказа привозили черкесов (*jarcassi*) (100, №33,63,75,99,100,112,120,123,136,189,240,285,289,302,304,374,481,487, 594,708,780,782), то есть адыгов; известных либо под тюркским этниконом "черкесы", либо под европейским именем "зихи"; доставляли абхазцев (*evogasi*) (100, №39,126,497,542,832) и лезгинов (*lachi*) (100, №93,183,306,515, 528,579,714, 844,846,849, 889), отождествляемых порой с лазами Лазистана (100,р.207,278). С Северного Кавказа, из района Маджара, привозили рабов "*projenie de manjar*" (100, №9,334, 593,635,766), которых часто считают происходившими из Венгрии (100,р.215,238). Из той же области поступали "*getici*", аланы, или в европейской традиции "готаланы", которые, судя по генуэзским документам, обитали в долине Кубани и около Копы (229, v.VII, I, р.779) и в которых слишком упрощенно видят лишь крымских готов (643, р.113; 654,р.788). Из волжского Булгара приводили невольников "*projenie de borgare*" (100, №383,595,708,782), которых неоправданно сближают с болгарами (477,р.797-798). Из угорских земель Поволжья (*Hungaria Major*), или же из Венгрии прибывали рабы "*ungali*", чей этникон ошибочно воспринимают синонимичным к "*manjari*". Из русских земель происходили пленники "*progenie rubeorum*" (100, №373,685,697). Из них же, точнее - из Киева, были выходцами рабы "*de Cevia*" (100, №536).

Согласно современным исследованиям (313; 319; 477; 532; 643; 654), рабов вывозили из Кафы крупными партиями в Средиземноморском направлении: как в Италию, так и в Египет. Некоторые из генуэзских купцов, фигурировавших в торговых сделках в Кафе, как например, Бьянко Сальваго, Андреа дель Орто, Джульельмо Леркари, впоследствии являлись продавцами невольников в самой Генуе (654,р.460), что отражает одну из существовавших тогда линий торговли. Функционированием морских сообщений Кафа - Генуя следует объяснять факты продажи в Лигурийской республике рабов черноморского происхождения, как например, "*scavus ... natus in Russia*", упомянутого в акте 1275 г., или "*scavus ... de partibus Zechie*",

названного в акте 1277 г. (151, №1), или раба "de impero de Uzbech", освобожденного в Генуе в 1346 г., или других рабов абхазского (1 случай), черкесского (2), аланского (2), татарского (3), команского (6) и русского (7) происхождения, продававшихся в Генуе в первой половине XIV в. (654, р.467). Вывозили рабов также в Венецию, но, как правило, в незначительных количествах: по 1-2 человека на одного владельца (651, р.83-201). Может быть, несколько большее значение имел вывоз несвободных на острова Сицилию и Майорку, где их труд использовался в аграрной экономике (652, р.24-42).

Главным же направлением экспорта рабов стало Египетское. С 1268 г. султаны Египта по договору с Михаилом Палеологом получили право отправлять суда в Черное море за невольниками. В 1281 г. новый договор расширил возможности арабских купцов в вывозе рабов (558, р.105-107). В Кафе возникло особое учреждение - Тутгар аль Хасс, чиновники которого занимались закупками людей. Так, в начале XIV в. вакиль султана дал генуэзскому купцу, известному в Египте под именем Сакран, 60 тыс. динаров и вдобавок различных товаров, стоимостью 40 тыс. динаров, с единственной целью - приобретение рабов в Крыму (235, с.18). Невольников в качестве ценного и желанного подарка везли с собой кыпчацкие дипломатические миссии. Сообщения такого характера, какое приводится в хронике Эльмуфаддала первой половины XIV в.: " (в 1317 г.) прибыл в город Александрию корабль из Дешт-Кыпчацких степей, от царя Юзбек-хана. В нем находились послы его и вместе с ними 200 невольниц, 300 невольников", были наиболее характерными для той эпохи (67, с.56-57, 59-60, 67-69, 75, 100-101, 119, 165, 171, 198).

Спрос на рабов в Египте постоянно увеличивался. Они использовались для создания личной гвардии султанов и были социальной основой власти мамлюкской династии. Страдавшее от периодических неурожаев и голода население Северного Причерноморья продавало своих детей в рабство (27, с.17; 66, с.436), надеясь таким образом дать им более надежные гарантии существования. С конца XIII в. в эту довольно прибыльную коммерцию включились генуэзцы. Опираясь на экономический и военно-политический потенциал Кафы, им удалось установить монополию на работорговлю. Здесь стоит обратиться к поручению правительства Генуи проведиторам Романи 1351 г. (115, р.249-250). Согласно этому документу, все рабы, покупавшиеся как итальянцами, так и арабами и вывозившиеся со всего региона Черного моря, подлежали централизованному налогообложению в Кафе. Для уплаты налога, называвшегося в латинских источниках "tractus", как и основная линия работорговли Кафа - Александрия, все суда обязывались заходить в порт Кафы и проходить там досмотр и соответствующую регистрацию. Последующая транспортировка рабов допускалась только на специальных генуэз-

ских судах Кафы. Это требование, как выясняется из официальных писем Генуи XV в. (167,t.VI,p.128), было закреплено специальными соглашениями с правителями черноморских государств. Особое положение Кафы закреплялось также требованием церковного контроля; возложенного на кафского католического епископа и призванию не допускать вывоза христиан в качестве рабов в мусульманские страны (167,t.VI,p.128). Эммануэле Пилоти так характеризовал в своем трактате "Путь в Святую Землю" (1420) эту ситуацию: "Город Кафа - генуэзский, он окружен землями язычников - татар, черкесов, русских и других. В этих местах каирский султан держит своих слуг и приказывает покупать рабов, для отправки которых морем нет другого пути, кроме как через Кафу. И когда этих рабов приводят в названное место, генуэзские правители их спрашивают: хотят ли они быть христианами или язычниками, и тех, кто захотел быть христианами, отбирают, а тех, кто захотел быть язычниками, отдают во власть слуг султана, которые их тут же грузят на корабли этих ложных и очень скверных христиан и отвозят в Александрию" (146, p.143).

В первой половине XIV в. вывоз рабов в Египет стал запрещаться. Уже в 1316 г. правительством Генуи был наложен запрет на торговлю с Александрией, под который подпадали и рабы (164, col.371-372). В материалах переговоров Генуи с Византией 1308 г. содержались еще более ранние указания на существование "*devetum tumultuosos*" (116,p.110-113). Впоследствии, политика запретов была поддержана папством, налагавшим их в 1317, 1323 1329, 1338 г. (652, p.31), и сама частота этих "деветумов" говорит о невысокой их эффективности.

Выход был найден в налаживании новых торговых коммуникаций вне контроля Генуи и Римской церкви. Если в конце XIII - первой половине XIV в. подавляющая масса рабов вывозилась по транссредиземноморским коммуникациям, причем до 2 тыс. человек ежегодно вывозились по линии Кафа - Александрия, то к XV в. по ним отправлялось менее 1/4. В 1410 г. Из 61 рейса, из числа зарегистрированных официией Сан Антонио, ведавшей палогообложением с работорговли, только 13 имели пунктом назначения Перу, служившую традиционным перевалочным центром на пути дальнейшей транспортировки по морю либо в Египет, либо в Италию. Остальные же рейсы имели пунктом назначения порты Южного побережья Черного моря: Трапезунд (3), Симиссо (10), Синоп (29), Самастро (4), Ираклио Понтийскую (1) (319,с.143), ставшие посредниками в последующем вывозе рабов по сухопутным маршрутам, протянувшимся вплоть до Египта. В 1442 г. через Босфор отправлялась уже ничтожная 1/20 часть экспортировавшихся из Кафы рабов. Из 38 судов, зарегистрированных официией Сан Антонио в тот год, только 2 вез-

ли мамлюков в направлении на Перу, остальные шли в Анатолийском направлении, причем половина всех судов шла на Синоп и Симиссо (319,с.143), считавшиеся наиболее удобными для выхода на караванные пути в арабский Египет. В осуществлении этих новых связей существенно возрастала роль местного купечества: среди патронов судов, перевозивших мамлюков в 1410 г., 65% были греки и мусульмане. По данным массариев 1442 г., доля местных предпринимателей, специализировавшихся в сфере работорговли, повысилась до 71% (319,с.144).

Связи Кафы с Италией, обеспечивавшие экспорт рабов, также стали осуществляться в XV в. по новым торговым путям: не столько через Босфор, сколько через порты Западного Причерноморья, через посредничество Польши и смежных с ней стран. В 1446 г. польский король предоставил привилегии кафским купцам на провоз своих товаров, в том числе и рабов, по территории королевства (94, I,VI,№67). Впоследствии кафиоты активно пользовались полученными правами. Так, в 1472 г. Руссетто из Бергамо и Франческо из Павии сделали остановку во Львове с транспортом рабынь, которых они намеревались везти через Венгрию в Италию. Двумя годами позже Руссетто вновь появился во Львове для передачи новой партии рабынь своему компаньону Джанотто Ломеллино, осуществлявшему дальнейшую доставку до Генуи. Сохранились документы об отпуске на свободу абхазки Агнессы, мингрелки Марии и готской женщины Марты (592,р.192). В документах Бистрицы 1475 г. упоминался житель Кафы Анджело Скварчафико, направлявшийся в Италию с 14 рабами и рабынями (166,р.53).

Однако и эта отрасль торговли, при всей прибыльности и способности адаптироваться ко всем меняющимся условиям, претерпевала упадок с конца XIV в. Об этом свидетельствует постоянное снижение общей суммы налогов с работорговли, поступавших в кафескую казну. Если в середине XIV в. объем налоговых поступлений от работорговли достигал 2,5 тыс. соммо (500 тыс. аспров) в год, то в 1381-1382 г. фискальные доходы снизились более чем в два раза, составив 1125 соммо (225 тыс. аспров). К 1424 г. они стали еще ниже - 133,5 тыс. аспров (115,р.249; 319,с.141). Оффиция Сан Антонио, имевшая сборщиков налогов (*introitus pro Sancti Antonii*) и писцов в Синопе и Симиссо, Вати и Савастополе, а также в других местах традиционного вывоза рабов, стала слишком обременительной для бюджета Кафы и в 1449 г. была упразднена. В XV в. участились сообщения об уклонявшихся от уплаты установленного Генуей налога (*fraudes*) (319,с.141). Документы того периода полны известий о насильственных мерах со стороны генуэзской коммуны Кафы по отношению к лицам, самостоятельно занимавшимся вывозом невольников. Именно в результате таких мер в 1455 г. было захвачено си-

нопское судно, имевшее на борту 100 рабов, и доставлено в Кафу (229, v, VI, №151). В 1420 г. кафской коммуной была снаряжена бригантина с целью задержать венецианскую наву, на которой находились мамлюки (167, t. IV, p. 49). Без таможенного контроля генуэзской Кафы были проданы и вывезены в Египет 18 тыс. рабов, захваченных во время набега Менгли-Гирея на западно-русские земли в 1474 г. Они были погружены на мусульманские суда в гаванях, принадлежавших князю Феодоро, а именно: в Ле Салине, Каркипите (Каркинитская бухта) и Каламите (229, v, VII, II, №1104).

И все же, в той колоссальной роли, какую Кафа играла в международной торговле и которая объективно реконструируется современными исследованиями (319; 477; 643; 650-655), совершенно растворяется причастность этого крупнейшего города Крыма и Черноморья к использованию какой-то доли рабского труда в своей внутренней жизни. Этот вопрос до сих пор не только не рассматривался, но даже и не ставился. Между тем, едва ли подлежит сомнению наличие рабов в семьях городского патрициата Кафы и даже в домах горожан среднего состояния. Оставленные в Кафе завещания XIII - XV в., документы, связанные с распоряжением завещанным имуществом, постоянно называют рабов как довольно распространенную составную часть собственности (100, №689, 704, 846; 106, №25, 29, 46, 52, 54; 107, p. 224-225), собственности совершенно особой, которая в соответствие с христианскими убеждениями и волей завещателя подлежала нередко эмансипации. Некоторые из кафиотов имели в своем распоряжении по несколько рабов. Кафский нотариус Никколо Боссоно, в частности, пользовался услугами одного раба и двух рабынь (107, p. 224-225). Несомненно, для собственных нужд, но отнюдь не для дальней торговли, приобретали рабов ремесленники (100, №374), служащие коммунальных ведомств (100, №515), смотрители госпиталя (100, №770). Трех-четырёхлетние сервы, нуждавшиеся в заботе, уходе и воспитании, также едва ли предназначались для далеких и трудных перевозок. Вообще, ни один из 60-ти актов картулярии Самбучето, касавшихся купли-продажи рабов, не связан с намерениями их транспортировки за море. По моим подсчетам, основные социальные группы города, нуждавшиеся в услугах несвободных от 1 до 3-х (официалы, нотариусы, члены корпораций, владельцы недвижимости и другие), должны были бы, в целом, обладать правами на 1200-3600 рабов, что сопоставимо с годовым экспортом мамлюков в Египет.

Говоря о региональном обмене, нельзя не сказать о торговле продукцией местного ремесла. Выше уже отмечалось значение текстильных и ювелирных изделий Кафы в большой торговле. Здесь остается дополнить эту характеристику. В Кафу везли купленные в Валахии колокола, которые были установлены на крепостных башнях города. В свою очередь, судя по записям массариев, фиксиро-

вавших выдачу денег бронзолитейщику Доменико (*bronzerio*), отлитые в Кафе колокола отправлялись в Соиддайю и Чембало (167, t.IV, p.44). Туда привозили валахские короткие мечи - "кордь" (*cultellas que moie vellacorum appellantur corde*) (96, p.36-37), и в то же время, оттуда отправлялись различные типы оружия, включая огнестрельное, изготовленное оружейниками Кафы, во все генуэзские гарнизоны на Черном море (167, t.IV, p.60). В кафский порт поступали сделанные из дерева лафеты для катапульта и одновременно из него отгружались изделия местных столяров и плотников, как какие-нибудь весла, порой отправлявшиеся до Перы (477, p.396). Там продавались украшения византийских ювелиров (100, №252) и одновременно покупались изделия местных ремесленников (*textor cingulorum sive cintorum*) (229, v.VII, I, p.300), украшенные серебряными накладками, жемчугом и драгоценными камнями (93, №22, 25, 35; 106, №80; 107, p.226-231). Определенный спрос в региональном обмене имела продукция местных портных и мастеров по изготовлению одежд (100, №414; 229, v.VII, I, №544). В Кафе встречались "татарский камлот" (*clameloti dangi*), помеченный в качестве товарного знака тамгой (167, t.IV, p.33), и "понтийская команеска" (*comanesca zeytoni*), то есть характерный для кыпчаков плащ на меховой подбивке (107, p.226). На рынке Кафы было известно импортное стекло и, наряду с ним, - изделия местных стеклодувов (*magistri vitrorum*) (107, p.275-276; 229, v.VII, I, №638, 640), пользовавшиеся спросом в понтийском регионе (300, с.133-134). Там ценили византийскую керамику и в то же время - продукцию местных гончаров (*pignatorii*) (106, №12), выгодно выделявшуюся соединением латинских, византийских, ориентальных и местных традиций, что обеспечивало им равное признание в Болгарии и Молдавии, Приазовье и на Кавказе (300, с.132, сл.).

Весь выше приведенный материал свидетельствует не только о значимости Кафы для заморских партнеров, но и об определенной интегрированности города в экономическое пространство Севера; это касается как поступления продукции сельского хозяйства, скотоводства и промыслов громадной территории, так и вывоза продукции местного, в том числе собственно кафского, производства. К сожалению, именно эта сторона проблемы наименее освещена. Действительно, современные исследования (93; 107; 315; 477; 498; 577; 611; 627) дают весьма емкую картину торговых отношений Кафы с Италией, Византией и Трапезундом, но совершенно не позволяют судить о развитии подобных связей в Северном направлении. Здесь, несомненно, сказывается специфика используемого источникового фонда. К примеру, самый массовый тип источников - частно-правовые акты, будучи связанным по своей природе с морским кредитом, - отражает только одно направление коммерческой активности.

На мой взгляд, преодолеть известную ограниченность опубликованных письменных документов позволяет изучение данных нумизматики, до сих пор не использовавшихся для реконструкции системы торговых связей Кафы. В данном случае, я исхожу из того, что Кафа, с XV в. обладавшая монетной регалией (292), оставила заметный след в развитии экономических связей как раз благодаря производству и распространению собственной монеты. Кроме того, возможно выявление связей на основе учета находок иностранных монет на территории средневекового города.

В отношении последних мне известно около десятка кладов и множество случайных единичных находок. Из монет других земель самую значительную группу составляют находки монет крымского ханства, соседнего с кафским дистриктом. В 1926 г. в Феодосии был обнаружен клад из 750 серебряных монет, чеканенных в правление первых трех ханов из династии Гиреев (1420-1515) (2,1927,д.№28, л.94). 514 монет (более 50%) выявлено в составе другого клада, найденного в Феодосии в 1910 г. (169,№111). В 1924 г. извлечен клад, состоявший из 228 серебряных и 26 медных монет XV - начала XVI в. (78,№256). Гиреевские монеты того же периода содержались еще в двух кладах, зарытых в XVII - XVIII в. (78,№255,257). Поступление в Кафу монеты крымского ханства должно быть связано с торговой деятельностью местных жителей, закупавших в Кафе предметы импорта и продукты кафского ремесла и продававших продукцию аграрно-скотоводческого hinterlanda. Преемственность торговых связей города, обеспечивавшаяся местным купечеством, находит отражение в самом факте сохранения гиреевских монет XV в. в кладах более позднего происхождения.

Вторую позицию по распространенности занимают джучидские дирхемы. В 1894 г. на месте генуэзской Кафы был обнаружен клад из 244 серебряных монет Токтамышша (1379-1396), Шадибека (1400-1407), Пулада (1407-1412), Джелал ад-Дина (1410-1411) (1,1894, д.№247,л.2). В денежно-вещевом кладе 1898 г. из Феодосии, включавшем в себя до 11 тыс. серебряных монет конца XIII - начала XVII в., джучидские монеты были представлены дирхемами Насир ад-Дин Аллаха, Менгу Тимура (1266-1282), Токты (1291-1313), Узбека (1313-1339), Джаибека (1339-1357), Бирдибека (1357-1360), Науруза (1359-1360), Хызра (1359-1361), Кильдибека (1361-1362), Хайр-Пулада (1362-1363), Абдуллаха (1362-1369), Азиз-Шейха (1364-1367), Мухаммед-Булака (1368-1380), Токтамышша (1379-1396), Бек-Пулада (1389-1391), Тимур-Кутлука (1396-1400), Шадибека (1400-1407), Джабар-Берди (1417-1419) (2,1924,д.№23,л.100-102 об.; 78,№255). Этот клад являлся фамильным банком, передававшимся от отца к сыну и пополнявшимся наследниками. Высказанный выше тезис о поступлении татарских денег в Кафу с местными купцами в

данном случае получает убедительное подтверждение. Как явствует из текста сохранившейся в кладе арабской записи, последним владельцем сокровищ был некто Тарахги, живший в первой половине XVII в. Основная часть джучидских монет конца XIII - конца XIV в. была оставлена прапрадедом Юсуфом, служившим хану Токтамышу и использовавшим накопления оставшихся безымянными предков. Последующий вклад был сделан дедом Яхья, который служил Тимур-Кутлуку. Затем семейная сокровищница была пополнена отцом Тарахги Ибланом, считавшимся подданным уже не ордынского, но крымского хана, именно: Менгли-Гирея I (1468-1478, 1478-1515). Сам факт наличия монет стремительно меняющихся ханов Золотой Орды второй половины XIV в., а порой и номиналов альтернативных правителей, говорит о почти непрерывавшихся связях Кафы с Поволжьем.

Джучидские монеты находят также в составе кладов 1910 и 1925 г. В первом из них находились 233 монеты Токтамыша, 16 Таш-Тимура (1393-1395), 52 Тимур-Кутлука, 30 Шадибека, 2 Тимура (1410-1411), 1 Девлет-Берди (1420-1424), (2,1929,д.№28). В кладе 1925 г., найденном поблизости от Феодосии, в селении Кипшлав, было 8 джучидских монет (78,№253). Единичные находки татарских монет на территории Феодосии встречаются в раскопках последнего времени (231; 232; 383; 384).

Из монет других восточных государств, торговавших с Кафой, встречаются монеты аргунидов, хулагуидов и османидов. В частности, в феодосийском кладе 1898 г. были представлены номиналы аргунидов Науруз-Шаха и Аргун-Шаха (конец XIII - начало XIV в.), монеты хулагуидов - Абдуллаха (первая половина XIV в.) и Сулеймана (1339-1346), акче османидов - Баязета I (1389-1403), Мехмеда I (1413-1421), Мурада I (1421-1451), Мехмеда II (1451-1481), Баязета II (1481-1512) (2,1924,д.№23,л.100-102 об.). Здесь монеты турецких султанов составляли наиболее представительную группу. Напротив, монеты Науруз-Шаха и Аргун-Шаха довольно редки, к тому же они фактически выпали из денежного обращения, будучи употребленными для украшения нагрудника. Еще более редки монеты Абдуллаха и Сулеймана. Возможно, они попали к предкам Тарахги еще в тот период, когда они служили ордынскому хану и бывали на Нижней Волге. В этом случае, возникает возможность говорить о сухопутных связях Кафы с Закавказьем, осуществлявшихся в обход Черного моря - через Перекоп, Нижний Дон, Нижнюю Волгу, Дербент. То, что они существовали, подтверждает предприятие генуэзца Луки Тариго, плававшего в 1374 г. из Кафы в Дон до излучины, там переправлявшегося по Переволоке в Волгу и оттуда спускавшегося по реке в Каспийское море (97,р.289-291). Турецкие монеты поступали по иным, главным образом, морским путям. Их более

широкое распространение в Кафе в конце XIV - XV в. должно находить объяснение в регионализации обмена. В предшествующий период турецкие монеты находили лишь единичное употребление в торговых сделках кафиотов.

В том же кладе 1898 г. Находилась русская монета Великого князя Василия III (1425-1462), попавшая в Кафу, вероятно, благодаря контактам предков Тарахги или связанных с ними лиц с русскими землями. Важность этого нумизматического свидетельства повышается ввиду того, что в письменных источниках связи Кафы с Москвой документируются для более позднего времени - правления Ивана III.

Из западноевропейских монет наибольшее распространение, конечно, имели итальянские. Первая находка на территории Феодосии была сделана в 1898 г., когда в ходе раскопок был найден клад венецианских дукатов XIV - XVII в.; в его составе были 1 дукат Франческо Дандоло (1328-1339), остальные - XVI - XVII в. (169, №862), что определенно является отражением непрекращавшейся торговой активности итальянцев в турецкой Кефе (Феодосия) (65, с.270-271, 287-288; 116, №148, 154; 208, v. VI, p. 65-66). Затем, в 1908 г. был обнаружен клад из 10 венецианских цехинов, охватывающих период с 1343 по 1382 г., и 1 флорина римского сената (1350-1432) (1, 1908, д. №192, л. 1, 7, 8, 12-14; 5, л. 108, №216). 6 золотых венецианских монет дожей Франческо Дандоло (1328-1339), Андреа Дандоло (1343-1354), Джованни Градениго (1355-1356) найдены в Старом Крыму, на месте средневекового Солката, ближайшего к Кафе торгового пункта на сухопутном маршруте вглубь континента (5, л. 25, №6). Единичные находки золотых венецианских монет XIV - XV в. в Феодосии встречаются и поныне (300, с. 138).

Особый интерес представляет находка 3 генуэзских денариев и кварталов начала XIV в. в Старом Крыму в 1982 г. и потому, что находки генуэзских монет чрезвычайно редки, если не сказать единичны, и потому, что они определенно указывают на связь Кафы с Солкатом, связь, которая имела исключительное значение в кафской торговле с Севером. Будучи суверенными центрами в сфере политики, административного управления, бюджета, Кафа и Солкат составляли своеобразное урбанистическое двуединство. Кафа служила Солкату выдвинутым за городскую черту портом, а сам Солкат, в свою очередь, - караван-сараям для кафиотов, где за ними было закреплено постоянное место. Кафа назначала главу купеческой общины в Солкате, кафский нотариус оформлял там торговые сделки (100, №633-636, 728; 164, col. 390). Статуты начала XIV в. разрешали генуэзцам Кафы совершать закупки восточных и местных товаров на солкатском рынке, но запрещали вывоз каких бы то ни было импортных товаров (164, col. 408-409), что связано, на мой взгляд, со

стремлением генуэзского фиска привлечь солжатаских купцов на рынок Кафы. В XV в. генуэзская фактория Солжата начала эмиссию монеты такого же типа, что и аспр Кафы, имевшей однако не латиноязычную легенду вокруг изображения "портала генуэзцев", но арабскую надпись "Крым" (62, с. 69). Еще прежде там имел хождение крымский дирхем с легендой "Солжат" (300, с. 139), явившейся, как мне кажется, следствием итальянско-татарского симбиоза, поскольку ономастикон "Солжат", но не традиционный - "Крым", был характерен только для итальянской огласовки и итальянского круга источников.

Исходя из этого двуединства, я считаю возможным использовать для реконструкции связей Кафы не только монеты с легендой "Кафа" татарского и генуэзско-татарского происхождения, но и монеты с легендой "Солжат" или "Крым". Поскольку кафский чекан стадияльно наследует крымский, то этот методический подход приобретает важный для моего исследования смысл: он позволяет зафиксировать состояние торговых связей на двух различных этапах - конца XIII - XIV в. и XV в., когда углублялся процесс регионализации обмена.

Татарские дирхемы Крыма начали чеканиться с 60-х г. XIII в. Наиболее ранняя монета с легендой "Крым" относится к правлению хана Менгу-Тимура (1267-1280). С этого времени до конца XIV в. эмиссия крымского дирхема осуществлялась почти непрерывно. Кроме того, отдельные эмиссии предпринимались в первое десятилетие XV в., ставшее заключительным в его обращении. Многочисленно учтено 43 случая находок кладов и единичных монет крымского чекана. 11 из них приходится на бассейн Волги (78, №31а, 137, 138, 141, 150, 153, 160, 200; 79, №346, 421, 465). 13 отражают функционирование Донского торгового пути, в том числе одна находка сделана на месте бывшей переволаки с Верховьев Дона в Оку (г. Михайлов Рязанской области) (78, № 120, 158а, 163, 164, 167, 171, 215, 216, 218, 219, 220; 79, №171а). Далее, 5 кладов с крымскими монетами обнаружены в Поднепровье (78, №172, 176, 177, 177а, 229), 5 - в бассейне Днестра (48, №33; 78, №11, 11а, 12; 79, №586), 3 - в среднем течении Прута (545, №2, 10, 11), 2 - на Нижнем Дунае (80, №13с; 586, №5) и 4 в Верховьях Кубани (52, т. III, №877; 79, №527, 534, 539). Распределение монетных находок отражает некоторое преобладание Донского пути.

Что касается распространения собственно кафской монеты, то здесь, в первую очередь, следует определить содержание этого понятия. По качеству металла - это серебряные и медные монеты. Последние почти не выходили за пределы Кафы и потому не могут служить для характеристики внешних торговых связей. Серебряные же монеты представлены двумя основными группами: татарские и генуэзско-татарские, которые нередко отождествляются (477; 546). По устано-

вившейся традиции, монеты первой группы я буду называть дирхемами, а второй - аспрами. Кроме того, возможно выделение промежуточной группы - дирхемов с генуэзской надчеканкой.

На лицевой и оборотной сторонах дирхема помещены арабские легенды с джучидской тамгой. Принадлежность к эмиссии кафского монетного двора выражена надписью "Кафа" или "Кафа ал-Джедид", то есть "Кафа Новая". Эпигрф "ал-Джедид" - темен. Возможно, он был указанием на еще один монетный двор, который, в отличие от первого, находившегося в пределах крепости, располагался за крепостной стеной, у моря, вблизи татарского дворца, и который еще действовал в турецкое время (9, №21). Известные ныне дирхемы Кафы относятся к правлению только двух ханов - Шадибека и Пулада. Самый ранний экземпляр такого дирхема датируется 802 годом хиджры (1399-1400) (43, №1282).

Рис.38. Дирхем Кафы

Выявлено 19 кладов с дирхемами Кафы и 2 случая единичных находок (см.: Приложение №3; Топография, №10,21,23-32,34-35,37-41, 44,47). Все они датируются первой четвертью XV в. Характерно, что ни один из кладов с дирхемами Кафы не включает в себя генуэзско-татарских аспров, имеющих более позднюю датировку, 20-х г. XV в. Если топография находок дирхемов Крыма является показателем развития торговых связей главного города Крыма - Кафы - в период с конца XIII по конец XIV в., то картографирование находок дирхемов Кафы может использоваться для реконструкции торговых связей города начала XV в. Последующий период их развития отражает обращение аспра, самые ранние экземпляры которого относятся к правлению ордынского хана Улу - Мухаммеда (1418-1437) и астраханского хана Девлет - Берди (1420-1424) (ср.: 181, р.44-45; 215, р.463), а самые поздние - к правлению крымских Гиреев, до падения генуэзской Кафы в 1475 г. (62-64; 292). Переходную стадию между дирхемом и аспром, вероятно, занимали надчеканенные дирхемы.

Географически клады с дирхемами Кафы распределяются следующим образом: 11 кладов в бассейне Волги (см.: Приложение №3; Топография, №28,29,31,32,34,35,37-41), 7 - в бассейне Дона (см.: Приложение №3; Топография, №23-26,27,30,44) и 1 - в бассейне Днепра (Топография, №47). Из кладов, найденных в бассейне Волги, 1 локализуется Низовьем (Топография, №31), 3 - средним течением реки (Топография, №32,34,35), 1 найден на реке Оке, верхнем притоке Волги (Топография, №29), 5 - на территории Мордовии и Чувашии, Нижегородской области, точнее - в пределах между Окой и Волгой (Топография, №28,37-40) и, наконец, 1 - в Южном Приуралье (Топография, №41). Если дирхемы Крыма распределялись довольно

равномерно - в нижнем, среднем и верхнем течении рек, то дирхемы Кафы совершенно определенно тяготеют к Верховью, к Волго-Камскому и Волго-Окскому водоразделам. Здесь как бы сложились пограничные зоны территориального обмена. Так, в районе соединения Волги и Камы пролегалла граница обмена Булгара с распадавшейся Ордой, в районе Волго-Окского междуречья - граница обмена Московского княжества со степью.

Среди кладов Донского бассейна подавляющая масса также приходится на Верховья Дона. В частности, 5 кладов (см.: Приложение №3; Топография, №23-27) найдены в Тульской области, 1 - в верхнем течении Северского Донца (Топография, №44) и только 1 - на Нижнем Дону (Топография, №30). Также на Верховья приходится и единственный клад из Диспровского бассейна: он обнаружен в районе Новгород-Северского на притоке Днепра - Десне (Топография, №47). Тут также наблюдается распределение кладов в пограничных зонах. Клады из Тульской области как бы намечают границу Москвы с Верховскими княжествами. Находки в Новгород-Северском районе фиксируют западную границу тех же княжеств с польско-литовскими землями.

Обращают на себя внимание единичные находки дирхемов Кафы в Старом Крыму (Топография, №10) и в районе Прикумьска, на месте средневекового Маджара (Топография, №21). В последнем случае, находка позволяет фиксировать функционирование торгового пути из Кафы на Тамань, далее - вдоль Кубани и Кумы до Маджара, непосредственно сообщавшегося с городами Нижнего Поволжья (9, №24, 32, 35). Следует подчеркнуть, что Маджар сам обладал монетной регалией и проникновение на его рынок другой монеты не может объясняться дефицитом платежных средств (300, с.142-143). В таком контексте единичная находка кафского дирхема в пределах Маджара может служить показателем хорошо налаженных контактов между двумя центрами, в результате которого происходило случайное попадание кафской монеты.

Что касается аспров, то сюда относятся монеты с именем города Кафы в латинской легенде с тамгой Джучидов или Гиреев; аналогичные аспры с латинской легендой на одной из сторон, но не имеющие указания на место чеканя; наконец, аспры,

Рис.39-40. Аспры Кафы с тамгой Джучидов (вверху) и Гиреев (внизу)

вообще лишенные латинской легенды, но имеющие на одной из сторон "Порталло ди Дженовези" и арабскую надпись "Крым". Исходя из факта зависимости генуэзской общины в Солкате от Кафы, следует признать и примат последней в деле производства монеты с генуэзской символикой.

Многую выявлены сведения о 26 кладах с аспрами (см.: Приложение №3; Топография, №1,2,4-6,8,9,11-14,17-20,22,33,36,42,43,45,50-52,54,56) и о 8 случаях единичных находок (Топография, №3,11,15,16,46,48,49,55). Только два клада имеют сравнительно раннюю датировку: вторая четверть XV в. (Топография, №1,17), большинство других было зарыто в 60-80-е г. XV в. Четыре клада имеют позднюю датировку: XVII - XVIII в. Об одном из них, принадлежавшем татарину Тарахги, уже говорилось. В его составе аспры входят в группу монет, накопленных при Менгли-Гирее I и оставленных по видимому отцом последнего владельца денег. Другой клад (№4) так

Рис.41-42. Аспр Крыма (вверху), дирхем с генуэзской надчеканкой (внизу)

же представляет собой сокровище длительного накопления. Третий клад (№14) отличается большим своеобразием. В его составе выделяется монолитная группа турецких и гиреевских монет 885-909 г.х. (1480-1505), к которым примыкает 2 аспра Кафы последних лет генуэзского господства. С этой группой резко контрастируют находившиеся в том же кладе 1 боспорская монета и 1 монета Менгли-Гирея II 1137 г.х. (1724), являющаяся младшей, то есть датирующей клад, монетой. Возможно, здесь имело место вторичное со-

крытие клада, совершенное кладонскателем XVIII в., который и присовокупил к нему и боспорскую монету. В четвертом кладе (Топография, №19) подавляющая масса монет относится к 40-80-м г. XV в., причем турецкие и гиреевские монеты представлены в нем почти погодно вплоть до 1483 г. К тому же периоду (до 1475 г.) относятся и кафские аспры, содержащиеся в кладе. Хронологическое единство нарушается тремя русскими монетами: Владимира Ольгердовича (1362-1395), Ивана III (1462-1505) и Ивана IV (1533-1584). Если первые две монеты еще могут согласовываться с общим характером клада, поскольку монеты Владимира Ольгердовича обращались и после его смерти, а монеты Ивана III, возможно, выпущены в первые два десятилетия его правления, то монеты Ивана IV исключают их совместное существование в денежном обращении. Вполне

допустимо, что последняя монета случайно причислена к кладу (78,с.175). То есть, данный клад, вероятно, может быть датирован 1483 г., который отмечен на самых поздних гиреевских и турецких монетах. Таким образом, рассмотренные клады, несмотря на позднюю датировку, могут использоваться для характеристики связей Кафы XV в.

Географическое распределение аспров отличается определенной спецификой. Прежде всего, почти половина всех кладов с аспрами приходится на крымский полуостров (см.: Приложение №3; Топография, №1,2,4-6,8,9,11-14,17,18), причем, значительная часть - 4 клада - выявлена непосредственно в Феодосии (Топография, №1,2,4,5). Здесь же обнаружены случайные находки этого номинала (Топография, №3). Подобное наблюдение ставит под сомнение нередко высказываемый тезис об аспре как средстве международного обмена (477,р.664-666). Он, как можно видеть, служил разменной монетой, в основном, для нужд внутреннего обращения. Аспр использовался также в генуэзских факториях, зависевших в административном отношении от Кафы. Именно поэтому его находки встречаются в Старом Крыму, где существовала генуэзская община с избравшимся в Кафе консулом (Топография, №8,9,11), в Ялте (Топография, №13,14) и Алуште (Топография, №15), где действовали генуэзские официалы Джалиты и Лусты. Именно поэтому аспры отыскиваются в Керчи (Топография, №17), где находилась генуэзская крепость Воспоро, подчинявшаяся Кафе, в Азове (Топография, №30), где была колония лигурийцев Тана, в Белгороде-Днестровском (Топография, №49), где было генуэзское поселение Монкастро, на побережье Ейского лимана (Топография, №20), где генуэзские карты обычно помещали гавань Закхария, и на Тамани (Топография, №19), на территории которой находилась управлявшаяся консулом генуэзская колония Копя. Будучи изначально связанными с административно-фискальными отношениями между черноморскими колониями и Кафой, консул которой считался "консулом всех генуэзцев на Великом море и в Газарии", рассмотренные находки отражают одновременно устойчивые экономические связи Кафы с аграрно-промышленными районами Крыма и Северного Причерноморья.

И только оставшаяся половина находок кафских аспров связана с более отдаленной торговой активностью города в северном направлении, в силу того, что эта монета использовалась как весовое серебро, безотносительно к ее номиналу.

Прежде всего, примечательна находка клада с аспрами в Северо-Кавказском направлении, далеко от побережья Черного моря, в Ставрополье (Топография, №22), что позволяет уточнить прохождение одного из торговых путей в Прикаспий по Кубани и Куме.

Волжский торговый путь отмечен двумякладами с аспрами Кафы (см.: Приложение №3; Топография, №33,36), причем один из них приходился на Казань, являвшуюся экономической доминантой в зоне обмена Булгара с Ордой.

Более сильное выражение в торговле Кафы 20-70-х г. XV в. нашел Днепровский торговый путь, на котором выявлено 2 клада с аспрами (Топография, №42,43) и 2 случая единичных находок (Топография, №45,46). Характерно, что один клад обнаружен в Киеве, являвшемся основным центром в обмене Литвы с северными русскими землями и Верховскими княжествами. С функционированием того же пути связано проникновение аспров в Черниговскую область и даже в Литву (Топография, №46,48).

Наибольшее же значение в 20-70-е г. XV в. приобрела, по-видимому, торговля по "виа тартарика" и "виа молдавника". Только в районе Днестро-Прутско-Сиретского междуречья, с заходом в Подолию, найдено 5 кладов с аспрами Кафы (Топография, №50-52,54,56) и 2 случайные находки (Топография, №49,53). Из первоначального списка мне пришлось исключить строиницкий клад дирхемов с надчеканкой, которая со времен И.Толстого считалась кафской (1,1890, д.№82,л.2; 69,с.273) и которая, в действительности, воспроизводила графику литовских "колмои" (70,№74; 160,таp.III). В данном случае, распространение кафского аспра, несомненно, отражает связи Кафы с аграрно-скотоводческими районами молдавско-валашских княжеств. Особенно показательны случайные находки в Белгороде (Топография, №49), служившем крупным центром обмена как с ближайшей периферией, так и с более отдаленными польско-литовскими землями.

Говоря о распространении кафской монеты в западно-русские земли и сопредельные с ними области, следует указать на упоминание кафской монеты в письменных источниках XV в. Так, в одной из русских грамот говорилось об ущербе, причиненном в Белгороде московскому купцу Грише Алексеву. Он составил "60 рублей на кафинскую" (50,с.235), то есть 5,58 кг серебра в кафской монете - аспре (ср.: 428,с.292). В других грамотах имелись упоминания об ущербе, причиненном русским купцам на Таванском Перевозе, на пути в Киев, неизменно исчислявшемся в кафских денежных единицах (51,с.29-30). То есть, сопоставление данных нумизматики со свидетельствами письменных источников с большей определенностью указывает на субъекта, обеспечивавшего распространение монеты Кафы, что обычно остается скрытым при работе с монетным материалом. То были русские купцы, или подданные русского князя из числа армян, татар и других.

Наблюдения над составом кладов также заставляют говорить о преимущественной роли местного и восточноевропейского купе-

чества в реализации связей Кафы с Севером. Только в одном случае - в кладе из Кырпиц (см.: Приложение №3; Топография, №54) встречается высокий процент итальянских монет, способный указать на принадлежность всего скопления либо итальянцу, либо местному купцу, состоявшему в тесной связи с итальянцами. В остальных случаях клады состояли из джучидских или гиреевских монет в комбинации с монетами других государств Восточной Европы.

Так, в кладах, приходящихся на Волжский и Донской бассейны, в большинстве случаев преобладали монеты Джучидов. Включения русских монет встречались в кладах из Волго-Камского и Волго-Окского водоразделов. В кладе из района Муром (Топография, №29) русские монеты составляли подавляющее большинство - 99%. 96% русских монет содержалось в кладе из мордовского селения Паракино (Топография, №40). Достаточно высока доля русских монет в кладе из села Светино, около Казани (Топография, №35). Русские монеты содержались также в других кладах той же зоны (Топография, №34,37). Эти данные определенно указывают на направление торговых связей Кафы с русскими рынками, в которых должно было участвовать и русское население.

В кладах из Днестровско-Прутского междуречья закономерны включения монет государств, граничивших с Россией с Запада. Так, в кладе из молдавского села Кугурешты (Топография, №50) находились галицкие гроши (70%), пражские (20%) и львовские (1%) гроши и полугроши. Молдавские, польские, чешские и венгерские номиналы встречались в кладе из Подолы (Топография, №51). Находки кафских монет в таких сочетаниях отражают направление торговых связей Кафы с Галицкой Русью, а через нее - с Чехией и Венгрией.

Сопоставление топографии находок крымских и кафских монет способно дать представление о динамике торговых связей Кафы в XIII - XV в. Конечно, здесь придется учитывать, что дирхем Крыма входил в систему джучидского дирхема - основной денежной единицы на огромной территории от Средней Азии до Дуная, когда многие народы Восточной Европы еще не имели своих средств обращения, и потому его распространение обусловлено иными причинами. Далее, дирхем Крыма имел более продолжительный период эмиссии и обращения - с 60-х г. XIII в. до начала XV в. Несмотря на это, хождение крымского дирхема в северных землях уступает распространению кафской монеты 20-70-х г. XV в. и по количеству (44 клада и единичных находок против 56) и по географическому ареалу. То есть, экономические связи Кафы в северном направлении в XV в., когда средиземноморская торговля пребывала в состоянии кризиса, отнюдь не подверглись редукции, но, напротив, получили дальнейшее развитие. Обращает на себя внимание расширение географии распространения кафской монеты, когда она достигала пределов Урала и Каза-

ни на Северо-Востоке и границ Литвы на Западе. Главной линией торговых сообщений Кафы с Севером в XV в., как впрочем и в XIII - XIV в., оставался Волжский торговый путь (12 кладов); вторым по значимости был Донской путь (7 кладов). Наконец, следует подчеркнуть еще одно изменение: если монеты XIII - XIV в. распределялись равномерно, отмечая промежуточные этапы торговли, то монеты XV в. концентрируются в пограничных зонах обмена между различными политическими образованиями, тяготеют к узловым центрам торговли. Данное изменение должно находить объяснение в развитии территориального обмена, то есть обмена между различными территориально-государственными образованиями, складывавшимися в XIV - XV в.

В целом, обмен Север-Юг на уровне региона оказывается относящимся к аналогичному обмену в "мировом" масштабе как "микроскоп" к "макроскопу", ничуть не становясь менее значительным по объему, менее сложным и менее опосредованным. Интенсивная добыча крымской соли, столь необходимой уже ближайшим соседям, донским и кубанским рыболовам, находила оправдание в спросе на этот сакральный продукт, символизировавший очищение, здоровье и мудрость, у жителей как отдаленного Севера - русов, так и заморского Юга - греков и итальянцев. Громадные запасы причерноморского хлеба, без которого не могла прожить ни одного дня уже сама Кафа, потреблявшая до 1/5 всего проходившего через ее рынок товарного зерна, вызвали острейшую заинтересованность в этом мистическом аналоге "тела Христова" у приверженцев греческой церкви Трапезунда и Византии и одновременно у католиков Генуи и Венеции. Весьма значительные объемы северопрichernоморских промыслов осетрины и икры, составивших неотъемлемую часть рациона местных, крымских горожан, были одинаково значимы и для византийцев с трапезундцами, и для латинян. Собственно говоря, именно вывоз из Северного Причерноморья продукции аграрной сферы, скотоводства, промыслов и способен был обеспечить активный приток товаров не только из ближайших Трапезунда и Византии, но и из отдаленных Италии и Египта. Поступление дефицитных в Крыму золота и серебра в немалой степени обеспечивалось поставками "живого товара" Черноморского региона. Известное компенсаторное значение приобретала продукция местного, кафского, ремесла и крымского виноделия, как бы погашавшая дефицит в обмене с Севером.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, проблема Север - Юг, значимая в историко-культурном и историко-экономическом смыслах ничуть не меньше, чем проблема Запад - Восток, и кажущаяся при первом формулировании непосильной для одного историка, представляется разрешимой на уровне монографического исследования всей совокупности доступных исторических данных и фактов по отдельно избранному центру мировой торговли. В данном случае, выбор Кафы в качестве такового оказался оправданным и перспективным.

На мой взгляд, обмен между Севером и Югом имел гораздо большее значение в реальной жизни XIII - XV в., нежели это отразили слишком непосредственно прочитываемые тексты той эпохи и нежели это нашло освещение в предшествующей историографии. На средневековых "картах мира", трактатах о коммерции и других нарративных источниках сказались особенности тогдашнего менталитета, весьма консервативного и отстававшего на несколько столетий от действительного опыта XIV - XV в. Именно поэтому большинство средневековых авторов оказалось индифферентным к сообщениям о Севере; именно поэтому большинству средневековых свидетельств присуща односторонность информации: восточная для европейцев, совпадающая с ветхозаветным местонахождением Рая, и западная для левантийцев, ориентированная на мистическое царство Сивану, обитель мертвых.

В то же время, анализ товарной структуры мировой торговли XIII - XV в., новое прочтение некоторых повествовательных источников, например, Поло, Шильтбергера и других, говорит о существовании весьма отлаженных торговых связей в Северном направлении, включая его крайние пределы в Заполярье, говорит о действительном знакомстве с Севером как европейцев, так и левантийцев той поры. Похоже, именно характером распределения западного и восточного товарных потоков на Север мировая торговля средневековья существенно отличалась от предшествующего периода древней истории.

Проведенное мною исследование показывает гораздо большую весомость обмена с Севером в сравнении с давно изучаемой левантийской торговлей. Как мне удалось выяснить, на каждую единицу восточных товаров приходилось девять единиц товаров северных - мехов, моржовой кости, янтарного меда, воска и других. То есть, "специи", традиционно соотносимые с Востоком, в действительности имели "северный колорит".

Здесь макроструктурный уровень резюмирования мог бы уступить место микроструктурному, чреватому не менее интересными наблюдениями. Дело в том, что Кафа, как в капле воды отразившая

наиболее существенные характеристики мирового экономического континиума, занимала совершенно исключительное положение, будучи причастной и Северу, и Югу одновременно. Экономическая активность города только до определенной степени включала в себя дистрибуцию европейских и левантйских товаров в Северном и Южном направлениях. Кафа, может быть, гораздо больше имела отношение к распределению как на Север, так и на Юг продукции местной экономики, сложившейся благодаря редкому сочетанию природных богатств и человеческой энергии; это касается местной агрикультуры, в особенности не оцененного современной медиевистикой виноградарства и виноделия, дара южного тепла, и в то же время - заготовки рыбы и икры, характерной для Севера; это касается солеварения, достояния жарких широт, и одновременно - зерноводства, традиционного для умеренного климата; скотоводства, и прежде всего, культуры коня, присущей южной степи, и наряду с этим - пробойки воска и пушного промысла, отличающих Север. Наконец, это касается своеобразного феномена работорговли, присущего только данному региону и проистекавшему из естественного перенаселения, которое не могло быть разрешено ни средствами, известными на Юге, ни методами, применявшимися на Севере. Соединение этих различных по природе традиций производства, обмена и культуры стали силой и слабостью Кафы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Тосканский Аноним. [О торговле в Кафе и Тане] (начало XIV в.)

"... Теперь скажем о (рынке) Кафы. Что следует везти для продажи и обмена из Западных стран в Кафу: льняные ткани всех цветов, холст всех видов, кипрский камлот всех цветов, но, в особенности, темно-зеленый, темно-синий, желтый и голубой, сирийский хлопок всех видов, хлопок в клоках и пряженный всех видов, шафран, сахар в кусках, толстые шерстяные сукна Лангедока и Тури, Тулузы и Перпиньяна, сукна Шалона всех цветов, серебро в слитках, венецианский лак, ошпеченную медь в болванках, олово в слитках, железо всех сортов, кораллы, шлифованные и нешлифованные, амбру, шлифованную наподобие четок, столовое масло, греческое красное вино Неаполя и королевства, орехи и лесные орешки, миндаль и каштаны, ртуть и вермиллон, а также другие товары, как например, скорняжные изделия всех видов. Что везти из Кафы в страны Запада: беличий мех всякого качества, воск, конские и бычьи кожи, сырые и вымоченные, в большом количестве, зерно в избытке всех сортов ..." (113,р.314-315).

"... А что везти из Таны, или Черного моря, на Запад: шелк-сырец всех сортов, шелковые и шитые золотом материи всякого качества, специи всех видов, но немного, кроме сахара и шафрана. Можно везти также воск и осетровый балык в большом количестве, шкуры козьи и бычьи, сырые и вымоченные, в большом количестве, сало в кусках, восточный жемчуг всех видов ..." (113,р.314).

2. Тосканский Аноним. [О "Великом шелковом пути"]

"... Кто пожелает совершить поездку в Китай и пойдет из Генуи или Венеции, тому следует купить льняные ткани, толстое и тонкое сукно в таком количестве, в каком сможет, и потом - идти в Тану, откуда лежит прямой путь; он может следовать со своими товарами по суше, погрузив их на повозки, запряженные либо быками, либо лошадьми, либо верблюдами. Путь из Таны до Хаджитархана составляет 25 дней, передвигаясь на бычьей упряжи, и 12 дней, двигаясь на верблюжьей повозке; на этом пути встречаются монголы, или вооруженные татары. От Хаджитархана до Сарая - 1 день; здесь также встречаются татары; за этот день переходят реку. От Сарая до Сарайчика - 8 дней по воде, но можно идти как по воде, так и по суше, правда идти по воде - меньше риска для товаров. Из Сарайчика достигают Ургенча через 20 дней пути на верблюжьих повозках, или через 40 дней на воловьих повозках. Кто едет с товарами, может захватить в Ургенч: это очень выгодный для торговли город, где можно продать ткани и получить серебряные соммо; по желанию можно

оставить несколько тюков самой тонкой ткани и повезти с собой; после обмена можно продолжить путь с теми соммо серебра. От Ургенча до Отрара 35-40 дней пути на верблюдах. Кто же не имеет товара, может идти из Сарайчика прямо в Отрар, не заходя в Ургенч, и ему потребуется 50 дней, и здесь нет лучшего пути для торговли, если однако есть соммо. Впрочем, лучше всего пойти с тканями и продать их в Ургенче, получив самую высокую прибыль. Из Отрара до Алмалыка - 45 дней пути на выючных ослах; там повсюду встречаются монголы - очень воинственный народ. Из Алмалыка до Камесу - 70 дней пути на выючных ослах. От Камесу можно идти до реки, которую называют ... (пропуск в тексте - А.Е.) и через 45 дней на конях, или по реке, можно попасть в Кассай. Там следует продать все соммо, которые есть, потому что это выгодный для торговли край; на эти соммо получают бумажные деньги с печатью правителя, которые называются "балиши" и имеют хождение в пределах Китая. Из Кассая до Канбалька, главного города Китая - 30 дней. Таким образом, весь путь составляет от Таны 284 дня по суше и воде, как ты сам видел..." (113,р.315-316).

3. Топография кладов и единичных находок монет Кафы

1. г.Феодосия, 40-е г. XIX в., клад аспров Кафы второй четверти XV в., около 200 экземпляров (284,с.634).

2. г.Феодосия, 1898 г., денежно-вещевой клад, около 11 тыс. серебряных монет XIII - XVII в., из них 2 тыс. определенных. Хранились в большом и малом глиняных сосудах, причем малый был помещен внутри большого. В.С.Муралевич выделял 4 скопления: 1 - монеты малого сосуда, включавшие монеты джучидов от Мengu-Тимура (1266-1282) до Токтамыша (1379-1396) и аргунидов Науруз-Шаха и Аргун-Шаха; 2 - монеты, лежавшие поверх малого сосуда и завернутые в истлевшую ткань, включавшие монеты джучидов от Бек-Пулада (1389-1391) до Девлет-Берди (1420-1424); 3 - монеты, насыпанные между стенками большого и малого сосудов, представлены монетами Гиреев (1426-1515), османов - от Баязета I (1389-1403) до Баязета II (1481-1512), московского князя Василия III (1425-1462) и генуэзцев Кафы, то есть аспрами; 4 - монеты, насыпанные поверх монет третьего скопления и отделенные от них прокладкой, составляющие монеты Гиреев XVI - XVII в. (2,1924,д.№23,л.100 об. - 102 об.; 77,1,№49; 78,№255).

3. г.Феодосия, 20-е г. XX в., случайные находки аспров и фоллеры Кафы (2,1924,д.№23,л.97).

4. г.Феодосия, 1929 г., клад серебряных и медных монет XV - XVIII в., 292 определенных, из них 223 монеты Гиреев XV - XVIII в., 56 аспров Кафы, датирующихся временем правления миланского герцога Филиппо Марии Висконти (1421-1436), сеньера Генуи,

2 аспра Крыма, 6 медных монет с генуэзской надчеканкой, 1 медная монета с надчеканкой банка Сан Джорджо, 4 стерты (78, №257).

5. г. ФеоDOSия, 70-е г. XX в., клад аспров Кафы (300, с. 258).

6. д. Кишлак, Феодосийского района, 1925 г., клад серебряных монет XV - XVI в., определенных 336, младшая монета Михаила Федоровича (1613-1643), из них 318 Михаила Федоровича, 8 джучидских и 8 генуэзских (78, №253).

7. г. Старый Крым, 1893 г., клад из 306 серебряных монет, младшая монета 917 г.х. (1511), из них 108 монет Кафы гиреевского чекана 1492-1498 г. (169, №208)

8. г. Старый Крым, 1894 г., клад из 733 серебряных монет, младшая монета Хаджи-Гирея (1426-1466), из них 180 аспров Кафы, 3 дирхема Узбека с генуэзской надчеканкой (62, с. 72).

9. г. Старый Крым, 1897 г., найдено несколько аспров Крыма с тамгой и именем Улу-Мухаммеда (1418-1437) (62, с. 68).

10. г. Старый Крым, 1925 г., единичная находка дирхема хана Шадибека (1400-1407), чекапа "Кафа-ал-Джедид" (2, 1924, д. №23 л. 97),

11. г. Старый Крым, 80-е г. XX в., единичные находки аспров Кафы (Государственный Эрмитаж, Отдел Востока, хранитель М.Г. Крамаровский).

12. д. Ай-Василь, 1901 г., денежно-вещевой клад, 60 серебряных монет, 1 золотая припаяна к кольцу, младшая монета Хаджи-Гирея (1426-1466), из них 43 аспра Кафы, 13 монет Хаджи-Гирея, 1 монета астраханского хана Махмуда бен Мухаммеда бен Тимура (вторая четверть XV в.), 1 венецианский цехин дожа Джованни Мочениго (1414-1423) (I, 1901, д. №282, л. 15-18; 78, №233).

13. г. Ливадия, Ялтинского уезда, 1889 г., клад из 80 аспров Кафы и Крыма с тамгой и именем Гиреев (I, 1889, д. №21, л. 6, 12).

14. д. Улу-Сала, Ялтинского уезда, 1901 г., клад из 742 серебряных и 1 медной монет, младшая монета Менгли-Гирея II 1137 г.х. (1724), из них 730 монет Менгли-Гирея I (1468-1476, 1478-1515), 7 турецких акче Баязета I 886 г.х. (1480), 2 стертых аспра, 1 монета Менгли-Гирея II, 1 медная монета боспорских царей (I, 1901, д. №83, л. 14; 78, №240).

15. г. Алушта, конец 80-х - начало 90-х г. XX в., единичные находки аспров Кафы (Алуштинский историко-краеведческий музей).

16. г. Херсонес, начало XX в., находка 3 аспров Кафы (251, с. 70).

17. г. Керчь, 1909 г., клад серебряных монет, более 4 тыс. экземпляров, младшая монета Махмуда бен Мухаммеда бен Тимура (вторая четверть XV в.), 3431 аспр Кафы и Крыма (64, с. I).

18. Крымский полуостров, начало XX в., клад серебряных монет, младшая монета Менгли-Гирея I (+1515), монеты Гиреев (1426-1515) и аспры Кафы (78, №241).

19. ст.Петровская, Таманского отдела, 1909 г., клад серебряных монет, 23686 экземпляров, младшая монета Ивана IV (1533-1584), 20078 монет Гиреев, 2385 - османидов, 1107 аспров Кафы и Крыма, 113 монет астраханских ханов, 3 русских (I,1909,д.№199,л.9-10 об.; 38,№39; 52,вып.III,№880).

20. г.Ейск, 1889 г., клад серебряных монет, 605 экземпляров, младшая монета Менгли-Гирея I 887 г.х. (1482), 471 монета Гиреев, из которых 467 чеканены в городе Крым, 24 аспра Кафы, 15 джучидских дирхемов, из них 4 чеканены в городе Крым, 1 нечеканеный кружок (52,вып.VI,№643).

21. с.Маджары, Прикумского района, 1955 г., единичная находка дирхема хана Шадибека 806 г.х. (1403 г.), чекана "Кафа-ал-Джедид" (79,№522).

22. с.Саидатовское, Ставропольского уезда, 1891 г., клад из 54 серебряных монет, младшая монета Менгли-Гирея I 888 г.х. (1484), 1 аспр Кафы (I,1891,д.№158,л.2-2 об.; 52,вып.VII,№1822; 78,№225).

23. д.Драплях, Одоевского уезда, 1912 г., клад из 538 серебряных монет, младшая монета Халил Тимурида 807 г.х. (1405), из них 43 дирхема хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (I,1912,д.№303, л.5-7; 52,вып.VII,№1890; 78,№218).

24. д.Белый Колодец, Одоевского уезда, 1913 г., клад из 500 серебряных монет, младшая монета хана Пулада (1407-1410), из них 6 дирхемов хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (I,1913,д.№268; 78,№216).

25. Д.Хвалово, Бабынинского района, 1950 г., клад из 613 серебряных монет, младшая монета хана Чокре (1413-1415), из них 95 дирхемов хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид", 9 дирхемов хана Пулада чекана "Кафа-ал-Джедид" и "Кафа" (78,№215).

26. д.Шевелевка, Крапивинского района, 1953 г., клад серебряных монет около 4 кг, определенных 158 экземпляров, младшая монета хана Чокре (1413-1415), из них 27 дирхемов хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (80,№2246).

27. д.Китаевка, Тульского уезда, 1890 г., клад серебряных монет около 2,4 кг, определенных 1714 экземпляров, младшая монета Тимура (1410-1411), 1 дирхем хана Шадибека (1400-1407) чекана "Кафа-ал-Джедид", кроме того, монеты джучидов, джелаиридов, тимуридов, русских княжеств (I,1890,д.№73,л.2-5; 38,№150).

28. д.Петровка, Лукояновского уезда, 1913 г., клад из 108 серебряных монет, младшая монета хана Дервиша (1416-1418), из них 1 дирхем хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (I,1913,д.№207, л.4; 78,№206).

29. с.Молотицы, Муромского района, 1925 г., клад из 680 серебряных монет, младшая монета Михаила Андреевича Верейского

го (1438-1485), из них 1 дирхем хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (78, №209).

30. хутор Рогожкино, Азовского района, 70-е г., клад из 500 серебряных монет, прочитываемых 72, младшая монета хана Пулада (1407-1410), из них 19 дирхемов хана Шадибека и Пулада чекана Кафы (Азовский краеведческий музей, хранитель Н.М.Фомичев).

31. Шареный Бугор, Астраханского уезда, 1867 г., клад серебряных монет, более 4 тыс. экземпляров, 469 определимых, младшая монета Улу-Мухаммеда 822 г.х. (1419), 34 дирхема хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (I, 1867, д. №34, л.15; 78, №188).

32. Сеитилеевский леспромхоз, Ульяновской области, 1956 г., клад серебряных монет, 148 определимых, младшая монета хана Керим-Берди (1411-1412), 20 дирхемов хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (79, №188а).

33. д.Верхне-Алексеевка, Спасского уезда, 1895 г., клад из 430 серебряных монет, младшая монета астраханского хана Мустафы (вторая четверть XV в.), 1 аспр Кафы (I, 1895, д. №239, л.5-5 об.; 78, №190).

34. д.Христофоровка, Спасского уезда, 1873 г., клад серебряных монет, определимых 300 экземпляров, младшая монета Тимура и Суюргатмыша (1410-1411), 15 дирхемов хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (78, №200).

35. с.Светино, Мокринского района Татарии, 1936 г., клад серебряных монет, более 9 тыс. экземпляров, младшая монета Можайского князя Андрея Дмитриевича (1389-1432), 47 дирхемов Кафы ханов Шадибека (43) и Пулада (4) (78, №201).

36. г.Казань, клад из 595 серебряных монет, младшая монета Хаджи-Гирея 867 г.х. (1462), 4 аспра Кафы (I, 1893, д. №170, л.4-5; 78, №195).

37. д.Нимич-Касы, Красноармейского района Чувашии, 1957г., клад из 588 серебряных монет, младшая монета Мухаммед бен Тимура (1428-1431), 1 дирхем хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" 809 г.х. (1406) (46, №94).

38. д.Берсенева, Саранского уезда, 1912 г., клад серебряных монет, определимых 9 экземпляров, младшая монета хана Джелал ад-Дина (1410-1411), 1 дирхем хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" 807 г.х. (1404) (78, №204).

39. с.Малое Маресьево, Саранского уезда, 1884 г., клад из 435 серебряных монет, младшая монета хана Пулада 811 г.х. (1408), 8 дирхемов хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" (I, 1884, д. №36, л.2-3 об.; 78, №205).

40. с.Паракино, Мордовия, 1961 г., клад из 2422 серебряных монет, младшая монета хана Пулада 811 г.х. (1408), 14 дирхемов ха-

на Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" 807 и 809 г.х. (1404, 1406) (80, №208а).

41. д.Большая Ремизенка, Бузулукского уезда, 1894 г., клад из 165 серебряных монет, младшая монета хана Кибяка (1412-1416), 5 дирхемов хана Шадибека чекана Кафы 807 г.х. (1404) (I,1894,д. №196,л.4; 78,№203).

42. д.Старые Буды, Звенигородского уезда, 1863 г., клад из 2212 серебряных монет и 5 серебряных слитков, определены 31 экземпляр, из них 17 аспров (39,№100; 112,в.XLII,№211).

43. г.Киев, начало XX в., клад из 1140 серебряных монет, 20 аспров Крыма (169,№98).

44. Бабаевская волость, Харьковского уезда, 1893 г., клад из 425 серебряных монет джучидов (1380-1412), в том числе дирхемов чекана Кафы (I,1893,д.№59,л.4; 169,№65).

45. хутор Богодаровка, Бахмутского уезда, 1867 г., найдено 5 аспров (169,№66).

46. д.Сосница, Черниговской области, 1920 г., единичная находка аспра Кафы XV в. (169,№85).

47. д.Нвота, Новгородсеверского уезда, 1887 г., клад из 517 серебряных монет, определено 20 экземпляров, младшая монета астраханского хана Сейид Ахмеда (вторая четверть XV в.), 3 дирхема хана Шадибека чекана "Кафа-ал-Джедид" 805 и 809 г.х. (1402, 1406) (I, 1887,д.№11,л.26-26 об.).

48. г.Турайск, Литва, конец XIX в., единичная находка аспра Кафы с литовской контрамаркой (8,№40; 160,№50).

49. Аккерманский уезд, 1898 г., единичная находка аспра Кафы с именем хана Девлет-Берди (1420-1424) (I,1898,д.№9,л.63).

50. с.Кугурешты, Молдавия, 1957 г., денежно-вещевой клад, 591 монета, младшая монета хана Уду - Мухаммеда (1418-1437), 5 аспров Крыма, 3 дирхема с генуэзской надчеканкой (48,№5).

51. д.Райковицы, Проскуровского уезда, 1886 г., клад серебряных монет, 1006 экземпляров, младшая монета Менгли-Гирея I (+1515), 21 аспр Кафы, 6 джучидских дирхемов с литовской надчеканкой (I,1886,д.№60,л.16,20-22; 70,№75; 636,№129).

52. Подольская губерния, 60-е г. XIX в., клад серебряных монет XV в., в том числе аспров Кафы и Крыма (300,с.264).

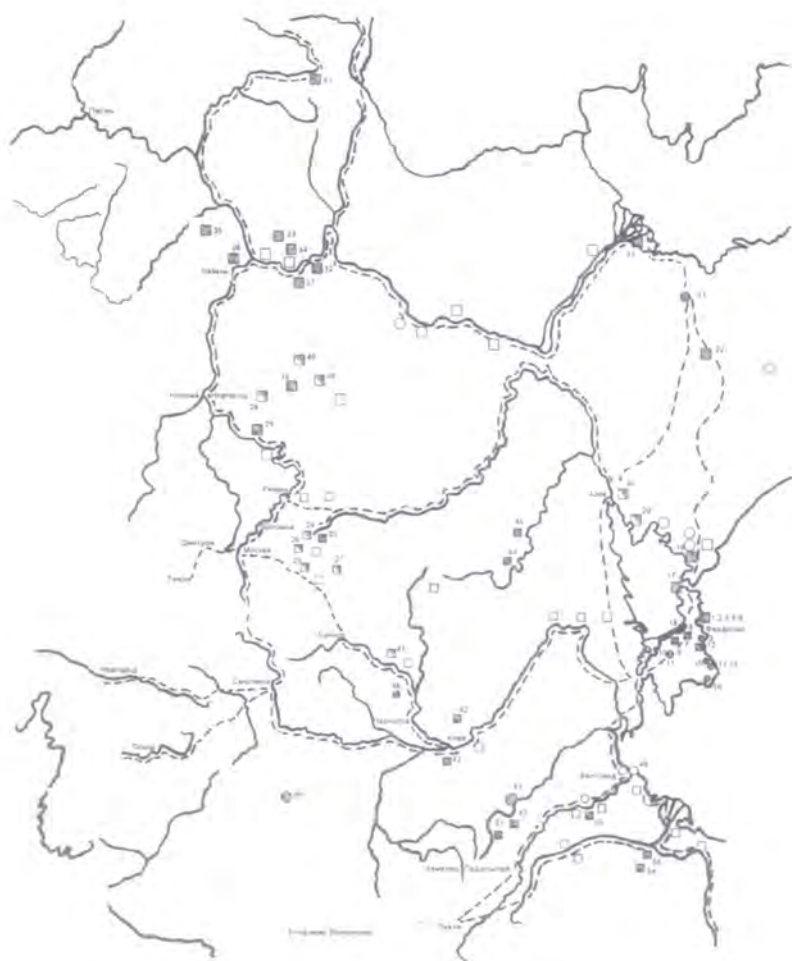
53. Подольская губерния, 90-е г. XIX в., единичные находки дирхемов с контрамаркой генуэзской Кафы (I,1890,д.№82; 79,№578)..

54. с.Кырпицы, Румыния, 50-е г. XX в., клад золотых и серебряных монет конца XIV - первой половины XV в., из них 5 аспров Кафы (545,№13).

55. г.Галац, Румыния, 60-е г. XX в., находки аспров Кафы (300, с.265).

56. Местонахождение не установлено; начало XX в., клад аспров Кафы и Крыма (64,с.14).

4. Карта распространения монет Крыма и Кафы

□ Клады с монетами Крыма ○ Одичочные находки монет Крыма

▨ Клады с монетами Кафы ○ Одичочные находки монет Кафы

▨ Клады с монетами Крыма и Кафы

5. Состав кладов с дирхемами Кафы

№	Место находки	Дата	Число дир- хемов Кафы	%	Доля прочих монет
1	2	3	4	5	6
23.	д.Драглях	1405	43	7,99	91,83% - джучидских, 0,19% - тимуридских, 0,19% - османидских
24.	д.Белый Колодец	Пулад (+1410)	6	1,2	98,8% - джучидских
25.	с.Хвалово	Чокре (+1415)	104	16,97	83,03% - джучидских
26.	д.Шевелевка	Чокре (1415)	27	0,42	99,58% - джучидских
27.	д.Китаевка	Тимур (+1411)	1	0,04	99,85% - джучидские и татарско-русские, 0,08% - джеланские, 0,3% - тимуридские
28.	д.Петровка	Дервиш (+1418)	1	0,93	99,07% - джучидских
29.	с.Молотницы	Михаил Андреевич Верейский (+1485)	1	0,15	99,41% - русские, 0,44% - джучидские
30.	х.Рогожкино	Пулад (+1410)	19	3,5	10,6% - джучидских, 85,9% - неопределимых
31.	Шареный Бугор	Улу- Мухам- мед (1419)	34	7,25	92,75% - джучидских
32.	Сенгилевский леспромхоз	1 четв. XV в.	20	13,5	86,05% - джучидских
34.	д. Христофоровка	Тимур (+1411)	15	5	94% - джучидских 1% - русских
35.	с.Светино	Андрей Дмитриевич Можайский (+1432)	47	0,5	86,3% - джучидских 13,2 % - русских
37.	с.Нимич-Касы	Мухаммед бей Тимур (+1431)	1	0,17	99,49% - джучидских 0,34% - русских

1	2	3	4	5	6
38.	д. Берсенева	Джелал ад-Дин (+1411)	1	11,1	88,9% - джучидских
39.	с. Малое Маресьево	Пулад (+1410)	8	1,83	97,94% - джучидских 0,23% - джагатайских
40.	с.Паракино	Пулад (+1410)	14	0,58	96, 32% - русских, 3,04% - джучидских
41.	д.Большая Ремизенка	Кибяк (+1416)	5	3,03	96, 97% - джучидских
44.	Бабаевская волость	1412	5	0,8	99,2% - джучидские
47.	д. Нвота	Сейид Ухмед (2 четв. XV в.)	4	0,77	джучидские

6. Состав кладов с генуэзско-татарскими аспрами

№	Место находки	Дата	Кол-во аспров	%	Доля прочих монет в кладе
1	2	3	4	5	6
1.	г.Феодосия	2 четв. XV в.	200	100	0
2.	г.Феодосия	1611	?	?	Джучидские, османидские, гиревские, хулагуидские, русские
4.	г.Феодосия	XVIII в.	65	22,26	76,36% - гиревские, 1,38% - неопределимые
5.	г.Феодосия	сер. XV в.	?	100	0
6.	д.Кишлав	Михаил Федорович (+1643)	8	2,38	94% - русских, 2,38% - джучидских, 0,62% - немецких, 0,62% - польских
8.	г.Старый Крым	Хаджи-Гирей (+1466)	108	24,56	75% - гиревских, 0,41% - джучидских с контрамарками
9.	г.Старый Крым	Улу-Мухаммед (+1437)	?	100	0
10.	д. Ай-Василь	Хаджи-Гирей (+1466)	43	71,66	21,66% - гиревских, 1,66% - астраханских ханов, 5,02% - неопределенных
13.	г.Ливадия	1475	80	100	0
14.	д.Улу-Сала	1724	2	0,26	94,6% - гиревских, 1,17% - турецких, 5,02% - неопределенных
17.	г.Керчь	Махмуд бен Мухаммед бен Тимур 2 четв.XV в.)	3431	85,78	14,19% - джучидских с генуэзской надчеканкой, 0,03% - астраханских ханов
18.	Крымский полуостров	Менгли-Гирей I (+1515)	?	?	гиревские
19.	ст.Петровская	Иван IV (+1584)	1107	4,67	84,77% - гиревских, 10,07% - османидских, 0,48% - астраханских, 0,01% - русских

1	2	3	4	5	6
20.	г.Ейск	1482	24	3,97	92,72% - гиреевских, 3,31% - неопределенных
22.	с. Сандатовское	1484	1	1,85	88,89% - гиреевских, 9,25% - джучидских
33.	д. Верхне-Алексеевка	Мустафа (2 четв. XV в.)	1	0,23	99,77% - джучидских
36.	г.Казань	1462	4	0,67	98,66% - джучидских, 0,67% - гиреевских
42.	д. Старые Буды	XV в.	17	0,77	98,58% - неопределенных, 0,58% - джучидских, в том числе с надчеканкой, 0,07% - сербских
43.	г. Киев	XV в.	20	1,75	?
45.	х. Богодаровка	XV в.	5	100	0
50.	с. Кугурешты	Улу-Мухаммед (+1437)	5	0,85	70,22% - галицких грошей, 19,97% - пражских грошей, 1,18% - львовских, 7,28 - джучидских
51.	д. Райковичи	Менгли-Гирей I (+1515)	21	2,09	90,33% - гиреевских 6,28% - пражских грошей, 0,3% - польских, 0,1% - молдавских, 0,1% - венгер- ских, 0,6% - джучидских, 0,2% - неопределенных
52.	Подольская губ.	XV в.	?	?	?
54.	с. Кырпицы	XV в.	5	16,13	25,81% - гиреевских, 9,68% - генуэзских, 9,68% - джучидских, 3,23% - венецианских, 35,47% - неопределенных
56.	Местонахождение не известно	XV в.	?	100	0

7. Франческо Бальдуччи Пеголотти [О пристанях Северного Причерноморья]

"... Первым портом от Тапы является Порто Пизано, где могут грузиться навалы грузоподъемностью 2000 модиев Перы (507,8 т - А.Е.) на расстоянии 5 миль (8,67 км - А.Е.) от берега, меньшие же суда загружаются ближе соответственно тому, больше они, или меньше. И меры веса в Порто Пизано - одинаковы с Кафой; следующей гаванью является Кабарди, где останавливаются любые навалы на расстоянии 10 миль (17,34 км - А.Е.) от берега, но могут загружаться всякие мелкие суда; и меры веса Кабарди - больше, чем меры Кафы на 0,5%. Третьим портом является Лобуосом (Россо - А.Е.), где становятся на якорь в 5 милях (8,67 км) от берега, причем все небольшие суда; и меры веса - общие с Кабарди. Четвертым портом является Иполи (Полописи - А.Е.), где все небольшие корабли грузятся в 5 милях от берега; и меры веса в Иполи - единые с Лобуосомом. Пятым портом является Воспоро, где можно разгружаться и загружаться на расстоянии одного корпуса навалы (23-37 м - А.Е.) от берега, и притом всем судам; и там одни и те же меры веса с Иполи. Шестой порт находится в Кафе и это - прекраснейший порт, где можно останавливаться рядом с берегом соответственно тому, как велико судно и какая нужна глубина. И меры веса Кафы полностью едины с мерами веса Порто Пизано. Седьмая гавань - в Ле Фети и это - отличнейшая гавань, где все суда загружаются рядом с пристанью на расстоянии одного корпуса навалы, и там - общие с Кафой меры измерения.

Со стороны Зихии, первым портом к Тапе является Бальзимаки (Печенеги - А.Е.), где пристают к берегу на расстоянии 3 миль (5,2 км) все небольшие суда; и там меры веса - больше, чем в Кафе на 1%. Второй порт - Тар, там грузятся в 3 милях от берега; и там меры измерения - общие со всеми портами Зихии. Третий порт - Пеше, где все суда могут грузиться на расстоянии 5 миль от берега; и меры там - единые с остальной Зихией. Четвертая гавань находится в Сан Джорджо, но так как это - скверная гавань, там никто не пристаёт..." (149,р.54-55).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
ВВ	- Византийский временник
ВИ	- Вопросы истории
ВИМОИДР	- Временник императорского Московского общества истории и древностей российских
ВО	- Византийские очерки
ЗНИУ	- Записки Новороссийского императорского университета
ЗООИД	- Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	- Записки Русского археологического общества
ИГАИМК	- Известия государственной академии истории материальной культуры
ИЗ	- Исторические записки
Изв. АН	- Известия Академии наук
ИИАК	- Известия императорской археологической комиссии
ИТОИАЭ	- Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	- Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ	- Историко-филологический журнал
КСИИМК	- Краткие сообщения института истории материальной культуры
МИА	- Материалы института археологии
НВ	- Новый Восток
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика
ПС	- Палестинский сборник
СА	- Советская археология
СВ	- Средние века
СГАИМК	- Сообщения государственной академии истории материальной культуры
СИРИО	- Сборник императорского русского исторического общества
СОРЯС РАН	- Сборник отделения русского языка и словесности Российской академии наук
УЗ	- Ученые записки
A.E.S.C.	- Annales. Economies. Societes. Civilisations.
AFH	- Archivum franciscanum historicum
AFP	- Archivum fratrum praedicatorum
AP	- Archeion Pontou
ASI	- Archivio storico italiano
ASLSP	- Atti della societa Ligure di storia Patria
ASLSP.NS	- Atti della societa Ligure di storia Patria. Nuova serie.
BB.-Sofia	- Byzantinobulgarica

BF	- Byzantinische Forschungen
BHR	- Bulgarian historical review
BS	- Byzantinoslavica
CS	- Critica storica
CMRS	- Cahiers du monde russe et soviétique
HPM	- Historiae patriae monumenta
RESEE	- Revue des études sud-est européennes
ROL	- Revue de l'Orient Latin
RRH	- Revue roumaine d'histoire
RSI	- Rivista storica italiana
SG	- Studi genuensi
SV	- Studi veneziani;

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ И РУКОПИСНЫХ ОТДЕЛОВ БИБЛИОТЕК

Архив Института Археологии РАН (С.-Петербург)

1. Фонд Императорской Археологической Комиссии (1859-1916) // Ф.1. Оп.1.
2. Фонд Государственной Академии истории материальной культуры (1924-1935) // Ф.2. Оп.1
3. Отчеты об археологических исследованиях Феодосийского историко-краеведческого музея (1917-1937) // Ф.35. Оп.1.

Государственный Эрмитаж. Отдел нумизматики

4. Архив Отдела нумизматики. Новые поступления // Ф.1. Оп.5. 1903. Д. №16.
5. Архив Отдела нумизматики. Книга поступлений. 1893-1910.
6. Иверсен Ю.Б. Список кладов по губерниям в алфавитном порядке: Рук.-СПб., Б.г.
7. Инвентарный каталог генуэзско-татарских монет / Сост. Г.Б. Шагорина. - СПб., Б.г.
8. Щекотихин Н.Н. Топография кладов с литовскими монетами на территории Древнего Литовского государства: Рук.-Б.м., 1932-1934.

Библиотека РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург)

9. Собрание рукописных карт, №21-24, 32, 35, 40.

Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел редкой и рукописной книги (С.-Петербург)

10. Agnese, Battista. Atlas.-Vnetilis, 1546.
11. Russus, Jacobus. Mare Majus.-Palermo, 1569.
12. Russus, Jacobus. Mare Majus.-Messana, 1577

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

13. Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки.- Ташкент: Фан.,1985. -768 С.

14. Адъгн, балкарцы и карачасцы в известиях европейских авторов XIII - XIX в. / Сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи В.И.Гарданова.-Нальчик: Эльбрус, 1974.-635 С.

15. Акчокраклы О. Старокрымские надписи // ИТОИАЭ.-Симферополь, 1929.-Т.III.-С.152-159.

16. Акчокраклы О. Старокрымские и Огузские надписи XIII-XV в. // ИТОИАЭ -Симферополь,1927.-Т.I.-С.5-17.

17. Аль Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей: Минералогия.-М.: АН СССР, 1963.-518 С.

18. Альберт Великий. Малый алхимический свод // Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII в.-М.,1980.-С.347-392.

19. Антонович В.Б. Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического Съезда.-М.,1901.-Т.I.-С.1-133.

20. Армяно-итальянские связи: Генуэзские документы о крымских армянах / Под ред. В.А.Микаэляна.-Ереван: АН АрмССР,1974.-187 С.(на арм.яз.)

21. Ахмад Ибн Маджид. Книга польз в рассуждении основ и правил морской науки/ Пер.Т.А.Шумовского.-М.: Наука,1985.-Т.I.

22. Барбаро, Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Пер.Е.Ч.Скрябинской.-Л.: Наука,1971.-С.113-187.

23. Броневский, Мартин. Описание Крыма // ЗООИД.-Одесса,1867.-Т.VI.-С.332-350.

24. Валафрид Страбон. Садик. Одо из Мена. О свойствах трав. Арнольд из Вишлановы. Салернский кодекс здоровья.-М.: Ин-тербук,1992.-223 С.

25. Ватикански ръкописи и документи като извори за българската история /Пуб. И.Дуйчева// Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и секретни архив на Ватикана (XI-XVII в.)-София,1978.-С.10-145.

26. Вопиские повести Древней Руси /Сост. Н.В.Паньрко.-Л.:Лениздат,1985.-495 С

27. Галонифонтбус, Иоанн, де. Сведения о народах Кавказа (1404): Из соч. "Книга познания мира" /Пер. с англ. З.М.Буниятова.-Баку:Элм,1980.-42 С.

28. Гандзакеси, Киракос. История Армении /Пер. Л.А. Ханларян.-М.: Наука,1976. -357 С.

29. Герберштейн С. Записки о Московии. -М.: МГУ, 1988.-429 С.
30. Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова.-Б.м., 1870.-98 С.
31. Государственный исторический музей. Отдел тканей.: Каталог.-М.: ГИМ, 1968.
32. Данилевич В.С. Монетные клады Киевской губернии до первой четверти XV в. // Труды IX Археологического съезда.-М.,1897.-Т.I.-С.260-265.
33. Даркевич В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X - XIV в.): Свод археологических памятников.-М.: Наука,1966.-147 С.+36 табл.
34. Джовио, Паоло. Книга о московитском посольстве /Пер. А.И.Малеина // Все народы едино суть.-М.,1987.-С.479-500.
35. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. /Пер. И.П. Медведева // ВВ.-М.,1977.-Т.XXXVIII.-С.161-172.
36. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. / Пуб. и пер. С.П.Карпова // Причерноморье в средние века.-М.: МГУ,1991.-С.191-216.
37. Задонщина Великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича / Пер. И.И.Срезневского.-СПб.,1858.-52 С.
38. Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X - XI в. и монет удельного периода.-Л.: ГАИМК,1924.-58 С.+2 карты.
39. Ильин А.А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. -Пг.: Госиздат,1921.-62 С. +1 карта.
40. Клавихо, Рюи Гонзалес, де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403-1406 г. / Пер. И.И.Срезневского // СОРЯС РАН.-СПб.,1881.-Т.XXVIII.-№1.-С.1-455.
41. Клавихо, Руй Гонсалес, де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406) / Пер., предисл. и коммент. И.С.Мироковой.-М.: Наука,1990.-211 С.
42. Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Пер. Е.Ч.Скржинской.-Л.: Наука,1971.-С.188-234.
43. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа.-СПб.,1890.-873 С.
44. Материалы по истории русской картографии / Изд. подгот. В.Кордт: В 2-х вып. и 3-х сер.-Киев,1899-1910.
45. Мемуары, относящиеся к истории Южной России / Пер. К.Мельник.-Киев,1890.-Вып.1.-191 С.
46. Мец Н.Д. Клады монет, зарегистрированные ГИМ в 1955-1958 г. // Ежегодник государственного исторического музея.1958.-М.,1960.-С. 52-89.

47. Никитин, Афанасий. Хождение за три моря / Изд. подгот. Я.С.Лурье и Л.С.Семенов.-Л.: Наука,1986.-213 С.
48. Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет.-Кишинев: Штиинца,1976.-196 С.
49. Опись домашнего имущества Ивана Васильевича // ВИМОИДР.-М.,1850.-Кн.VII.-С.1-46 (разд. паг.)
50. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией (1474-1505) / Изд. Г.Ф.Карпов // СИРИО.-СПб.,1884.-Т.XLI.-558 С.
51. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством (1487-1533) / Изд. Г.Ф. Карпов //СИРИО.-СПб.,1882.-Т.XXXV.-870 С.
52. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа: в 9-ти вып.-Баку,1926-1966.
53. Полное Собрание Русских Летописей.-М.,1965.-Т.VIII.
54. Полное Собрание Русских Летописей.-М.,1965.-Т.XI-XII.
55. Полное Собрание Русских Летописей.-М.,1965.-Т.XXII.
56. Полное Собрание Русских Летописей.-М.,1965.-Т.XXIII.
57. Полное Собрание Русских Летописей.-М.,1965.-Т.XXIV.
58. Поло, Марко. Книга /Пер. И.П.Минаева.-М.: Госиздат,1955.-375 С.
59. Потин В.М. Золотые западные монеты на территории русского государства XIV-XVII в. // Русская нумизматика XI-XX в.-Л.,1979.-С.5-28.
60. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрика / Пер. А.И.Малеина.-М.: Географлит.,1957.-270 С.
61. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей: В 3-х т.-М.; Л.,1946-1960.
62. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты // ИИАК.-СПб.,1906.-Вып.XVIII.- С.1-72+6 табл.
63. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты г.Каффы //ИТУАК.-Симферополь,1897-1901.-Вып.I-III.
64. Ретовский О.Ф. Новые генуэзско-татарские монеты // ИИАК.-Пг.,1914.-Вып.LI.-С.1-14+1 табл.
65. Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований.-СПб.,1913.-Т.II.-Вып.II.
66. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений / Пер. В.Г.Тизенгаузена.-М.; Л.: АН СССР,1941.-Т.II.-306 С.
67. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских / Пер. В.Г.Тизенгаузена.-СПб.,1884.-Т.I.-563 С.

68. Сведения итальянских путешественников XV в. о Грузии / Пер. Э.М.Мамиствалишвили.-Тбилиси: Мецниереба,1981.-101 С. (на груз. яз.)
69. Сецинский Е.Н. Археологическая карта Подольской губернии // Труды XI Археологического съезда.-М.,1901.-Т.I.-С. 197-355.
70. Сиверс А.А. Топография кладов с пражскими грошами.-Пг.: РАИМК,1922.- 35 С.+2 табл.
71. Скржинская Е.Ч. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма.-М.,1958.-С.155-175.
72. Собрание государственных грамот и договоров.-М.,1813.-Ч.1.
73. Українські грамоти XV ст.-Київ,1965.
74. Упоминание о Московской Руси XV в. в документе флорентийского архива / Пер. А.Г.Еманова // Советские архивы.-М.,1989.-№3.
75. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер., вступит. стат. и примеч. В.Н.Юргевича //ЗООИД.-Одесса,1863.-Т.V.-С.629-857.
76. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья.-Киев: Наукова думка,1951.-138 С.
77. Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики // СГАИМК.-М.; Л.,1926.-№1; 1929.-№2.
78. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ.-М.,1960.-Т.I.-С.94-192.
79. Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ.-М.,1963.-Т.IV.-С.165-221.
80. Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века.-М.,1974.-С.176-181.
81. Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику.-М.: МГУ,1982.-255 С.
82. Хенниг Р. Неведомые земли.-М.: Иностран.лит.,1962.-Т.III.-471 С.
83. Хождение Игнатия Смолянина // ПС.-СПб.,1887.-Т.IV.-Вып.III.-С.3-27
84. Шильтбергер, Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1407 г. / Пер. Ф.К.Бруна // ЗНИУ.-Одесса,1867.-Т.I.-Вып.1/2.-С.1-156.
85. Шильтбергер, Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Под ред. З.М.Бунятова.-Баку: Элм,1984.-86 С.
86. Южнорусские грамоты / Изд. подгот. В.Розов.-Киев: Печерская лавра,1917.-Т.I.-176 С.

87. Юргевич В. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД.-Одесса,1863.-Т.V.-С.629-857.

88. Языческая Сибирь начала XV в. в описании западноевропейского христианина: "Книга путешествий" Иоганна Шильтбергера / Пер. и коммент. А.Г.Еманова // Религия и церковь в Сибири.-Тюмень,1990.-Вып.I.-С.58-62.

89. Ярлыки крымских ханов / Изд. подгот. И.Березин // ЗООИД.-Одесса,1872.-Т.VIII.-С.10-23 (разд. паг.)

90. Acta et diplomata graeca medii aevi / Ed. F. Miklosich, J.Muller.-Vindobonae,1860-1887.-Vol.I-V.

91. Actes des notaires genoise de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siecle (1281-1290) / Pub. par G.Bratianu.-Bucarest,1927.-375 P.+4 tabl.

92. Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorchati in Crimea nel 1434 // ASLSP. NS.-Genova,1976.-Vol.XVII.-Fasc.II.-P.509-517.

93. Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare.-Bordighera,1974.-564 P.

94. Akta grodzkie i ziemskie z czasow rzeczywospolitey Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego w Lwowie / Ed. A.Stadnicki.-Lwow,1868-1906.-Т.I-XIX.

95. Alfieri A. Ogdoas / A cura di A.Ceruti // ASLSP.-Genova,1885.-Vol.XVII.-P.253-320.

96. Andreescu S. Trois actes des Archives de Genes concernant l'histoire de la Mer Noire au XV siecle // RESEE.-Bucarest,1983.-An.XXI.-N1.-P.31-50.

97. Annali di geografia / A cura di G.Graberg // Scuteria la vecchia.-Genova,1802.-Т.II.-№LXXXIV.-P.285-291.

98. Annali genovesi di Caffaro e de suoi continuatori / A cura di L.Belgrano e C.Imperiale.-Roma,1890-1926.-Vol.I-V.

99. Argenti Ph. The Occupation of Chios by the Genoese and their administration of the Island, 1346-1566.-Cambridge: U.P.,1958.-Vol.I-III.

100. Balard M. Genes et l'Outre-mer. T.I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290.-P.; La Haye: Mouton & C, 1973.

101. Balard M. Genes et l'Outre-mer. T.II: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo (1360).-P.; La Haye; N.Y.: Mouton & C,1980.-209 P.

102. Balard M. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Cipro da Lamberto di Sambuceto (1296-1299).-Bordighera,1983.-236 P.

103. Balard M. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Cipro. Lamberto di Sambuceto (1304-1305). Giovanni de Rocha (1308-1310).-Bordighera,1984.-418 P.

104. Balard M. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chio da Donato di Chiavari (1394).-Bordighera,1988.-306 P.

105. Balard M., Laiou A.E., Otten-Froux C. Les italiens a Byzance: Edition et presentation de documents.-P.: Pub. de la Sorbonne,1987.-196 P.

106. Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec.XIV).-Bordighera,1973.-242 P.

107. Balletto L. Genova. Mediterraneo. Mar Nero (sec.XIII-XV).-Genova,1976.-305 P.

108. Banescu N. Archives d'Etat de Genes: "Officium Provisionis Romanie" // RESEE.-Bucarest,1966.-An.IV.-№3-4.-P.575-591.

109. Banescu N. Archives d'Etat de Genes: "Officium Provisionis Romanie" //RESEE.-Bucarest,1967.-An.V.-№1-2.-P.235-263.

110. Banescu N. Le declin de Famagouste: Notes et documents.-Bucarest: Bucovina,1946.-116 P.

111. Bargellesi Severi A. Nuovi documenti su fr. Lodovico da Bologna // AFH.-Firenze,1976.-T.LXIX.-P.3-22.

112. Bauer N. Die Silber und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift.-Wien,1929.-Bd.LXII.-S.77-120; Bd.LXIV.-S.61-100.

113. Bautier R.H. Points de vue sur les relations economiques des occidentaux avec les pays d'Orient au moyen age // Actes du VIII Colloque internationale d'histoire maritime.-P.: S.E.V.P.,1970.-P.311-331.

114. Beldiceanu N. Les actes des premiers sultans conserves dans les manuscrits turcs de la Bibliotheque nationale a Paris.-P.: La Haye: Mouton & C,1960.-T.I.-194 P.

115. Belgrano L.T. Cinque documenti genovesi-orientali // ASLSP.-Genova,1885.-Vol.XVII.-P.223-250.

116. Belgrano L.T. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLSP -Genova,1877-1884.-Vol.XIII.-P.97-336.

117. Belgrano L.T. Seconda serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLSP.-Genova,1884.-Vol.XIII.-P.932-1003.

118. Bertolotto G. Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll'impero Bizantino // ASLSP.-Genova,1896.-Vol.XXVIII.-Fasc.I.-P.339-533.

119. Blau O. Die orientalischen Munzen des Museums der historisch-archaologischen Gesellschaft zu Odessa.-Odessa,1876.

120. Bogdan J. Documentele lui Stefan cel Mare.-Bucuresti,1913.-Vol.II.-611 P.

121. Boldorini A.M. Caffa e Famagosta nel "Liber mandatorum" dei revisori dei conti di San Giorgio (1464-1469).-Genova: Universita di Genova,1965.-153 P.

122. Bologna M. Notai ignoti: Frammenti notarili medioevali.-Roma,1988.-404 P.

123. Borlandi F. El libro di mercatantie et usanze de'paesi.-Torino: S.Lattes & C,1936.-212 P.

124. Bratianu G. Vicina. T.I: Contributions a l'histoire de la domination byzantine et du commerce genois en Dobrogea // Bulletin de la section historique Academie Roumaine.-Bucarest,1923.-T.X.-P.167-189.

125. Bratianu G. Vicina. T.II: Contributions a l'histoire de Cetatea-Alba aux XIII et XIV siecles // Bulletin de la section historique Academie Roumaine.-Bucarest,1927.-T.XIII.-P.1-7.

126. Bratianu G. Recherches sur Vicina et Cetatea Alba.-Cluj: Universite de Cluj,1935.-220 P.

127. Buongiorno M. L'amministrazione genovese nella "Romania": Legislazione-Magistratura-Fisco.-Genova: Fratelli Bozzi,1977.-Vol.I.-374 P.

128. Chwolson D. Corpus inscriptionum hebraicarum.-St.Pb.,1882.-527 P.

129. Ciano C. La "pratica di mercatura" Datiniana (sec.XIV).-Milano: A.Giuffre,1964.-255 P.

130. Codex diplomaticus civitatis Cracoviensis.-Krakau,1879.

131. Colli S., de. Moretto Bon, notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403-1408).-Venezia: Il comitato ed.,1963.-65 P.

132. De Capmany y de Monpalau A. Memorias historicas sobre la marina, comercio y artes de la antigua ciudad de Barcelona: In 2 vol.-Barcelona,1961-1963.

133. Delatte A. Les portulans grecs.-Liege,1947.-Vol.I.

134. Delatte A. Les portulans grecs.-Bruxelles,1958.-Vol.II.

135. Delaville le Roulx J. La France en Orient au XIV siecle: Expéditions du marechal Boucicaut: In 2 vol.-P.: E.Thorin,1886.

136. Desimoni C. Actes passes a Famagouste de 1299 a 1301 par devant le notaire genois Lamberto di Sambuceto // Archives de l'Orient Latin.-P.,1881.-T.I; 1882.-T.II.

137. Desimoni C. Trattatto dei genovesi col chan dei tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare // ASI.-Firenze,1887.-Vol.XX.-P.161-165.

138. Desimoni C., Belgrano L.T. L'atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T.Luxoro // ASLSP.-Genova,1867.-Vol.V.

139. Die Chroniken der deutschen Stadte / Von K.Hegel.-Leipzig,1862.-Bd.I.-528 S.

140. Diplomatarium Veneto-Levanticum sive Acta et Diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia / Ed. M.Thomas.-Venetiis.1880.-P.I.

141. Diplomatarium Veneto-Levanticum / Ed. R.Predelli.-Venetiis,1899.-P.II.

142. Documents inedits relatifs a l'histoire de la Grece au moyen age / Pub. par C.N.Sathas.-P.,1880-1882.-T.I-III.

143. Dolger F. Regesten der Keiserurkunden des Ostromischen Reichs von 565 bis 1453 J.: In 5 Bd.-Munchen; B.: V. von C.H.Beck,1960-1965.-T.IV-V.

144. Dochaerd R. Les relations commerciales entre Genes, la Belgique et l'Outremont d'apres les Archives notariales genois aux XIII et XIV siecles.-Bruxelles; Rome,1941.-Vol.I-III.

145. Dochaerd P., Kerremans Ch. Les relations commerciales entre Genes, la Belgique et l'Outremont d'apres les Archives notariales genois 1400-1600.-Bruxelles; Rome,1952.

146.Dopp P.H. Traite d' Emmanuel Piloti sur le Passage en Terre Sainte (1420).-Louvain; P.: E. et P.Nauwelaerts,1958.-302 P.

147. Dorini U. e Bertele T. Il libro dei conti di Giacomo Badoer.-Roma,1956.-857 P.

148. Edler F. Glossar of mediaeval terms of business (Italian Series 1200-1600).-Cambridge Mass.: The Mediaeval Academy of America,1934.-430 P.

149. Evans A. La pratica della mercatura di Francesco Balducci Pegolotti.-Cambridge Mass.: The Mediaeval Academy of America,1936.-443 P.

150. Fenster E. Zur Fahrt der venezianischen Handelsgaleeren in das Schwarze Meer 1362. // BS.-Prague,1978.-An.XXXIX.-№2.-S.161-195.

151. Ferretto A. Codice diplomatico delle relazioni fra la Liguria, la Toscana e la Lunigiana ai tempi di Dante (1265-1321) // ASLSP.-Roma,1901-1903.-Vol.XXXI.-Fasc.I-II.

152. Firkowitsch A. Altjudische Denkmaler aus der Krim.-SPb.,1876.-288 S.

153. Folieta U. Historia genuensium.-Genua,1585.

154. Gioffre D. Atti rogati in Chio nella seconda meta del XIV secolo // Bulletin de l'Institut historique Belge de Rome.-Bruxelles; Rome,1962.-T.XXXIV.-P.319-404.

155. Gioffre D. Lettere di Giovanni da Pontremoli, mercante genovese 1453-1459.-Genova,1982.-264 P.

156. Gioffre D. Liber institutionem cabellarum veterum.-Milano: A.Giuffre,1967.-349 P.

157. Giustiniani A. Annali della Republica di Genova.-Torino,1537.

158. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano.-Quaracchi,1906-1929.-Vol.I-V.

159. Gronbech K. Codex Cumanicus.-Kopenhagen: Levin & Munksgaard,1936.-82 fol.

160. Gumowski M. Numizmatyka Litewska wiekow srednich.-Krakow,1920.

161. Harkavy A. Altjudische Denkmaler aus der Krim // Memoires de l'Academie des sciences.-SPb.,1876.-R.VII.-Bd.XXIV.-S.1-288.

162. Hondius J. Atlas minor Gerardi Mercatoris.-Amsterdami, 1628.

163. Il compasso da navigare: Opera italiana della meta del secolo XIII / A cura di B.R.Motzo.-Cagliari: Universita di Cagliari,1947.

164. Imposicio Officii Gazariae / A cura di L.Sauli // HPM.-Torino,1838.-T.II.-Col.306-430.

165. Interiano G. La vita e sito de'Zichi chiamati Circassi: Historia notabile.-Venezia,1502.

166. Jorga N. Acte si fragmente cu privire la istoria Romanilor.-Bucuresti,1897.-Vol.III.-P.24-60.

167. Jorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XV siecle // ROL.-P.,1896-1900.-T.IV-VIII.

168. Jorga N. Un viaggio da Venezia alla Tana // Nuovo Archivio Veneto.-Venezia,1896.-T.XI.-P.I.-P.5-13.

169. Kotlar N. Znaleziska monet z XIV-VIII w. na obszarze Ukrainiskiej SRR.-Wroclaw: Ossolineum,1975.-320 S.

170. Krekic B. Dubrovnik (Raguse) et le Levant au moyen age.-P.; La Haye: Mouton & C,1961.-437 P.

171. Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters // Veröffentlichungen des Instituts für Meeres-Kunde und des Geographischen Instituts an der Universität Berlin.-B.,1919.-H.XIII.-S.1-688.

172. Lannoy G. Aeuves / Pub. par Ch.Potvin.-Louvain,1878.

173. Leges Genuensis // HPM.-Torino,1901.-Vol.XVIII.-Col.741-796.

174. Lettera d'Alberto Campense intorno le cose di Moscovia // Ramusio G.B. Delle navigazioni e viaggi.-Venetiis,1558-1559.-Vol.II.-P.126-131.

175. Le Voyage d'Outremer de Bertrandon de la Broquiere / Pub. par Ch.Schefer.-P.,1892.

176. Liagre de Sturler L. Les relations commerciales entre Genes, la Belgique et l'Outremont d'apres les Archives notariales genevoises (1320-1400): In 2 vol.-Bruxelles; Rome,1969.-Vol.I.-362 P.

177. Lisciandrelli P. Trattati e negoziazioni politiche della Republica di Genova (958-1797) // ASLSP. NS.-Genova,1960.-Vol.I.

178. Lituani M. De moribus tartarorum.-Basiliae,1515.

179. Lombardo A. Nicola de Boateriis, notaio in Famagosta e Venezia (1355-1365).-Venezia: Il comitato ed.,1973.-439 P.

180. Lopez R.S. Nouveaux documents sur les marchands italiens en Chine a l'epoque mongole // Comptes rendus de l'Academie des inscriptions et belles-lettres.-P.,1977.-Avril-juin.-P.445-457.

181. Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi // ASLSP. NS.-Genova,1980.-Vol.XX.-Fasc.I.-P.1-316.

182. Mandeville J., von. Von seltsamen Landern und wunderlichen Volker: Ein Reisenbuch von 1356.-Leipzig: VEB Brockhaus, 1986.-228 S.
183. Manetti G. Elogi dei genovesi / A cura di G.P.Balbi.-Milano: Marzorati Ed., 1974.-193 P.
184. Manfroni C. Le relazioni fra Genova, l'Impero Byzantino e i Turchi // ASLSP.-Genova, 1898.-Vol.XXVIII.-Fasc.III
185. Mas-Latrie C.A. Privileges commerciaux accordés a la Republique de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kipchak // Bibliotheque de l'Ecole des Chartes.-P., 1868.-Vol.XXIX.-P.581-595.
186. Mas-Latrie C.A. Traite de paix et de commerce et documents divers.-P., 1868.
187. Massa P. Alcune lettere mercantile toscane da colonie genovesi alla fine del '300 // ASLSP. NS.-Genova, 1971.-Vol.XI.-Fasc.II.-P.345-355.
188. Melis F. Aspetti della vita economica medievale: (Studi nell'Archivio Datini di Prato).-Siena: L.Olschki, 1962.-729 P.
189. Melis F. Documenti per la storia economica dei secoli XIII-XVI.-Firenze, L.Olschki, 1972.-628 P.
190. Mercator G. Atlas minor.-Amsterodami, 1631.
191. Morozzo della Rocca R. Catay // Miscellanea in onore di R.Cessi.-Roma, 1958.-Vol.I.-P.299-303.
192. Morozzo della Rocca R. Lettere di mercanti a Pignol Zucchetto (1336-1350).-Venezia: Il comitato ed., 1957.-146 P.
193. Morozzo della Rocca R. Notizie da Caffa // Studi in onore di A.Fanfani.-Milano, 1962.-Vol.III.-P.265-295.
194. Muller G. Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll'Oriente cristiano e coi turchi.-Firenze: M.Cellini, 1879.-532 P.
195. Musso G. Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (secc.XIV-XV).-Roma, 1975.-302 P.
196. Nicephori, Gregorae. Byzantinae Historiae // Patrologiae cursus completus.-P., 1865.-T.CXLVIII-CXLIX.
197. Noiret H. Documents inédits pour servir a l'histoire de la domination venitienne en Crete de 1380 a 1485 // Bibliotheque des Ecoles francaises d'Athenes et de Rome.-P., 1892.-T.LXI.
198. Nordenskiöld A.E. Periplus.-Stockholm: P.A.Norstedt & Soner, 1897.-208 P.
199. Origone S. Notai genovesi in Corsica: Calvi 1370. Bonifacio 1385-1386.-Genova, 1979.-260 P.
200. Orlandini V. Tariffa zoe noticia di pexi e misure di luogi e tere che s'adovra mercadantia per il mondo.-Venezia, 1925.
201. Ortelius A. Theatrum orbis terrarum.-Antverpiae, 1570.
202. Pagnini della Ventura G. La pratica della mercatura scritta da Giovanni di Antonio da Uzzano nel 1442 // Della Decima e delle altre

gravezze imposte dal commune di Firenze.-Lisbon; Lucca,1766.-Vol.IV.-284 P.

203. Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360-1361).-Bordighera,1971.-205 P.

204. Polo M. Il Millione / A cura di M.Malvano.-Torino: G.Einaudi,1982.-260 P.

205. Polonio V. L'amministrazione della "res publica" genovese fra tre e quattrocento: L' Archivio "Antico comune" // ASLSP. NS.-Genova,1977.-Vol.XVII.-Fasc.I.-P.1-328.

206. Pommiki dziejowe Lwowa z archivum miasta.-Lwow,1892-1905.-T.I-III.

207. Promis V. Statuti della colonia genovese di Pera // Miscellanea di storia italiana.-Torino,1870.-T.XI.-P.513-780.

208. Regesti dei "Libri Commemoriali" / Ed. R.Predelli.-Venezia,1876-1914.-Vol.I-VIII.

209. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Pera e Mitilene. T.I: Pera, 1408-1490.-Bordighera,1982.-326 P.

210. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Pera e Mitilene. T.II: Mitilene,1454-1460.-Bordighera,1982.-180 P.

211. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chio (1453-1454,1470-1471).-Bordighera,1982.-312 P.

212. Rubruk W. Itinerarium// Recueil de voyages et de memoires.-P.,1839.-T.IV.-P.13-396.

213. Santarem M.F.,de. Atlas compose de mappemondes et de cartes hydrographiques et historiques depuis le XI jusqu'au XVII siecle.-P.,1842.

214. Schiltberger J. Reisen in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427/ Hrsgb. von K.F.Neumann.-Munchen,1859.-466 S.

215. Schlumberger G. Numismatique de l'Orient Latin.-P.: E.Leroux, 1878.-504 P.

216. Sebellico A.B. Felice de Merlis, prete e notaio in Venezia ed Ayas (1315-1348).-Venezia: Il comitato ed.,1973.-Vol.I.-568 P.

217. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee// ASLSP.-Genova,1928.-Vol.LVI.-P.1-141.

218. Statuti della Liguria/ A cura di G. Rossi// ASLSP.-Genova,1878.-Vol.XIV.

219. Statuto di Caffa/ A cura di A.Vigna// ASLSP.-Genova,1879.-Vol.VII.-P.II.-P.567-680.

220.Stella G. Annales Genuenses/ A cura di L.A.Muratori// Rerum Italicarum Scriptores.-Mediolani,1730.-Vol.XVII.

221. Tafur, Pero. Andancas e viajes por diversas partes del mondo avidos (1435-1439)// Libros raros.-Madrid,1874.-T.VIII.-P.I.-320 p.

222. Thiriet F. Deliberations des assemblees venetiennes concernant la Romanie: In 2 tt.-P.: La Haye: Mouton & C, 1966-1971.

223. Thiriet F. Regestes des deliberations du senat de Venise concernant la Romanie: In 3 tt.-P.; La Haye: Mouton & C,1958-1961.

224. Thomas G.M. Periplus des Pontus Euxinus// Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.-Philosoph.-philolog. Klasse.-Munchen,1866.-Bd.X.- S.223-290.

225. Urkunden zur alteren Handels-und Staatsgeschichte `der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und Levante/Hrsgb.von G.L.Tafel und G.M.Thomas// Fontes Rerum Austriacarum.Diplomata et Acta.-Vindobona, 1855-1857.-Vol.XII-XIV.

226. Wadding L. Annales minorum.-Romae,1733.-T.IV-VI.

227.Wyngaert A., van den. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV.-Quaracchi,1929.

228. Varagine J., de. Cronaca di Genova/ A cura di G. Monleone.- Roma,1941

229. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S.Giorgio// ASLSP.-Genova,1868-1879.-Vol.VI-VII.

230. Zimmerman F., Werner C., Miller G. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen.-Sibiu,1897.-T.III

ЛИТЕРАТУРА

231. Айбабин А.И. Работы на территории средневековой Каффы// АО 1972.-М.,1973.-С.251.

232. Айбабина Е.А. Кашиная керамика из Каффы// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.-Симферополь, 1991.-Вып. II.-С.92-96.

233. Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы// Архитектурно- археологические исследования в Крыму.-Киев: Наукова думка,1988.-С.67-81.

234. Алексеенко Н.А. Печать папы Римского Александра IV из окрестностей Балаклавы: /К проблеме итальянской колонизации в Юго-Западном Крыму/ // Из истории Крыма: Тез.-Симферополь, 1991.-Ч.I.-С.4-6.

235. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII - XIV в.-М.:Вост. лит.,1962.-40 С.

236. Асесв Ю. Работы Алевиза Нового в Крыму// Строительство и архитектура.-Киев,1959.-№12.-С.30-31.

237. Архимандрит Савва (Тихомиров). Указатель для обозрения патриаршей ризницы.-М.,1858.

238. Багров Л.С. Древние карты Черного моря.-Л.,1939.-32 С.

239. Бадян В.В. Генуэзська феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії дореформеної Росії //Питання історії народів СРСР.- Харків,1969.-Вып.VI.-С.135-141.

240. Бадян В.В. Генуэзська феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії капіталістичного періоду// Вісник Харківського ун-ту. -Харків,1970.-Вып.XLV.-С.48-53.

241. Бадян В.В. Радянська історіографія генуэзської колонізації Північного Причорномор'я у XIII-XV ст.// Вісник Харківського ун-ту.-Харків,1967.- Вып.XXII.-С.103-111.

242. Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIV-XV в.// Феодальная Таврика.- Киев,1974.-С.174-189.

243. Баранов И.А. Византия и Восток в системе организации ремесла и торговли средневековой Сугдеи// Из истории Крыма: Тез.-Симферополь,1991.-Вып.I.-С. 11-13.

244. Барсамов Н., Заболотский П. Путеводитель по Феодосийскому музею.- Феодосия,1927.-22 С.

245. Бартольд В.В. Европейец XIII в. в китайских ученых учреждениях// Записки Восточного отделения Русского археологического общества.-СПб., 1914.-Т.XXII.

246. Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV в.-Киев: Наукова думка, 1982.-117 С.

247. Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. -Тбилиси: Мецниереба,1989.-288 С.

248. Бертъе-Делагард А.Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде// ИТУАК.-Симферополь, 1920.-Вып.LVII.-С.1-27.

249. Близнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре 1192-1373.-М.: МГУ, 1994.

250. Близнюк С.В. Международная торговля на Кипре в 1192-1373 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.-М.: МГУ, 1990.-20 С.

251. Богданова Н.М. Херсон в X-XV в.: Проблемы истории византийского города// Причерноморье в средние века.-М.: МГУ, 1991.-С.5-172.

252. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVII в.: В 3-х т.-М.: Прогресс, 1986-1992.

253. Брун Ф.К. О дипломатических сношениях Египетского султана Бейбарса с золотоордынским ханом Берке// ЗООИД.-Одесса, 1867.-Т. VI.

254. Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии// Труды I археологического съезда.-М., 1869.-Т. II.-С.365-403.

255. Брун Ф.К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России: В 2-х Ч./ ЗНИУ.-Одесса, 1879.-Т. XXVIII.-С.77-353 (разд.плаг.); 1880.-Т. XXX.

256. Български средновековни градове и крепости.-Варна: Г.Бакалов, 1981.- Т. I.-440 С.

257. Васильев А.А. Готы в Крыму// ИГАИМК.-М.; Л., 1927.-Вып. V.

258. Васильев А.А. Проблемы средневекового Крыма// НВ.-М., 1923.-N3.-С.378-386.

259. Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского// Труды.-Пг., 1915.- Т. III.-С.156-207.

260. Ведров В.М. Об итальянских колониях в XIII в. в Хазарии// Труды I археологического съезда.-М., 1869.-Т. II.-.404-407.

261. Векслер А., Мельникова А. Московские клады.-М.: Московский рабочий, 1973.-263 С.

262. Вернадский Г.В. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога// *Seminarium Kondakovianum*.-Prague, 1927.- Т. I.-Р.43-84.

263. Веселовский А.Н. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев// Записки Русского географического общества.-М., 1869.-Т. II.

264. Веселовский А.Н. Новые сведения о Каффе и крымских татарах из начала XV в.// Журнал Министерства народного просвещения.-М., 1888.-Ч. CCLVI.- №4.-С.332-338.

265. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов.-Л.: АН СССР, 1934.-223 С.

266. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII в.- М.,1980.-399 С.

267. Волков М. О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в.// ЗООИД.-Одесса,1858.-Т.IV.

268. Волков М. Четыре года города Каффы 1453, 1454, 1455, 1456// ЗООИД.-Одесса, 1872.-Т.VIII.- С.109-144 (разд.паг.)

269. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей.- Краснодар,1979.

270. Габашивили В.Н. Торговля пленными в средневековой Европе//Изв. АН ГССР. Сер. Ист., археол., этнограф. и ист.иск.-Тбилиси 1983.-N4.- С.29-48 (на груз.яз.)

271. Гваберидзе Ц.М. Монетное дело и монетное обращение в Восточной Грузии XIV в.: Автореф.дисс. ... канд.ист.наук.-Тбилиси:Гос.ист.музей,1983.

272. Генуэзский меч, найденный в Крыму// ЗООИД.-Одесса,1844.-Т.I.-С.624.

273.Гольдшмидт И.А. Каффа - генуэзская колония в Крыму в конце XIII- первой половине XV в.: Автореф.дисс. ... канд.ист.наук.-М.: МГУ,1952.-24 С.

274. Гольдшмидт И.А. Некоторые данные о ремесленном производстве в Каффе XIII-XV в.// СВ.-М.,1957.-Вып.Х.-С.195-205.

275. Голейзовский Н. Дионисий и его современники// Искусство.-М.,1980.- №6.-С.57-60.

276. Григорьев В. Монеты джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове// ЗООИД.-Одесса,1844.- Т.I.-С.301-314.

277. Грушевский М. История Украины Руси: В 6-ти т.-Київ; Львів,1907.-Т.VI.

278. Гуковский М.А. Сообщение о России московского посла в Милан /1486/ // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР.-М.; Л.,1963.-С.648-655.

279. Гюзелев В. Средневековна България в светлината на нови извори.-София: Народна просвета,1981.-259 С

280. Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XV в.// Феодальная Таврика.-Киев,1974.-С.189-214.

281. Данилова Э.В. К истории генуэзских колоний в Крыму// Материалы XXX науч. сессии Крымского Мед.ин-та.-Симферополь, 1969.-Вып.II.-С.264-268.

282. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма.- Киев,1966.

283. Домбровский О.И., Сидоренко В.А.Солхат и Сурб-хач.-Симферополь,1978.

284. Дополнения и поправки к статье В.Григорьева. Монеты джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове// ЗООИД.-Одесса,1844.-Т.I.-634.

285. Дундуа Г.Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Грузии XV в.: Автореф.дисс. ... канд.ист.наук.-Тбилиси: АН ГССР,1965.-21 С.

286. Дьяков-Тарасов А. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ// НВ.-М.,1930.-Т.XXVIII.-С.148-156.

287. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV в.-М.: Наука, 1985.-244 С.

288. Еманов А.Г. Авантюриный стиль мышления западноевропейца и "Север"// Этика Севера.-Томск,1992.-Т.II.-С.130-142.

289. Еманов А.Г. Восточное направление торговли Кафы в XIII-XV в.// Вестник ЛГУ. Сер. Ист.,яз.,лит.-Л.,1986.-Вып.III.-С.99-102.

290. Еманов А.Г. Италия и Левант в XIII-XV в.: Проблема экономических отношений// Проблемы истории Запада: /Античность, средние века, новое время/. -Омск,1991.-С.74-83.

291. Еманов А.Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма// Византия и ее провинции.-Свердловск,1982.-С.62-68.

292. Еманов А.Г. К проблеме аспра в итальянской торговле в Северном Причерноморье XIII-XV в.// Проблемы социальной истории и культуры средних веков.-Л.,1986.-С.158-166.

293. Еманов А.Г. Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII - XV в.) // Из истории Византии и византийоведения.-Л.,1991.-С.107-116.

294. Еманов А.Г. Левантиец в представлениях итальянца XIII-XV в.// Европа на этапе от классического средневековья к новому времени.-Тюмень,1991.- С.16-29.

295. Еманов А.Г. Левантийская лексика в нотариальных актах Кафы XIII-XV в.// Востоковедение.-СПб.,1993.-Т.XVIII.-С.164-172.

296. Еманов А.Г. Морской транспорт: Его владельцы и паниматели (Черноморский бассейн XIII-XV в.) //Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез.-Старочеркасская; Ростов-на-Дону,1990.-С.43-45.

297. Еманов А.Г. Развитие торговых связей Кафы в XIII-XV в.// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI в.- Ростов-на-Дону, 1989.-С.17-24.

298. Еманов А.Г. Русско-итальянские экономические связи в XIII-XV в.// Общественно-политическая жизнь дореволюционной России.-Тюмень,1990.-С.33-45.

299. Еманов А.Г. Северопричерноморская периферия Латинской Романии XIII-XV в.: Этно-социальный аспект// XVIII Международный конгресс византистов: Рез.- М.,1991.-Т.I.-С.304-305.

300. Еманов А.Г. Система торговых связей Кафы в XIII-XV в. Дисс. ... канд. ист. наук.-Л.: ЛГУ,1986.-267 С.

301. Еманов А.Г. Это средневекового купца: (Размышления над итальянскими частно-правовыми актами XIII-XV в.) // Человек и историческая эпоха.-Тюмень,1992.-С.4-10.

302. Житков Б.М. О происхождении слова "соболь"// Бюллетень Моск. общества использования природы. Отд.биол.-М.,1940.-Т.XIX.-N3/4.-С.131-136.

303. Жуков К.А. Торговые связи Венеции и Генуи с эгейскими эмиратами Айдын и Ментеше/XIV - начало XV в./ // Тюркологический сборник 1979 г.-М.,1985.- С.34-49.

304. Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV - XV в.-М.: Наука,1988.

305. Заболоцкий-Десятковский А.П. Хозяйственно-статистический атлас Европейской России.-СПб.,1851.

306. Зайончковский А. "Летопись Кипчацкой степи" как источник по истории Крыма// Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы.-М., 1969.-С. 10-27.

307. Залесская В.Н., Крамаровский М.Г. Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII-XIV в.-Л.: Эрмитаж,1990.-38 С.

308. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. О социальных отношениях в генуэзских колониях XV в.// ИЗ.-М.,1940.-Т.VII.

309. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII-XV в.// ИЗ.-М.,1938.-Т.III.- С.72-129.

310. Зоогеографическая карта СССР.-М.,1960.

311. Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI в.-Ростов-на-Дону,1989.-С.24-31.

312. Караулов Г. О торговом значении Феодосии в древности и средние века// Одесский вестник.-Одесса,1859.-№8.-С.512-514.

313. Карпов С.П. Венецианская работоторговля в Трапезунде /конец XIV-начало XV в.// ВО.-М.,1982.-С.191-207.

314. Карпов С.П.Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города// ВВ.-М.,1983.-Т.XLIV.-С.81-84.

315. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV в.: Проблемы торговли.-М.: МГУ,1990.-336 С.

316. Карпов С.П. Контракт комнды в итальянской торговле в Южном Причерноморье XIII-XV в.// ВВ.-М.,1987.-XLVIII.-С.23-32.

317. Карпов С.П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV-середина XV в.)// ВВ.-М.,1986.-Т.XLVII.-С.17-23.

318. Карпов С.П. О торговых привилегиях морских республик в Трапезундской империи// ВВ.-М.,1990.-Т.ЛІ.-С.23-31.

318а. Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII - XV в. -М.: Вост. Лит., 1994. -158 с.

319. Карпов С.П. Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в.: (Преимущественно по данным массариев Каффы) //ВВ.-М.,1986.- Т.XLVI.-С.139-145.

320. Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII - XV в. // ВВ.-М.,1989.-Т.Л.-С.26-35.

321. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV в.-М.: МГУ,1981.-227 С.

322. Карпов С.П. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII-первой половины XV в.// ВВ.-Sofia,1981.-Vol.VII.-P.239-245.

323. Карпов С.П. Что и как праздновали в Каффе в XV в.??? СВ.-М., 1993.-Вып.LVI.-С.226-232.

324.Кацня Р.Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами / конец XIII-XV в./: Автореф.дис. ... канд.ист.наук.-М.: Ин-т Истории СССР АН СССР, 1985.-18 С.

325. Кацня Р.Н. Экономическая экспансия средневековой Генуи на Западном Кавказе// Изв. Абхазского ин-та яз.,лит. и ист.-Тбилиси, 1989.-Т.XV.- С.38-62.

326. Кварчия В.Е. Ойконимы Абхазии в письменных источниках.-Сухуми,1985.-77 С.

327. Кебуладзе Г.Ф. Обращение европейских монет в Грузии в XV-XVIII в.- Тбилиси: Мецниереба,1971.-149 С./ на груз.яз./

328. Кеппен П. Крымский сборник.-СПб.,1837.-308 С.

329. Киласония А. Организация и центры торговли людьми в Западной Грузии в позднее средневековье// Изв. АН ГССР. Сер. Ист., археол., этногр. и ист.иск.-Тбилиси,1982.-№4.-С.107-114.

330. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV в.-Л.: АН СССР,1976.

331. Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIIIв., и их терминология.-М.: Оруж. Палата,1925.-67 С.

332. Ковалевский М. Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждой// В помощь голодающим.-М.,1892.-С.352-369.

333. Ковалевский М.М. К ранней истории Азова// Труды XII Археологического съезда.-М.,1905.-Т.II.-С.109-175.

334. Ковалевский М.М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в.// Сборник статей по ис-

торин права, посвященный Н.Ф.Владимирскому-Буданову. -Киев, 1904.-С.195-228.

335. Колли Л.П. Исторические документы о падении Каффы// ИТУАК.-Симферополь,1911,-Т.XLV.-С.1-19.

336. Колли Л.П. Падение Каффы// ИТУАК.-Симферополь, 1918.-Т.LV.-С.145-174.

337. Колли Л.П. Хаджи-Гирей-хан и его политика// ИТУАК.-Симферополь,1913.-Т.L.-С.99-139.

338. Колли Л.П. Христофоро ди Негро// ИТУАК.-Симферополь,1905.-Т.XXXVIII.

339. Кондаков Н.П. Торговля итальянцев в XIII-XV в.// Сын отечества.-М.,1848.

340. Кондараки В. Генуэзцы в Крыму// Юг.-Одесса,1882.-Янв./февр.

341. Коновалова И.Г. Итальянские навигационные пособия XIII-XIV в. как источник по истории исторической географии Северо-Западного Причерноморья// Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.-М., 1983.-С.35-50.

342. Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в.// Древнейшие государства на территории СССР, 1987 г.-М.,1989. -С.301-309.

343. Корхмязян Э.М. Армянские рукописи, иллюстрированные в Италии// ИФЖ.-Ереван,1971.-№3.-С.247-254.

344. Корхмязян Э.М. Рукописи, иллюстрированные в армянских колониях // Художественная сокровищница Матенадарана.-М.,1976.-С.121-131.

345. Костакэл В. Русско-украинско-молдавские связи в XIV-XV в.// Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.-М.,1972.

346. Котляр Н.Ф. Левантйская торговля Львова XIV-XV в.// НЭ.-Киев,1966.-Т.VI.-С.135-148.

347. Кравченко А.А. Исследования Белгород-Тирской экспедиции// АО 1977.-М.,1978.-С.329-331.

348. Кравченко А.А. Средневековый Белгород-на-Днестре /конец XIII-XIV в./.-Киев: Наукова думка,1986.-125 С.

349. Кравченко А.А. Торговые связи Белгорода в XIII-XIV в.// XV науч. конференция Ин-та Археологии АН УССР: Тез.-Одесса,1972.-С.405-407.

350. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские суммы// Сообщения гос. Эрмитажа.-Л.,1980.-Т.XLV.- С.68-72.

351. Крамаровский М.Г. Крым: Латинские, византийские и анатолийские элементы в резьбе по камню в XIII-XIV в.// XVIII Международный конгресс византистов: Рез.-М.,1991.-Т.I.-С.605-606.

352. Крамаровский М.Г. Крымская Ривьера и Северный Кавказ в XIII-XV в.// Душетская науч.конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами.-Тбилиси,1984.-С.123-126.

353. Крамаровский М.Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII-XV в.// Художественные памятники и проблемы культуры Востока.-Л.,1985.-С.152-180.

354. Крамаровский М.Г. Солхат - Крым: Тюркский этнос и городская культура XIII-XV в.// Из истории Крыма: Тез.-Симферополь,1991.-Ч.I.-С.65-67.

355. Крамаровский М.Г., Полубояринова М.Д. К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды// СА.-М.,1982.-№3.-С.96-102.

356. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература// Избр.соч.- М.; Л.,1957.-Т.IV.

357. Кудряшов К.В. Половецкая степь: Очерки исторической географии.-М.: Огиз,1948.-162 С.

358. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды.-Киев,1906.

359. Кун М. Исследования о генуэзских владениях на Крымском полуострове// Русский архив.- М., 1876.-Т.I.

360. Кучкин В.А. Русский путешественник в Азербайджане в первой половине XV в.// ВИ.-М.,1965.-№3.-С.204-205.

361. Лавров Л.И. Этнография Кавказа.-Л.: Наука,1982.-224 С.

362. Лагорно Ф. Четыре эпохи из жизни Феодосии// ЗООИД.-Одесса,1889.-Т.XV.

363. Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве// ЗРАО.-М.,1892.- Т.V.-С.237-342.

364. Логашова Б.Р. Из топонимии Каспийского моря: Гилыи// Ономастика Кавказа.- Орджоникидзе,1980.

365. Лоция Черного моря.-Л.,1931.

366. Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV-XV в.-Киев,1886.

367. Лызлов А. Скифская история.-М.: Наука,1990.-519 С.

368. Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен /V в.до н.э.-XV в. н.э./- Ереван: ЕГУ,1954.-346 С.

369. Мерперт Н.Я., Смирнов А.П. Куйбышевская археологическая экспедиция// КСИИМК.-М.; Л.,1956.-Вып.LXV.

370. Мейендорф И. Византия и Московская Русь.-Париж: Имка Пресс,1990.

371. Микаэлян В.А. К вопросу о падении города Каффы// ИФЖ.-Ереван,1964.-№2.-С.97-110 /на арм.яз./

372. Мікаэляні В.А. Когда и как возникли армянские поселения в Крыму// Исторические связи и дружба украинского и армянского народов.-Киев,1965.-С.169-177.

373. Мікаэляні В.А. На крымской земле: История армянских поселений в Крыму.- Ереван,1974.

374. Милонов Н.П. Древнерусские курганы в бассейне Верхней Волги// МИА.-М.; Л.,1950.-№13.

375. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде.-СПб.,1823.

376. Муратова К. Средневековый бестнарний.-М.: Искусство,1984.

377. Мурзакевич Н.М. История генуэзских поселений в Крыму.- Одесса,1837.-91 С.

378. Надеждин М.И. О происхождении, существовании и падении итальянских торговых поселений в Тавриде// Вестник Европы.-М.,1828.-Вып.XV-XIX.

379. Нарушевич А. Таврикня.-Киев,1788.

380. Никифоров А.Р. Проблемы социально-экономической истории генуэзских городов-колоний Крыма в советской историографии// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврички.-Симферополь,1991.-Вып.II.-С.122-130.

381. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.-М.: Наука,1990.-263 С.

382. Огородников В.И. Иван III и зарубежные сврени// Сборник статей в честь Д.А.Корсакова.-Казань,1913.-С.52-75.

383. Петерс Б.Г., Айбабши А.И., Айбабши Е.А. и др. Феодосийская экспедиция// АО 1976.-М.,1977.-С.353-354.

384. Петерс Б.Г., Айбабши Е.А., Катюшин Е.А. Раскопки Феодосийской экспедиции// АО 1975.-М.,1976.-С.377-379.

385. Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV в.- Кишинев: Штиинца,1979.-200 С.

386. Пономарев А.Л. К вопросу о технике и доходности торговых операций в Черном море в конце XIII-середине XIV в. //Всесоюз.гос. Б-ка иностр.лит./ III науч.-теор.конф. мол.ученых и специалистов: Тез.-М.,1983.-С.11-14.

387. Пономарев А.Л. Данные комплекса кладов золотоордынских монет XIV в. для проверки роли клада как "снимка" с обращения и определения экономической структуры общества// Всесоюз.гос.Б-ка иностр.лит./IV науч.-теор.конф.мол. ученых и специалистов: Тез.-М.,1986.-С.16-21.

388. Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII в.-Л.,1968.

389. Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции.-СПб.,1993.-303

390. Романчук А.И. Херсонес XII-XIV в.: /Историческая топография/. - Красноярск: КГУ, 1986.-192 С.

391. Рутенбург В.И. Итальянские источники о связях России и Италии// Исследования по отечественному источниковедению.- Л., 1964.-С.455-462.

392. Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. -Л.: Наука, 1987.-176 С.

393. Саввантов П. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное.-СПб., 1896. -184 С.

394. Свириной А.Н. Опись тканей XIV-XVII в. б. Троице-Сергиевской Лавры.- Сергиев Посад, 1926.-77 С.

395. Секиринский С.А. Очерки истории Сурожя.-Симферополь, 1955.

396. Секиринский С.А., Волобуев О.В., Когонашвили К.К. Крепость в Судак.- Симферополь: Таврия, 1980.

397. Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина.- М.:Наука, 1980.

398. Сестренцевич-Богун С. История о Таврии.-СПб., 1806.-Т.I-II.

399. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде// ВВ.-М., 1973.-Т.XXXV.

400. Скржинская Е.Ч. Византия и итальянские колонии в XIV в.// ВИ.-М., 1945.-N1.

401. Скржинская Е.Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в.// ВВ.-М., 1947.-Т.I.-С.215-234.

402. Скржинская Е.Ч. Кто были Ралева, послы Ивана III в Италию: /К истории итало-русских связей в XV в./ // Проблемы истории международных отношений. -Л., 1972.-С.267-287.

403. Слепова Т.И. Монетное дело городов Венеции и Генуи в XII - XV в. и Северное Причерноморье: Автореф.дисс. ... канд.ист. наук.-Л.:ЛГУ, 1987.-15 С.

404. Слепова Т.И. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII-XV в.// Труды Гос.Эрмитажа.-Л., 1986.-Т.XXVI.-С.22-31.

405. Словарь древнерусского языка /XI-XIV в./: В 10-ти т.-М.: Рус.яз., 1988-1992.-Т.I-IV.

406. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.-СПб., 1887.-772 С.

407. Сообщение о раскопках Р.Х.Лепера в 1912-1913 г.// ИИАК.-Пг., 1914.-Т.LII.-С.144.

408. Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи.-Саратов, СГУ, 1963.-522 С.

409. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии.-Алма-Ата,1983.

410. Средновековна България и Черноморието: Докл.-Варна: Г.Бакалов,1982.

411. Старокадомская М.К. Очерки истории социально-экономических отношений в итальянских колониях XII-XV в.: Автореф.дисс. ... канд.ист.наук.-М.: МГПИ им.В.И.Ленина,1950.-25 С.

412. Старокадомская М.К. Русское торговое население генуэзской Каффы// История и археология средневекового Крыма.-М.: Наука,1958.-С.147-154.

413. Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII-XIV в.// Феодальная Таврика. -Киев,1974.-С.162-173.

414. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане.-М.; Л.: Огиз,1935.-124 С.

415. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Изв.АН СССР. Отд.Общ.наук.-М.,1932.-№3.-С.193-237.

416. Тарди Л. Путь Катерино Зено - посла Узун-Хасана-через Грузию в Венгрию// Литературная Грузия.-Тбилиси,1969.-№11-12.-С.129-135.

417. Тарди Л. Роль Венеции во взаимоотношениях Грузии и Персии с Венгрией// Проблемы истории стран Европы.-Тбилиси,1978.-Вып.II.-С.197-211.

418. Тихомиров М.Н. Пути из России в Византию в XIV-XV в.// ВО.-М.,1961.

419. Тодорова Е. Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья: /Историко-географическое исследование/ // История СССР.-М.,1989.- №1.-С.170-181.

420. Тодорова Е. Советские историки о генуэзском Леванте// ВИ.- М.,1987.-№6.-С.141-143.

421. Трубецкой Н.С. Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник// Семиотика.-М.,1983.-С.435-461.

422. Тунман М. Крымское ханство.-Симферополь,1936.

423. Успенский Ф.И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках// ВВ.-М.,1926.-Т.XXIV.

424. Успенский Ф.И. Движение из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV в.// ВВ.-М.,1949.-Т.II.-С.257-275.

425. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.- М.: Прогресс,1986-1987.

426. Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в.// СА.-М.,1958.-№3.

427. Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области// Кубанский сборник.-Екатеринодар,1899.-Т.V.-№15.

428. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата.-М.: Радио и связь, 1993.-406 С.

429. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.// Труды Гос. Ист.Музея.-М.,1952.-Вып.ХХІ.-С.3-139.

430. Фофанова Н.А. Текстильное производство в Венеции в XIII-XV в.// Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький,1985.-С.141-154.

431. Флоринский Т. Политическая и культурная борьба на греческом Востоке в первой половине XIV в.-Киев.1883.

432. Фомичев Н.М. Раскопки в Азове// АО 1977 г.-М., 1978.-С.146-147.

433. Фрейденберг М.М. Дорогами столетий, или об одном распространенном заблуждении// Победа.-Феодосия,1988.-№208.-С.3.

434. Халпахчян О.Х. Архитектура притворов армянских храмов Крыма// Из истории Крыма: Тез.-Симферополь,1991.-Ч.II.-С.50-52.

435. Халпахчян О.Х. Этапы планировки и застройки Феодосии// Архитектурное наследие.-Киев,1976.-№25.-С.35-49.

436. Халпахчян О.Х. Данные о неизвестном армянском монастыре в Каффе// ИФЖ.-Ереван,1978.-№2.-С.175-181.

437. Хачикян Л.С. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву// Вестник Матенадарана.-Ереван,1980.-№13.-С.7-107 /на арм.яз./

438. Хачикян Л.С. "Гости-сурожапе" в русских летописях и сказаниях о Мамаевом побоище: /К вопросу об их национальной принадлежности/ // Русская и армянская средневековые литературы.-Л.,1982.-С.333-358.

439. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV - начала XVI в.-М.: Наука,1980.

440. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV-XV в.-М.,1963.

441. Ченцова В.Г. К вопросу о формах организации городского ремесла Романши в XIII-XV в.// ВВ.-М.,1990.-Т.LI.-С.142-152.

442. Черменский П.Н. "Хождение" митрополита Пимена как источник по исторической географии Подолия// Изв.АН СССР. Сер.Геогр.-М.,1970.-№5.-С.95-99.

443. Чиперис А.М. К вопросу о торговых связях Средней Азии с Крымом и Восточной Европой// УЗ Туркмен.гос.ун-та. Сер. Ист.-Ашхабад,1964.- Вып.ХХХІ.-С.88-102.

444. Чиперис А.М. К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья во второй половине XIII в.// УЗ Туркмен.гос.ун-та. Сер. Ист.-Ашхабад,1964.-Вып. XXVII.-С.30-48.

445. Чиперис А.М. О характере и роли генуэзской феодальной работорговли в Северном Причерноморье в конце XIII-70-х г. XV в. // XV науч. конф. Ин-та Архсол. АН УССР: Тез.-Одесса, 1972.-С.397-400.

446. Чиперис А.М. Социально-экономическое положение и классовая борьба в генуэзских колониях Крыма в XIV-XV в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.- М.: МГПИ им. В.И.Потемкина, 1953.-20 С.

447. Шарапова З.М. К вопросу о торговых связях итальянских городов с Нижним Поволжьем в XIII-XV в. // XXII науч. конф. Волгоградского гос. пед. ин-та.- Волгоград: ГПИ, 1968.-С.86-89.

448. Шарапова З.М. Торговые связи Золотой Орды в XIV-XV в. // Историко-краеведческие записки.-Волгоград, 1975.-Вып. III.-С.69-80.

449. Шаркова И.С. Заметки о русско-итальянских отношениях XV-первой трети XVI в. // СВ.-М., 1971.-Вып. XXXIV.-С.201-212.

450. Шаркова И.С. Россия и Италия: Торговые отношения XV - первой половины XVIII в.-Л.: Наука, 1981.-200 С.

451. Шитиков М.М. Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадорра // ВВ.-М., 1969.-Т. XXX.-С.48-62.

452. Шитиков М.М. Накладные и транспортные расходы и уровень прибыли венецианского купечества в Византии в первой половине XV в. // УЗ Моск. гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина.-М., 1969.-Вып. ССХСIV.-С.225-249.

453. Шрайнер П. Купцы и товары Причерноморья: Фрагмент византийской конторской книги // ВВ.-София, 1981.-Vol. VII.-Р.215-219.

454. Штерн Э.Р. О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД.-Одесса, 1901.-Т. XXIII.-С.33-61.

455. Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика.-Одесса, 1906.-91 С.

456. Шукуров Р.М. Трапезундская империя и торкские эмираты Понта в XIV в. // Причерноморье в средние века.-М., 1991.-С.217-255.

457. Шумовский Т.А. Арабы и море.-М., 1964.

458. Эрнст Н.Л. Конфликт Ивана III с генуэзской Кафрой // ИТУАК.-Симферополь, 1927.-Т. I/LVIII.-С.167-181.

459. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.- Л.: Наука, 1979.-163 С.

460. Якобсон А.Л. Крым в средние века.-М.: Наука, 1973.-171 С.

461. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес /XII-XIV в. /.-М.; Л.: АН СССР, 1950-256 С.

462. Якубовский А.Ю. Столица Золотой Орды - Сарай Берке.-Л., 1932.

463. Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV в.//Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.-Л.,1933.

464. Agosto A. Orientamento sulle fonti documentarie dell'Archivio di Stato di Genova per la storia dei genovesi nella Russia meridionale// Atti del Convegno storico italo-sovietico e della tavola rotonda.-Genova,1982.- P.352-360.

465. Ahrweiler H. Byzance et la mer: La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII-XV siecles.-P.,1966.

466. Airaldi G. Colonie genovesi nel Mar Nero: Studi storici in Romania, Polonia e Bulgaria// Liguria.-Genova,1970.-An.XXXVII.-№9.-P.9-12.

467. Airaldi G. Etnie e strati sociali negli insediamenti medievali italiani del Mar Nero// BB.-Sofia,1981.-Vol.VII.-P.247-251.

468. Airaldi G. Genova e la Liguria nel medioevo.-Torino,1986.

469. Andreescu S. Autor de la derniere phase des rapports entre la Moldavie et Genes// RRH.-Bucarest,1982.-№2.-P.257-282.

470. Andrews D. Moscow and the Crimea in XIII-th to XV-th centuries// AP.-Athens,1979.-T.XXXV.-P.261-281.

471. Ashtor E. Levant trade in the later Middle Ages.-Princeton; N.Y.: U.P., 1983.-599 P.

472. Ashtor E. East-West trade in the medieval Mediterranean.-L.:Variorum, 1986.

473. Baier S. Anmerkungen uber den Ursprung der Kubeschaner und uber den Handel der Genueser auf dem Schwarzen Meer// Sammlung Russischer Geschichte. -SPb.,1736.

474. Balard M. Byzance et les regions Septentrionales de la Mer Noire (XIII - XV siecle)// XVIII-e Congres International des etudes byzantines: Rapp. -Moscou,1991.-P.227-245.

475. Balard M."Infideles" ou Comans? A proros des "sarraceni" de Caffa// La storia dei genovesi.-Genova,1988.-Vol.VIII.-P.9-15.

476.Balard M. La Mer Noire et la Romanie genoise.-L.: Variorum,1989.

477. Balard M. La Romanie genoise (XII - debut du XV siecle): In 2 vol.-Genes; Rome,1978.-1008 P.

478. Balard M. Les formes militaires de la colonisation genoise (XIII-XV siecles)// Castrum 3: Guerre, fortification et habitat dans le monde Mediterranee au moyen age.-Rome,1988.-P.67-78.

479. Balard M. Les genoies en Crimée aux XIII-XIV siecles// AP. - Athens,1979.-T.XXXV.-P.200-217.

480.Balard M. Les orientaux a Caffa au XV siecle// BF.-1987.-T.XI.-P.223-238.

481. Balard M. Notes sur l'activite maritime de genoïs de Caffa a la fin du XIII siecle// Actes du VIII Colloque internationale d'histoire maritime. -P.,1970.-P.375-385.

482. Balard M., Veinstein G. Continuïte ou changement d'un paysage urbain? Caffa Genoïse et Ottomane// Le paysage urbain au Moyen Age.-Lion,1981.- P.79-131.

483. Balbi G. Caffa e Pera a meta del Trecento// RESEE.-Bucarest,1978.-An.XVI.-An.XVI.-№2.-P.217-228.

484.Balbi G. Gli studi genovesi sulle colonie del Mar Nero// Colloquio romeno-italiano "Genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV".- Bucaresti,1977.-P.63-86.

485.Balletto L. Astigiani, Alessandrini e Monferrini a Caffa sulla fine del secolo XIII// Rivista di storia arte archeologia per le province di Alessandria e Asti.-Milano,1976.-T.LXXXV.-P.171-184.

486. Balletto L. Caffa genovese nell'odierna storiografia sovietica// Archivio storico Sardo di Sassari.-1985.-T.XI.-P.269-280.

487.Balletto L. Il commercio di grano dal Mar Nero all'Occidente// CS.-1977.-An.XIV.-№1.-P.57-65.

488. Balletto L. Il commercio del pesce nel Mar Nero sulla fine del Duecento// CS.-1976.-An.XIII.-№3.-P.390-407.

489. Balletto L. La civiltà mestieri nella Grimea genovese: la pesca (1449)// България Поггика. II. -София,1988.-С.280-297.

490. Balletto L. Les magistratures genoïs pour l'Orient// Etat et colonisation au Moyen Age.-Lion,1989.-P.95-112.

491. Balletto L. Presenze bulgare da Caffa a Genova (secc. XIII-XV)// Genova e la Bulgaria nel Medioevo.-Genova,1984.-P.149-211.

492. Baratier E. Histoire du commerce de Marseille.-P.,1951.-927 P.

493. Barbieri G. Milano e Mosca nel politica del Rinascimento.-Bari: Adriatica, 1957.-99 P.

494. Basso E. Aspetti della società di Caffa nel XV secolo nella testimonianza di atti notarili inediti// XVIII-th International Congress of Byzantine Studies.-Moscow,1991.-Vol.I.-P.114-115.

495. Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano.-Firenze,1975.-Vol.I-V.

496. Berindei M., Migliardi O'Riordan G. Venise et la Horde d'Or, fin XIII -debut XIV siecle// CMRS.-P.,1988.- An.XXIX.-N2.-P.243-254.

497. Berindei M., Veinstein G. La Tana - Azaq de la presence italienne a l'emprise ottomane// Turcica.-P.,1976.-An.VIII.-№2.-P.110-201.

498. Berindei M., Veinstein G. Reglements de Sulciman I concernant le liva de Kefe//CMRS.-P.,1975.-An.XVI.-N1.- P.57-104.

499. Bondar R.D. Insediamenti genovesi sul Mar Nero alla luce delle indagini archeologiche degli ultimi decenni// Atti del convegno italo-sovietico e della tavola rotonda.-Genova,1982.-.352-360.

500. Briquet C.M. Les filigranes, dictionnaire historique des marques de papier.-P.,1907.

501. Bratianu G. La Mer Noire: Des origines a la conquete ottomane.-Monachii, 1969.-394 P.

502. Bratianu G. Les Venitiens dans la Mer Noire au XIV siecle.-Bucarest,1939.

503. Bratianu G. Recherches sur la commerce genois dans la Mer Noire au treizieme siecle.-P.,1929.

504. Buschhausen H. Die Krim als letztes Zentrum der Kreuzfahrerkunst und ihre Beziehungen zum Kleinarmenischen Konigreich Kilikien// BB.- Sofia,1986.-Vol.VIII.-S.150-169.

505. Canale M., da. Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai nostri.-Genova,1855-1856.-Vol.I-III.

506. Cazacu M., Kevonian K. La chute de Caffa en 1475 a la lumiere de nouveaux documents// CMRS.-P.,1976.-An.XVII.-№4.- P.495-538.

507. Ciperis A.M. Condizioni socio-economiche e agitazioni di marinai, soci e stipendiari nelle colonie genovesi in Crimea tra il XIV ed il XV secolo// Storici sovietici del Levante genovese.-Genova,1985.-P.201-222.

508. Ciperis A.M. Per una storia della prima colonizzazione del littorale settentrionale del Mar Nero nella seconda meta del XIII secolo// Storici sovietici del Levante genovese.-Genova,1985.-P.166-200.

509. Charewiczowa L. Handel sredniowiecznego Lwowa.-Lwow, 1925.-156 P.

510. Dante O. Dizionario etimologico italiano concordato coi dialetti, le lingue straniere e la topo-onomastica.-Milano,1965.-811 P.

511. Darrag A. L'Egypte sous le regne de Barsbay 825-841/ 1422-1438.-Damas: Inst.Francais de Damas,1961.-457 P.

512. Delort R. Le commerce des fourrures en Occident a la fin du moyen age (vers 1300 - vers 1450).-Rome:Ecole francaise de Rome,1978-1980.-Vol.I-II.

513.Dennis G.T. Byzantium and the Franks 1350-1420.-L.: Variorum,1982.

514. Depping G.B. Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe depuis les croisades jusqu' a la fondation des colonies d'Amerique.-P.,1830.-T.I-II.

515. Doumerc B. Le Venitiens a la Tana au XV siecle// Le Moyen age.- Bruxelles,1988.-An.XCIV.-№3/4.-P.363-379.

516. Doumerc B. La Tana au XV siecle: Comptoir ou colonie??? Etat et colonisation au Moyen age.-Lion,1989.-P.113-129.

517. Drull D. Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung// Geschichte und Gesellschaft.-Stuttgart,1980.-Bd.XXII.-

518. Dubiecki M. Kaffa, osada genuenska i jej stosunek do Polski w XV wieku// *Przegląd Powszechny*.-1886.-T.XII.-№34.-P.56-64,216-227.
519. Ducellier A. Byzance et le monde orthodoxe.-P.,1986.-503 P.
520. Dull S. Les monuments des Genoises en Turquie et leurs rapports avec Byzance// *Etat et colonisation au Moyen Age*.-Lyon,1989.-P.113-129.
521. Ernst N.Beziehungen Moskaus zu den Krim-tataren unter Iwan III.- B.,1911.-70 S.
522. Eskenasy V. Notes concernant l'histoire du littoral ouest de la Mer Noire: Dobrotitch et ses relations avec Genes// *RRH*.-Bucarest,1982.-№2.-P.239-256.
523. Evans A. Notes and documents: Some coinage systems of the 14-th century// *Journal of economic and business history*.-1931.-№3.-P.481-496.
524. Fanfani A. *Saggi di storia economica italiana*.-Milano,1963.
525. Fanucci G. *Storia dei tre celebri popoli marittimi dell'Italia: Veneziani, Pisani e Genovesi e delle loro navigazioni e commercio nei bassi secoli*.-Pisa,1817.-1822.-Vol.I-IV.
526. Fedalto G. *La chiesa latina in Oriente*.-Verona: Casa ed.Mazziana, 1973-1978.-Vol.I-III.
527. Fedorov-Davydov G.A. *Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga*.- München: Verlag C.H.Beck,1984.-131 S.
528. Forcheri G. *Navi e navigazione a Genova nel Trecento: Il "Liber Gazarie"*.- Genova,1974.-173 P.
529. Formaleoni V. *Storia filosofica e politica della navigazione, del commercio e della colonie nel Mar Nero*.-Venezia,1788-1789.-Vol.I-II.
530. Francisque M. *Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes de soie, d'or et d'argent*.-P.,1852.-T.I-II.
531. Friedmann E. *Der mittelalterliche Welthandel von Florenz in seiner geographischen Ausdehnung*// *Abhandlungen K.k.geographischen Gesellschaft in Wien*. -Wien.1912.-Bd.X.-№1.-S.1-114.
532. Gioffre D. *Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV*.- Genova,1971.
533. Giunta F. *Aragonesi e catalani nel Mediterraneo*.-Palermo,1953-1973.- Vol.I-II.
534. Gjuzelov V. *Du commerce genois dans les terres bulgares durante le XIV e siecle*// *BHR-Sofia*,1979.-An.VII.-N4.-P.36-58.
535. Gjuzelov V. *Medieval Bulgaria: Byzantine Empire: Black Sea - Venice - Genoa*. - Villach: V. Baier, 1988. -373 P.
536. Heers J. *Genes au XV e siecle: Activite economique et problemes sociaux*.-P.: S.E.V.P.E.N.,1961.-741 P.
537. Heers J. *Il commercio nel Mediterraneo alla fine del secolo XIV e nei primi anni del XV*// *ASI-Firenze*,1955.-An.CXIII.- №2.-P.157-209.

538. Heimpel H. Handelspolitik Kaisers Sigismunds// Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.-Stuttgart,1930.-Bd.XXIII.-№2.-S.145-156.
539. Hennig R. Der nordeuropäische Pelzhandel in den älteren Perioden der Geschichte// Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.- Stuttgart,1930.-Bd.XXIII.-№1.-S.1-25.
540. Heyd W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter.- Stuttgart,1879.- Bd.I-II.
541. Hocquet J.-C. Le sel et la fortune de Venise: Voiliers et commerce en Méditerranée 1200-1650: In 2 vol.-Lille: Université de Lille,1982.-740 P.
542. Huc M. Le christianisme en Chine, en Tartarie et au Thibet: In 4 t.- P.,1857.-T.I.
543. Icona: Volto del mistero.-Milano: La casa Matriglia,1991.-207 P.
544. Iliescu O. Monede medievale și moderne descoperite la Pacuiul lui Soare// Diaconu P., Baraschi S. Pacuiul lui Soare: Așezarea medievală (sec.XIII-XV). -București.1977.-Vol.II.-P.148-163.
545. Iliescu O. Monede țărănești din secolele XIII-XV// Studii și cercetări de numismatică.-București,1960.-Vol.III.-P.263-277.
546. Iliescu O. Nouvelles éditions d'actes notariaux instrumentés aux XIIIe et XIVe siècles dans les colonies génoises de la Mer Noire// RESEE.- Bucarest,1976.-An.XIV.-№3.-P.523-529.
547. Inalcik H. Bursa and Commerce of the Levant// Journal of the Economic and Social History of the Orient.-Leiden,1960.-An.III.-№2.-P.131-147.
548. Inalcik H. The Ottoman Empire: Conquest, Organisation and Economy.-L.: Variorum,1978.
549. Inalcik H. Studies in Ottoman Social and Economic History.- L.: Variorum,1985.
550. Jacoby D. Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle: Peuples, sociétés, économies.-L.: Variorum,1979.
551. Jacoby D. Société et démographie à Byzance et en Roumanie Latine.-L.: Variorum,1975.
552. Karpov S. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma (1204-1461): Rapporti politici, diplomatici e militari.-Roma,1986.
553. Kedar B.Z. Mercanti in crisi a Venezia nel'300.-Roma: Juvence,1981.-253 P.
554. Kern A. Der "Libellus de Notitia Orbis" Iohannes III (De Galonifontibus) O.P.Erzbischof von Sultanyeh// AFP.-Roma,1938.-Vol.VIII. - P.82-123.
555. Kohne B. Les monnaies génoises de Caffa.-SPb.,1875.-9 P.
556. Kologrivov I. Santi Russi.-Milano: Casa di Matriglia,1985.-500 P.

557. Kutrzeba S. Handel polski ze wschodem w wiekach srednich// Przegląd Polski. -1903. -T.XXXVII. - №4.-P.190-219,462-496; 1903. -T. XXXVIII. -№1.- P.512-537.

558. Labib S. Handelsgeschichte Agyptens im Spätmittelalter (1171-1517). -Wiesbaden: F.Stelner Verlag GMBH,1965.-586 S.

559. Laiou A. Byzantium and the Black Sea, 13-th -15-th centuries: Trade and the native populations of the Black Sea area// България Понтика. II.- София,1988.-С.164-201.

560. Laiou-Thomadakis A. The Byzantine Economy in the Mediterranean trade system: thirteenth - fifteenth centuries// Dumbarton Oaks Papers.- Washington,1980-1981.-Vol.XXXIV-XXXV.-P.177-237.

561. Laurent H. La draperie des pays-bas en France et dans les pays Mediterraneens (XII e-XV e siecles).-P.: E.Droz,1935.-358 P.

562. Laver J. u.a. Das Kostum: Eine Geschichte der Mode.- Munchen,1951.

563. Levicki S. Les marches de Lwow du XIV e au XVIII e.- Lwow,1921.

564. Loenertsz R. Deux eveques dominicains de Caffa// AFP.- Roma,1935.-T.V.-P.346-357.

565. Lombard M. Caffa et la fin de la route mongole// A.E.S.C.- P.,1949.-P.100-103.

566. Lombard M. Le commerce italien et la route mongole// A.E.S.C.-P.,1948.-P.382-383.

567. Lopez R.S. Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo.- Bologna,1938.

568. Lopez R.S. Su e giù per la storia di Genova.-Bordighera,1975.-388 P.

569. Luzzatto G. Studi di storia economica veneziana.- Padova,1954.

570. Majeska G. Russian travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth centuries.-Wash.,1984.-463 P.

570a. Makris G. Studien zur Spätbyzantinischen Schifffahrt.- Genova,1988.-326 P.

571. Malowist M. Kaffa w drugiej polowie XV-ego wiku.- Warszawa,1939.

572. Malowist M. Kaffa - kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453-1475.-Warszawa,1947.-367 P.

573. Malowist M. Les routes du commerce et les marchandises du Levant dans la vie de la Pologne au Bas moyen age// Travaux du VI e Colloque internationale d'histoire maritime.-P.,1970.-P.157-175.

574. Malowist M. Tamerlan i jego czasy.-Warszawa,1985.-195 P.

575. Martin J. Les Uskujniki de Novgorod: Marchands ou pirates?// CMRS.-P.,1975.-An.XVI.-№1.-P.6-18.

576. Matschke K.-P. Bemerkungen zu den sozialen Trägern des spatbyzantinischen Seehandels// BB.-Sofia,1981.-Vol.VII.-S.253-261.

577. Matschke K.-P. Byzantinische Politiker und byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14 Jh.// Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich.-Wien, 1984.-№2.-S.75-95.

578. Matschke K.-P. Tuchproduktion und Tuchproduzenten in Thessalonike und in anderen Städten und Regionen des späten Byzanz// Byzantiaka.-Fessaloniki, 1989.-T.XC.-S.49-86.

579. Matschke K.-P. Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels im 13. bis 15.Jh.// Wissenschaftliche Zeitschrift. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.-Leipzig,1970.-T.XIX.-H.3.-S.447-458.

580. Meyendorf J. Byzantium and the Rise of Russia.-Cambridge: U.P.,1981.- 326 P.

581. Mevil S.-M. La mer Noire au moyen age: Caffa et les colonies genoises de la Crimée.-P.,1856.-36 P.

582. Migliorini B., Duro A. Prontuario etimologico della lingua italiana.- Torino; Paravia,1950.-628 P.

583. Murzakevic N. Storia delle colonie genovesi in Crimea// Miscellanea di storia Ligure in memoria di G.Falco.-Genova,1966.-P.353-441.

584. Musso G. Genovesi e il Mar Nero tra tre e quattrocento// BB. - Sofia,1981.-Vol.VII.-P.205-215.

585. Musso G. Gli orientali nei notai genovesi di Caffa//Archivi e cultura/ Rassegna dell'Associazione archivistica.-Roma,1973.-№7.-P.97-110.

586. Musso G. Il tramonto di Caffa genovese// Miscellanea di storia ligure in memoria di G.Falco.-Genova.1966.-P.313-339.

587. Musso G. Note d'Archivio sulla "Massaria" di Caffa// SG.-Genova,1964-1965.-Vol.V.-P.62-98.

588. Musso G. Nuove ricerche d'Archivio su Genova e l'Europa centroorientale nell'ultimo medioevo// RSI.-Napoli,1971.-An.LXXXIII. - №2.-P.138-142.

589. Musso G. Russia e genovesi del Levante nel Quattrocento: Note su documenti// Rassegna degli Archivi di Stato.-Roma,1965.-An.XXV.-№2.-P.227-244.

590. Naranzi D. Essai historique sur la ville Caffa au moyen age.-SPb.,1811.

591. Nasturel P. Dans le sillage des marchands italiens en Mer Noire// BF.-1972.-№4.-P.231-235.

592. Nistor J. Die auswärtigen Handelsbeziehungen der Moldau im 14., 15. und 16. Jh.-Gotha; F.A.Perthes,1911.-240 S.

593. Nistor J. Handel und Wandel in der Moldau bis zum Ende des 16 Jh.- Tschernowits, 1912.-200 S.

594. Nystazopoulou-Pelekidis M. Venise et la Mer Noire du XI e a XV e siecle// Venezia e il Levante fino al secolo XV.-Firenze, 1973.-Vol.I.-P.541-582.

595. Oderico G.L. Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa.-Bassano, 1722.

596. Ohler N. Reisen in Mittelalter.-Munchen, 1986.

597. Oikonomides N. Hommes d'affaires grecs et latins a Constantinople (XIII e-XV e siecle).-Montreal, 1980.

598. Olgiati G. L'indulgenza per Caffa e le lettere del Mar Nero (1455- 1460)// XVIII-th Intern. Congress of Byzantine Studies.-Moscow, 1991.- Vol.II.-P.827.

599. Origone S. I mercanti e la crociata (CG, sec.XIV-XV)// Studi genuensi.-Genova, 1987.-№5.-P.3-10.

600. Origone S. L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV.// Saggi e documenti.-Genova, 1983.-Vol.III.

601. Origone S. Questioni amministrative per Caffa negli anni sessanta del secolo XV// Atti del III Convegno Internazionale di studi Colombiani. -Genova, 1979.

602. Ottogalli A. Dizionario russo-italiano di pelliceria.-Trieste, 1983.- 189 P.

603. Panaitescu P. La route commerciale de la Pologne a la Mer Noire au moyen age// Rivista istorica Romana.-Bucuresti, 1933.-№3.-P.172-193.

604. Papacostea S. Caffa et la Moldavie face a l'expansion ottomane// Colloquio romeno-italiano "I genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e- XIV e."-Bucarest, 1977.-P.131-155.

605. Papacostea S. De Vicina a Kilia: Byzantins et genoais aux bouches du Danube au XIVE siecle// RESEE.-Bucarest, 1978.-An.XVI.-№1.-P.65-79.

606. Papacostea S. "Quod non iretur ad Tanam": Un aspect fondamental de la politique genoise dans la Mer Noire au XIV-e siecle// RESEE.-Bucarest, 1979.-An.XVII.-№2.

607. Pesce G., Felloni G. Genoese Coins.-Genova: Stringa, 1976.- 379 P.

608. Petech L. Les marchands italiens dans l'empire mongole// Journal Asiatique.-P., 1962.-T.CCL.-№4.-549-574 P.

609. Pistarino G. Genova e i genovesi nel Mar Nero (secc.XII-XV)// България Понтика. II.-София, 1988.-С. 27-85.

610. Pistarino G. Genova medievale tra Oriente e Occidente// RSI.-Napoli, 1969.-An.LXXXI.-№1.-P.44-73.

611. Pistarino G. I Gin dell'Oltremare.-Genova, 1988.

612. Pistarino G. Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero// BB.-Sofia,1981.-Vol.VII.-P.43-73.

613. Pistarino G. Mercanti del Trecento da Savona al Mar Nero// Studi in memoria di F.Melis.-Napoli,1978.-Vol.II.-P.31-52.

614. Pistarino G. Orientali e notai genovesi a Caffa nel Quattrocento// Bolletino Ligustico.-Genova,1979.-Vol.XXIX.

615. Pistarino G. Reflets du "Commonwealth" genois sur les institutions de la mer patrie// Etat et colonisation au moyen age.-Lion,1989.-P.71-94.

616. Pistarino G. Un inedito manoscritto fiorentino sulla caduta di Caffa genovese (1475)//Bulgaria Pontica Medii Aevi. IV.-Sofia,1988.

617. Prati A. Etimologie venete.-Venezia,1968.-211 P.

618. Primaudaie E.F., de la. Etudes sur le commerce du moyen age: Histoire du commerce de la Mer Noire et des colonies genoises de la Crimée.-P.,1848.-393 P.

619. Richard J. Les navigations des occidentaux sur l'Océan Indien et la Mer Caspienne (XIIe-XVe siècles)// Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien.-P.,1970.-P.353-363.

620. Richard J. Les relations entre l'Orient et l'Occident au Moyen age: Etudes et documents.-L.: Variorum,1977.

621. Richard J. Orient et Occident au Moyen age: Contacts et relations (XIIe-XVe siècles).-L.: Variorum,1976.

622. Risaliti R. L'evoluzione dei rapporti tra l'Italia e la Slavia Orientale: (Italia - Russia nel Quattrocento)// Annali del Dipartimento di studi dell'Europe orientale.-Napoli,1984.-№2/3.-P.9-16.

623. Roccatagliata A. Con un notaio genovese tra Pera e Chio nel 1453-1454// RESEE.-Bucarest,1979.-An.XVII.-№2.-P.219-239.

624. Schaub A. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge.-München; B.,1906.

625. Schreiner P. Bizantini e Genovesi a Caffa: (Osservazioni a proposito di un documento latino in un manoscritto greco)// Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich.-Wien,1984.-№2.-S.97-100.

626. Schreiner P. Produkte der byzantinischen Landwirtschaft nach Quellen des 13. - 15. Jh.// BHR.-Sofia,1982.-№2.-S.88-95.

627. Schreiner P. Studia Byzantino-Bulgarica.-Wien,1986 (var.pag.)

628. Schreiner P. Venezianer und Genuesen während der ersten Hälfte des 15. Jh. in Konstantinopel (1432-1434) // SV.-Venezia,1970.-Vol.XII.-P.357-368.

629. Schulte A. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien: In 2 Bd.-B.,1966.

630. Sekirinskij S.A., Kogonasvili O.V. e K.K. La fortezza di Sudak // Storici sovietici del Levante genovese.-Genova,1985.-P.121-146.

631. Setton-Kenneth M. The Papacy and the Levant: In 2 v.-Philadelphia: The American philosophical Society, 1976.
632. Sieveking H.J. Genueser Finanzwesen mit besonderer Berücksichtigung der Casa di San Giorgio: In 2 Bd.-Freiburg; B.: Verlag von J.Hohr, 1898-1899.
633. Skrzinskaja E. I genovesi a Costantinopoli // Storici sovietici del Levante genovese.-Genova, 1985.-P.23-54.
634. Skrzinskaja E. Le colonie genovesi in Crimea // L'Europa Orientale.-Roma, 1934.-P.113-151.
635. Skrzinskaja E. Petrarca sui Genovesi nel Levante // Storici sovietici del Levante genovese.-Genova, 1985.-P.23-54.
636. Soboleva N.A. Nalezy prazsky grosu na u zemi SSR // Sbornik narodniho Muzea v Praze.-P., 1970.-T.XXIV.-№3/4.-P.189-244.
637. Sokolov N.P. A proposito del significato di "he Rosia" in alcuni documenti bizantini dei secoli XII -XIII // Storici sovietici del Levante genovese.-Genova, 1985.-P.89-97.
638. Spuler B. Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland 1223-1502.-Leipzig, 1943.-556 S.
639. Starokadomskaja M.K. Mercanti russi in Caffa genovese // Storici sovietici del Levante genovese.-Genova, 1985.-P.147-162.
640. Stockly D. Les protagonistes de la navigation Venitienne d'Etat en Mer Noire (XIIIe-XVe siecles)// Thesaurismata.-Venezia, 1993.-T.XXIII.- P.81-90.
641. Strassle P. Der internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261-1484: Im Spiegel der sowjetischen Forschung.-Bern; Frankfurt a.M.; N.Y.; P.: Peter Lang, 1990.-384 S.
642. Stromer W., von. König Siegmunds Gesandte in den Orient// Festschrift H. Heimpel.-Göttingen, 1972.- Bd.II.-P.591-609.
643. Tardy L. Sklavenhandel in der Tartarei.-Szeged, 1983.-258 S.
644. Thiriet F. La Romanie Venitienne au moyen age.-P., 1959-463 P.
645. Thiriet F. Les Venitiens en Mer Noire: Organisation et traffics (XIIIe-XVe siecles)// AP.-Athene, 1979.-T.XXXV.-P.38-53.
646. Thiriet F. Etudes sur la Romanie greco-venitienne (Xe-XVe siecles). -L.: Variorum, 1977.
647. Todorova E. Sur une nouvelle source dans l'histoire du delta Danubien au XIVe siecle// Etudes balkaniques.-Sofia, 1983.-№1.-P.115-128.
648. Tribolati F. Grammatica araldica.-Milano: Hoepli, 1887.-119 P.
649. Vasiliev A.A. The goths in the Crimea.-Cambridge Mass., 1936.-292 P.

650. Verlinden Ch. Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles)// *Miscellanea historica in honorem L.van der Essen.*- Brussel; P.,1947.-T.I.-P.287-298.

651. Verlinden Ch. Le recrutement des esclaves a Venise aux XIVe et XVe siècles// *Bulletin de l'Institut Belge de Rome.*-Rome,1968.-T.XXXIX.- P.83-201.

652. Verlinden Ch. Les routes mediterraneennes// *Bulletin de l'Association Internationale d'etudes du sud-est europeen.*-Bucarest,1974.-An.XII.-№1. P.27-42.

653. Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe medievale.T.I.: Peninsule Iberique et la France.-Brugge: Templ,1955.-930 P.

654. Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe medievale.T.II: Italie. Colonies italiennes du Levant. Levant Latin. Empire Byzantin.-Gent,1977.-1066 P.

655. Verlinden C. Slavenhandel en economische ontwikkeling in Midden-, Oost, Noord-Europa gedurende de hogt middeleeuwen.-Brussel,1979.

656. Villain-Gandossi C. La Mediterranee aux XIIe-XVe siècles: Relations maritimes, diplomatiques et commerciales.-L.: Variorum,1983.-

657. Vocabolario degli accademici della Crusca.-Venezia,1763.-Vol.I-V.

658. Zevakin E., Pencko N. Ricerche sulla storia delle colonie genovesi nel Caucaso occidentale nei secoli XIII-XV// *Miscellanea di studi storici.*-Genova, 1969.-Vol.I.-P.11-98.

659. Zhuk E. I genovesi in Crimea// *Realta sovietica.*-1968.-№179.-P.24-30.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агат 89; см.: камни драгоценные.
Адамант 87; см. Алмаз.
Аксамит 51,78; см.: материи шелковые.
Акче 37,137.
Алмаз 87,89,91; см.: камни драгоценные.
Алтабас 51; см.: материи парчовые.
Алунит 104,105; см.: квасцы.
Амбра 58,93,149; см.: специн.
Арбалет 42,43; см.: оружие.
Артагаз 51; см.: материи шелковые.
Асмани 88; см.: бирюза.
Аспр 17,18,37,38,60,75-77, 94, 106, 139-146,150-155,159-160.
Астракан 31; см.: шкуры.
Атлас 51,78; см.: материи шелковые.
Ахик 89; см.: агат.
Байберек 51; см.: материи парчовые.
Байдан 91; см.: оружие.
Баллас 87; см.: алмаз.
Бальк 122,149; см.: осетровые.
Барбута 42; см.: оружие.
Бархат 51,52,78,79; см.: материи шелковые.
Безант, бизантин 36,95.
Безоар 90.
Бивень моржовый 29; см.: кость моржовая.
Бирюза 88; см.: камни драгоценные.
Благовония 72,79,96; см.: специн.
Бобы 115,116.
Бокаран 50,78,79; см.: ткани шерстяные.
Бокаран кипрский 50.
Бомбасин 78; см.: ткани хлопчатые.
Бомбарда 39,44; см.: оружие.
Бронза 39; см.: металлы.
Булава 43; см.: оружие.
Бумага 54,79.
Бумага клупчатая 53,126; см.: хлопок.
Бумазея 50,78; см.: ткани хлопчатые.
Бязь 78; см.: ткани хлопчатые.
Велюр 51,52; см.: материи шелковые.
Вермилон 46,149; см.: красители.
Вино 19,55-58,65,104,119-121, 149;
гаэтанское 57;
греческое 57,58,149;
далматинское 57;
кандийское 57;
керасунтское 57,120;
которское 57;
критское 57;
крымское 121;
лимнийское 57,120;
мальвазия 57;
миланское 57;
неаполитанское 57,149;
паролимское 57;
провансальское 57;
трапезундское 120;
трильское 57;
турецкое 120;
турпийское 57.
Виноград 56,119,120.
Волочейка 54.
Воск 32,33,79,84,95,97, 104,128,129,147-149;
Газарин 32,128,129;

Загоры 33;
 Кафы 32;
 Савастополя 128,129;
 Таны 128,129.
 Гальбан 83; см.: специн.
 Гвоздика 82,84; см.: специн.
 Геновин 35,36.
 Гзы 30; см.: кожи.
 Глазурь 55; см.: керамика.
 Гиацинт 89; см.: камни драгоценные.
 Гонна 50.
 Горох 116.
 Гречиха 108; см.: зерно.
 Гроссо 38.
 Дерево бразильское 83,84; см.: специн.
 Алмаз 87; см.: алмаз.
 Дихрем 18,136,139,140-142,150-155,157,158.
 Драконова кровь 83,84; см.: специн.
 Дротик 43; см.: оружие.
 Дукал 138.
 Епанча 79; см.: одежда.
 Железо 34,40-42,44,45,104,107,149; см.: металлы.
 Жемчуг 36,85-87,91,95,149; см.: камни драгоценные.
 Зерна гурмыжские 85; см.: жемчуг.
 Зерна кафимские 86,87; см.: жемчуг.
 Зерно 98,100,101,104,108-116,118,146,148,149; ,
 Анатолии 116;
 Аппхала 108;
 Варпы 108;
 Византии 116;
 Вичины 108,114;
 Загоры 108,116;
 Зихин 111,116;
 Кылин 110,114;
 Ликостомо 110,114;
 Монкастро 108,110,114;
 Таны 110;
 Трапезунда 116.
 Злоц тэтэрэшт 36.
 Золото 8,22,35-37,39,44,45,51-53,78,79,85,146; см.: металлы драгоценные.
 Зуб рыбий 29; см.: кость моржовая.
 Зуфь 78; см.: ткани шерстяные.
 Иакинф 89; см.: гиацинт.
 Изорбаф 51; см.: материи шелковые.
 Изумруд 88,89; см.: камни драгоценные
 Изюм 56.
 Икра 56,79,96,101,102,104,122,123,146,148.
 Имбирь 82,84; см.: специн.
 Индиго 83,84; см.: специн.
 Ирха 30; см.: кожи.
 Кайма 53.
 Калчары фряжские 44; см.: оружие.
 Камка 51,52,78,79; см.: материи парчовые.
 Камка кафинская 53.
 Камлот 47,53,78,135; см.: ткани шерстяные.
 Камлот кипрский 47,48,92,149.
 Камни драгоценные 15,23,27,36,85-91,94,96.
 Камокат 52; см.: материи парчовые.
 Камфора 83; см.: специн.
 Канитель 54.
 Каперс 83,84; см.: специн.
 Кара 51; см.: материи шелковые.
 Кардамон 82; см.: специн.
 Кармазин 78; см.: ткани шерстяные.
 Кассия 58,83,84; см.: специн.
 Катапульты 43; см.: оружие.

- Каштан 56,149;
 Квасцы 79,103-105.
 Керамика 17,55,91,121,135.
 Кермес 33,84; см.: красители.
 Килик 78; см.: ткани шерстяные.
 Киндяк 78; см.: ткани хлопчатые.
 Кинжал 42,43; см.: оружие.
 Кинжалы фряжские 44.
 Киноварь 33,34,46,93; см.: красители.
 Кираса 43; см.: оружие.
 Клей 79.
 Клинок генуэзский 44; см.: оружие.
 Книги 54,55.
 Кобальт 55; см.: керамика.
 Кожи 30,31,34,93,97,124,128,149.
 Колет 43; см.: оружие.
 Колокола 134,135.
 Колчан 31; см.: оружие.
 Кольчуга 43; см.: оружие.
 Команеска 135; см.: одежда.
 Конн 93,94,97,128,148.
 Конопля 100,119.
 Копья 42,43; см.: оружие.
 Кораллы 58,93,149.
 Корашина 44; см.: оружие.
 Корд 135; см.: оружие.
 Корица 79,82,84 см: специн.
 Корунд 88; см.: камни драгоценные.
 Кость 79,84.
 Кость моржовая 29,64,97,147.
 Кошачий глаз 89,90; см.: камни драгоценные.
 Кошениль 33,84; см.: красители.
 Краски 34,64,83,88.
 Красители 8,15,33,34,45,46,79,124.
 Красящие зерна 34; см.: красители.
 Кречеты 28,29,62,65.
 Кружево 52,54.
 Кружево русское 54.
 Кружево флорентийское 52.
 Кубеба 82; см.: специн.
 Кутня 51.
 Куфия 51; см.: одежда.
 Куфтерь 51,53; см.: материи шелковые.
 Куфтерь кафинская 53.
 Ладан 58,81,82,84,96; см.: специн.
 Лазурь 88; см.: камни драгоценные.
 Лак венецианский 149.
 Лал 87,88; см.: рубин.
 Латунь 46; см.: металлы.
 Латы 43; см.: оружие.
 Лен 53,100,119.
 Лес 101,129.
 Лигирий 89; см.: гнацигт.
 Лингуриус 27; см.: камни драгоценные.
 Майолика 55; см.: керамика.
 Мальвазия 57; см.: вино.
 Машина 83,84; см.: специн.
 Маргарит 85; см.: жемчуг.
 Мареина 82; см.: специн.
 Масло 55,127,149;
 животное 127;
 льняное 119;
 оливковое 56.
 Мастика 58.
 Материи парчовые 51,52,64,77-79,149;
 венецианские 52;
 византийские 51;
 дамасские 51;
 итальянские 52;
 кафинские 53;
 персидские 51;
 турецкие 51.
 Материи шелковые 5,8,34,47,51,52,64,77-79,149;
 анатолийские 51;
 византийские 51;

грецкие 51;
 дамасские 51;
 ездские 78;
 итальянские 52;
 кафинские 53;
 кашанские 78;
 мосульские 78;
 персидские 51;
 турецкие 51;
 шемаханские 78.
 Мафорий 51; см.: одежда.
 Медь 38-40,45,46,93,104,107,149.
 Металлы 15,34,35,38-40,44-46,
 79,93.
 Металлы драгоценные 5,35,37,
 54.
 Мех 3,20-28,34,59,61,64,80,84,97,
 147,149;
 беличий 23-25,27,80,149;
 бобровый 26;
 волчий 27;
 выдры 26;
 горностаевый 23;
 заячий 27;
 кунный 25-27;
 лисий 26,27;
 медведя белого 27;
 песца 22;
 рыси 27;
 соболя 22,23,26,35;
 сурка 27;
 ягненка 27.
 Мечи 42-44,135; см.: оружие.
 Медь 79,84,96,97,104,129,148.
 Миндаль 56,149.
 Миншура 54.
 Мостовая 30; см.: тофть.
 Мулы 94.
 Мускат 82; см.: специн.
 Мускатный орех 82,84.
 Мускатный цвет 82,84.
 Muskus 83; см.: специн.
 Мыло 58,59;
 гречское 59;
 халыпское 59.
 Мышьяк 84.
 Мясо 104,127.
 Назик 51,77; см.: материи
 парчовые.
 Нак 77; см.: материи парчовые.
 Нарукавник 42; см.: оружие.
 Нашейник 42; см.: оружие.
 Ниили 88; см.: лазурь.
 Ноготь 89; см.: агат.
 Объярь 51; см.: материи шелко-
 вые.
 Овес 108; см.: зерно.
 Овощи 119.
 Одежда 49-51,53,79,87,96,97,135.
 Оловир 51; см.: материи шелко-
 вые.
 Олово 38-40,45,93,149; см.: ме-
 таллы.
 Опикс 89; см.: агат.
 Опашен 49; см.: одежда.
 Орехи 56,96,149.
 Орсейль 83; см.: специн.
 Оружие 42-44,91,135.
 Оружие огнестрельное 39,40,42-
 44,135.
 Островые 101,122-124,146;
 волжские 122,123;
 донские 122-124;
 кубанские 122,123.
 Павезе 43,44; см.: оружие.
 Панцирь 42,43; см.: оружие.
 Парусина 100.
 Пенька 100.
 Перец 79-81,84,96; см.: специн.
 Перламутр 85; см.: жемчуг.
 Перчатки 42; см.: оружие.
 Пестрядь 78; см.: ткани шерстя-
 ные.
 Пикки 42; см.: оружие.
 Плорн венетикум 36.
 Полотно 8,34,93; см.: ткани
 льняные.
 Полотно русское 34,93.

Порох 44; см.: оружие ог-
 нестрельное.
 Порттице 78,79; см.: одежда.
 Просо 108,115,116; см.: зерно.
 Пряжа 48,53,96.
 Пряности 79; см.: специи.
 Пушнина 6,8,20,34,59,62,80,124,
 148; см.: мех.
 Пшеница 108-116; см.: зерно;
 Анхила 108,110;
 африканская 112;
 Варны 108,110;
 Византии 115,116;
 Вичины 108,110;
 Загоры 108,110,116;
 испанская 112;
 Кафы 108,109,112;
 Ле Фети 108,109,116;
 Монкастро 108-110;
 провансальская 112;
 сицилийская 112;
 Таны 110;
 тунисская 112.
 Рабы 8,104,124,129-134,146,148;
 абхазцы 130,131,133;
 аланы 130,131;
 болгары 130;
 вепры 130;
 геты 130;
 готы 133;
 зихи 130;
 команы 130,131;
 лазы 130;
 мингрелы 133;
 русские 129-131;
 татары 129-131;
 черкесы 129-131.
 Ревень 83.
 Рис 119.
 Рог Кергерденя 90.
 Рожь 108,110,113,115.
 Ролдуга 30; см.: кожи.
 Ртуть 45,46,93,149.

Рубин 87,89,91; см.: камни дра-
 гоценные.
 Рыба 9,101,102,104,121-124,126,
 148; см.: осетровые.
 Рыбий зуб 29; см.: кость моржо-
 вая.
 Рыбий клей 79.
 Сабля дамаская 43.
 Сабля зихская 43.
 Сабля турская 91.
 Сай 49,52.
 Сакос 51; см.: одежда.
 Сало 127,128,149;
 Романии 128.
 Самшит 103,129.
 Санда 82; см.: специи.
 Сапфир 88,89; см.: камни драго-
 ценные.
 Сардоникс 89; см.: агат.
 Саржа 50; см.: ткани льняные.
 Сатин 50; см.: ткани льняные.
 Сафлор 83; см.: специи.
 Сахар 19,56,83,84,149.
 Свинец 44,45,93; см.: металлы.
 Сграфитто 55; см.: керамика.
 Селадон 91.
 Селитра 44.
 Сендал 34,53,78;
 кафский 53;
 китайский 78;
 русский 34.
 Сердолл 89; см.: агат.
 Серебро 8,17,35,37,38,45,51,52,
 92,93,106,107,146,149;
 фряжское 38; см.: металлы
 драгоценные.
 Сион 78; см.: материи шелко-
 вые.
 Скамандри 50; см.: ткани хлоп-
 чатые.
 Скамандри керасунтские 50.
 Скарлат 47,49,78; см.: ткани
 шерстяные.
 Скот 103,127.

Смарагд 89; см.: изумруд.
Собаки 94.
Соколы 28,29,65.
Солошина 104,127.
Соль 8,79,100,101,104,126,127,
146,148.
Специи 5,8,15,58,72,79-85,95,97,
147,149.
Стекло 55,94,97,135.
Стрелы 43; см.: оружие.
Сукно 8,47,48,50,97,149; см.:
ткани шерстяные.
Сульфид ртути 33,45; см.: кра-
сители.
Суфси 88; см.: бирюза.
Сыр 127.
Танка 67.
Тауси 51; см.: материи шелко-
вые.
Тафта 51-53; см.: материи шел-
ковые.
Тафта кафинская 53.
Текстиль, см.: ткани.
Терлик 79, см.: одежда.
Тесьма 53.
Ткани конопляные 5.
Ткани льняные 8,34,47,50,53,78,
79,92,93,97,149.
Ткани хлопчатые 8,47,50,78.
Ткани шерстяные 8,47-51,78,79,
92,149;
английские 50;
Асти 49;
Бергамо 49;
Витри 48;
Германские 48,50;
Дуз 47;
Ипра 48;
итальянские 48,49,92;
кипрские 47;
Кремоны 49;
Лангедока 149;
ломбардские 47,48,49;
миланские 48,50;

Новары 49;
Орлеана 49;
Остуни 49;
пармские 49;
Перпицьяна 47,149;
Поперинге 47,48;
Провена 47;
Пьяченцы 49;
Реймские 49;
тулузские 47,149;
Тури 149;
Фабриано 49;
фландрские 47-50,92;
флорентийские 49,50,92;
французские 47,49,50,92;
шалонские 47-49,149;
шампанские 47-49,52.
Туркиз 88; см.: бирюза.
Туция 46,84.
Тюфяки 44; см.: оружие ог-
нестрельное.
Фарауз 51; см.: материи шелко-
вые.
Фарфор 91.
Фатис 90.
Фаянс 55.
Фелонь 52; см.: одежда.
Фиги 56.
Фимнам 81; см.: ладаи.
Фисташки 58.
Флорин 35,36,138.
Фоллери 40.
Фонган 94,97.
Фофудья 51; см.: материи шел-
ковые.
Фрукты 19,56,83,119.
Хипдьяк 51; см.: материи шел-
ковые.
Хлеб 101,103,107-116,118-121,
146; см.: зерно.
Хлопок 8,52,77,96,126,149.
Холст 50,149.
Хрусталь 90.
Цератоний 58.

Цехин 35,36,138.
 Цинк 46.
 Цитварное семя 83,84,119.
 Часы 94,97.
 Чернильные орешки 83,84.
 Шалеры 43; см.: оружие.
 Шафран 56,93,149.
 Шерсть Таны 128.
 Шелк-сырец 8,53,60,72,74-77,84,
 85,95,96,149;
 бурский 53,76;
 гилянский 53,75;
 горганский 75;
 грузинский 75,119;
 жидовский 76;
 карабахский 75;
 кафинский 76,105;
 китайский 75;
 ладжиханский 75;
 мазендеранский 75;
 согдианский 75;
 Таны 119;
 токатский 53,76;
 ургенчский 75;
 хорезмийский 75;
 Черного моря 119.
 Шиды 51; см.: материи шелко-
 вые.
 Ширипка 79; см.: одежда.
 Шкуры 30,34,104,128,149; см.:
 кожи.
 Шлем 42,43; см.: оружие.
 Щит 23,31,42,43; см.: оружие.
 Юфть, юхть 30,34.
 Ядра 43,44; см.: оружие ог-
 нестрельное.
 Ярь веницейская 39.
 Яхонт 87; см.: рубин.
 Ячмень 108,113.
 Alumen 104,105.
 Ampoleta 55.
 Anbra 58.
 Argentum vivum 45,46.
 Asperi cominianati 37.

Asperi d'ancha 37.
 Asperi ottomani 37.
 Asperi soldanini 37.
 Aurum potabile 35.
 Bacile 40.
 Bacile latoneum 46.
 Ballistum 42.
 Baraxius 87.
 Baril 55.
 Bestiamina 127.
 Bevaris 26.
 Biado 107.
 Bocassini 50.
 Bocharani 50.
 Bocerius, bocolerius 42.
 Bolpe de Rens 27.
 Cacia 40.
 Cadi 50.
 Calderonum 40.
 Camocati 52,53.
 Camora 120.
 Canovaccio 50.
 Carobis 58.
 Carta 54.
 Caxanici 78.
 Cedalini de Capha 53.
 Cendati 78.
 Cerc 32.
 Cere de Caffa 32.
 Cere de Gazzaria 32.
 Channa fistola 83.
 Clameloti dangi 135.
 Clape ferri 41.
 Clavurina 43.
 Clipeus 42.
 Collarium 43.
 Coltelli 42.
 Comanesca zeytoni 135.
 Comburenda 83.
 Confecti 83.
 Copum 43.
 Corde 135.
 Cordelato 50.
 Corigium argenti 38,86.

Corii crudi 31.	Lupus cervierus 27.
Cotone 52.	Luxuswaren 8.
Cremexe roresco 33.	Mace 82.
Cuba 94.	Mangiaria 118.
Diamanti 87.	Martori 25.
Dopea 94.	Mezarolo 55.
Dossum 27.	Milii 108.
Endego 83.	Mosorini 78.
Ensis zichescum 43.	Mumuluchi 132.
Ermellino 23.	Muscato 82.
Farina 108.	Nacki 77.
Fassi ferri 41.	Nasici 77.
Fave 115.	Occuli gatti 90.
Fiala 55.	Onico 89.
Fil de fero 41.	Ordei 108.
Filoroto 52.	Orstallo 83.
Foine 25.	Panis 108.
Forratura 27.	Panni de vetri 48.
Frumento 108,111,114.	Panni Jaloni 48.
Fustanea 50.	Panni larghi Russie 34.
Garofali 82.	Pelles 27.
Ghalla 83.	Pellicia 27.
Gioieli falsi 94.	Pelliparia 27.
Gradius 42.	Pennes 27.
Grani 108.	Pepe 80.
Granis tinctorum 34.	Planeta camocati 53.
Guarnacia 28.	Rame 39.
Guarnaihia 27.	Religio 94.
Guarninentum 43.	Rixo, rizo 119.
Iasdi, iassi 78.	Rebini 88.
Incenso 81.	Robbia 82.
Iocalia de cristallo 94.	Rotame de argento 38.
Iarra 55.	Saffiretum 88.
Kemha de Kefe 53.	Safireon 22.
Lama ferri 41.	Sale 125,126.
Lancia 43.	Salsa 83.
Leixi 120.	Sandali 82.
Lepus 27.	Sangue draghante 83.
Lignaminum 129.	Sarcia 50.
Lignaminum alborum 129.	Saturion 22.
Lignaminum laboratum 129.	Says 52.
Lignaminum pro urendo 129.	Scamandri 50.
Lignaminum tabullarum 129.	Scarlate 47.
Luciis 26.	Scarsella 38.

Schienali storioni 122.
 Selbeto 83.
 Selco de jurea 75.
 Seme nzina 83.
 Semesante 80,81.
 Sericum 53,76.
 Seta 75;
 cannauria 75;
 carnia 75;
 carusmisna 75;
 catua 75;
 del Mare Maggiore 119.
 di Tana 119.
 gorgiana 75;
 guielia 75;
 jurea 75;
 leggia 75;
 manzadiana 75;
 merdacaxia 75;
 organina 75;
 samacha 75;
 sechexia 75.
 Smeraldum 89.
 Spata latina 43.
 Speti 42.
 Stagno 39.
 Stamcn 53,76.
 Sucari 56.
 Taffetta 52.
 Tereta 43.
 Turcheyse 88.
 Vai 24.
 Vai bulgari 24.
 Vai organixi 24,80.
 Varnacia 24,28.
 Velluti 52.
 Venter 27.
 Veri 24.
 Vermiglone 46.
 Versino 83.
 Victualium 108,109,112,114,116.
 Vini Caphe 121.
 Virge argente 106.
 Xanici 78.

Zapis camuti 78.
 Zarbatana 43.
 Zenzero 82.
 Zetanin 50.
 Zibillino 22.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Адеи 58,69.
Адриатика 74.
Азия 9,15,43,44,66,67,71,72,75,77-79,81,82,87,88,90,91,93,145.
Азов 11,15,19,60,114,119,122,143; см.: Тана.
Ай Василь 151,159.
Аква Морта 105.
Ажкерман 18; см.: Белгород.
Алабли-лиман 104.
Александрия 21,26,32,69,74,79,113,129,131,132.
Алеппо 59,66,69.
Алмалык 67,95,150.
Алматы 67.
Алушта 98,100,109,121,143,151; см.: Луста.
Альмерия 111.
Альтолого 104.
Амасия 106.
Аму-Дарья 67.
Анапа 20,103; см.: Мапа.
Анатолия 77,91,93,115,116,119.
Ангара 68.
Англия 50.
Апхиал 108,110.
Аравия 58.
Арал 67.
Аргирия 106.
Армения 45,68,83.
Арыс 67.
Асколлы 50.
Асти 49.
Астрахань 19; см.: Хаджитархан.
Афганистан 88.
Африка 9,58.
Ахлат 66.
Ахтар 118.
Ачуев 102; см.: Ла Чичи.
Бабаевская 154,158.
Багдад 69,77,81.
Бадахшан 87.
Байбурт 106; см.: Пайперт.
Байкал 68.
Баку 85.
Балаклава 31,100,109; см.: Чембало.
Балаклавская бухта 100.
Балтика 16.
Балтия 74.
Балхаш 68.
Бальзимаки 161; см.: Печенегги.
Барселона 69.
Барсов Городок 68,71.
Баскунчак 126.
Басра 69.
Батияр 118,123.
Батуми 72,103; см.: Вати.
Бафра 118.
Бахрейи 85.
Бейсукский лиман 31,102; см.: Пеше.
Белгород 18,21,60,69,99,102,108,143,144.
Белогорск 18.
Белозерье 19.
Белоруссия 17.
Белый Колодец 152,157.
Бендер Аббас 67; см.: Ормуз.
Бендер-Эрегли 104; см.: Ираклия Понтийская.
Бергамо 133.
Бердянск 101; см.: Полониси.
Берсеневка 153,158.
Бнармня 71.
Бизерта 111.
Бистрица 133.
Богодаровка 154,160.
Болгария 33,102,108,135.
Болгары 14; см.: Булгар.

Большая Ремизенка 154,158.
 Бомборская бухта 103; см.: Каво
 де Буксо.
 Босфор 7,10,30,39,57,112,113,
 115,120,123,129,132,133.
 Брюгге 69.
 Брянщина 18.
 Бугский лиман 103.
 Буда 69.
 Булгар 14,20,21,59,68,70,110,
 130,141,144.
 България 20,24.
 Бурса 53,64,79.
 Бухара 69,71,78.
 Бьярмаланд 71; см.: Биармия.

 Вайгач 29.
 Валахия 36,127.
 Варна 99,102,108,110.
 Вати 69,72,75,99,103,116,123,133.
 Ватица 103.
 Великий Устюг 13,17,21,60.
 Венгрия 74,130,133,145.
 Венеция 11,12,17,21,25,30-33,35,
 37,51,61,69,72,74,76,81,91,92,94,
 107,109,112,113,116,119,123,125,
 128,129,131,146,149.
 Верхне-Алексеевка 153,160.
 Византия 16,20,31,35,43,50,85,
 89,105,110,113-116,119,120,123,
 125,128,135,146.
 Вилково 102; см.: Ликостомо.
 Витри-ле-Франсуа 48.
 Виченца 63.
 Вичина 99,101,108,114.
 Владимир-Вольпский 17,21.
 Волга 13,19,20,31,36,46,49,60,67,
 68,137,139,140,141.
 Вологда 21.
 Воспоро 58,72,93,99,101,108,110,
 116,118,143,161.

 Гагры 103; см.: Какари.

Газария 7,11,12,24,47-49,73,79,
 83,101,108,110,116,119,126,128-
 130,143.
 Газна 96.
 Гаипду 85.
 Галицкая Русь 145.
 Галац 154.
 Гамалекко 67; см.: Канбалык.
 Ганьсу 67.
 Гаэта 57.
 Гдапск 74; см.: Данциг.
 Геленджик 52.
 Генуя 7,11,12,21,23-26,28,31-35,
 37,39,40,43,44,47,50,51,57,69,75,
 76,84,91,100,105,107,109,111-114,
 116,119,123,125,128-133,146,149,
 150.
 Германия 17,35,48,50,73,74,77,
 81,84,106.
 Гилян 53,75.
 Гиресун 57,103; см.: Керасунт.
 Годлик 103.
 Горган 75.
 Горзувиты 99,100.
 Готия 109,119,121.
 Гродно 81.
 Грузия 75,116,119,128.
 Гуджарат 77,81.
 Гумиста 106.
 Гурзуф 100; см.: Горзувиты.
 Гюмюш 106.
 Гюмюшхане 106.

 Далмация 41,57.
 Дамаск 32,69.
 Дакия 18.
 Данциг 69,74.
 Двужорная бухта 100; см.:
 Перфилима.
 Делы 8,67,70.
 Дербент 66,69,72,137.
 Десна 141.
 Дешт-и-Кыпчак 49,93.
 Джагатай 94.

Джалита 143.
Джидда 76.
Дмитров 17.
Днспр 18,103,108,116,127,140,
141.
Днестр 139.
Дон 8,13,14,18,20,45,46,61,68,
108,110,114,122,123,127,129,137,
139-141.
Драпях 152,157.
Дубровишк 12; см.: Рагуза.
Дунай 74,102,110,114,139,145.
Дураццо 69.
Дуэ 47.

Евпаторийский залп 98,109.
Евпаторийское озеро 98.
Евпатория 44,98; см.: Лс Фети.
Европа 10,24,28,32,47,49,50,53,
54,71,94.
Египет 25,26,29,43,55,62,91,128-
134,146.
Ейск 101,151,160; см.: Заккария.
Ейский лиман 101,122,143.
Еписей 68.

Железные Врата 66,93; см.:
Дербент.
Жид 76; см.: Джидда.

Завида 99,100.
Загора 33,102,108,110,116,128.
Зайтон 70,71.
Заккария 99,101,110,143.
Заморье 20,27,29,34,35,44,62.
Заонсжье 19.
Зауралье 13,17.
Зихия 72,110,111,116,118,128,
161.
Зихия Альба 103,111,118.
Зихия Маура 103,111,118.
Золотая Орда 10,16,19,48,49,67,
75,94,108,113,128,137.

Ибица 124.
Ивановское 68; см.: Увек.
Иерусалим 63.
Изяславль 40.
Иллирия 37.
Илличе 18,99,103,116,118.
Индир-лиман 57.
Индия 3,46,67,71,74,78,82,83,
85,89,90,92-94,96.
Индостан 67,71,82.
Иней 104,107.
Ипкерман 100; см.: Каламита.
Иполн 161.
Ипр 47,48.
Ираклия Понтийская 104,132.
Иран 89,90.
Иртыш 68.
Искер 68,69.
Испания 31,32,37,41,45,54,74,
123.
Истр 114; см.: Дунай.
Италия 3,7,17,29,31,33,36,43,62,
63,77,80,84,86-89,94,96,105,110,
111,115, 116,120,122,124,125,128-
130,133,135,146.

Йезд 53,67,69,78,91.

Кабарди 99,101,110,161.
Каваллари 101,116.
Кавказ 25,27,36,44,49,52,53,73,
75,83,103,106,107,119,125,130,
135.
Каво де Буксо 103,119,129.
Кадис 50.
Казань 13,19,21,30,69,144,145,
153,160.
Каир 69.
Какари 103.
Калабрия 41.
Каламита 100,134.
Калитра 99,100.
Калтур 87,89.
Калоллимен 103.

Кама 20,68,141.
Камбей 78,89.
Каменец-Подольский 13,17,38.
Камесу 67,70,150.
Канбальк 12,66-68,71,93,95,150.
Кандия 57.
Карабах 75.
Каракорум 68,70.
Карасу-Базар 18,119.
Каркинит 134.
Каркинитская бухта 134.
Кастий 72.
Кассай 67,70,150.
Кастамону 39,66,104,107.
Качалинская 68.
Кашан 78.
Кашгар 70,71,77.
Кендук 88.
Керасунт 57,103,106,115,120,
125.
Керман 67,69,88.
Керчь 58,101,143,151,159; см.:
Воспоро.
Киев 10,13,18,21,61,62,130,144,
154,160.
Кизил-Яр 98.
Кишкия 78.
Кишья 18,69,74,99,102,110,114,
129.
Кинчигирь 100.
Кипр 12,21,23,27,39,41,56,58.
Китаевка 152,157.
Китай 8,66,67,71,73,74,78,82,85,
87,90-96,149,150.
Кичик-Бель 98.
Кишлав 137,151,159.
Кодош 116.
Коктебель 100; см.: Калитра.
Коломна 18,19,21.
Колония 104.
Комания 110.
Конестази 100,108,115.
Константинополь 7,8,14,16,19,
21,25,29-31,33,35,40,47,60,61,81,

99,105,107,111,113-116,119,122,
123,128,129.
Кончи 68.
Конья 66.
Копя 20,24,72,79,99,102,110,118,
122,123,125,126,128,130,143.
Кострома 30.
Котор 57.
Котроп 57.
Краков 7,69,73.
Красивая Меча 18.
Кремона 49.
Крит 21,57.
Крым 6,7,10,11,13,15,20,24,25,29,
30,36,37,43-45,48,49,53-55,61,64,
66-68,71,74-76,81,84,86,91,92,98,
100,103-108,111-115,120,121,124-
128,130,131,134,139,140,142,143,
145,151,152,154,159.
Куба 103.
Кубань 26,49,113,122,123,130,
139,141.
Кугурешты 145,154,160.
Куилон 70,71.
Кульджа 67; см.: Алмалык.
Кума 141,143.
Куны-Ургенч 67; см.: Ургенч.
Кыз-Аул 101; см.: Каваллари.
Кыпчак 72,74; см.: Дешт-и-
Кыпчак.
Кырпицы 145,154,160.
Кьоджа 125.

Ладжихан 75.
Лазистан 130.
Лангедок 149.
Лапльчжоу 67; см.: Камесу.
Ла Чичи 99,102,122.
Левант 31,83,84,91,94-96,119.
Ле Фети 98,99,108,109,112,116,
161.
Ливадия 151,159.
Лигурия 32,49,50.
Ликостомо 99,102,110,114.

Лимнии 57,120.
Литва 52,56,144,146,154.
Лобуосом 161.
Лондон 12,69,95.
Лукка 51,75,119.
Луста 99,100,143.
Львов 7,10,18,21,53,62,69,73,76,
81,133.

Мадагаскар 82.
Маджар 20,21,130,141.
Маджары 152.
Мазендеран 71.
Майлапур 70.
Майорка 131.
Малабар 81.
Малага 111.
Малине 92.
Малое Маресьево 153,158.
Мамай-Кале 103; см.: Куба.
Мангун 109.
Мапа 20,21,99,103,111,116.
Мариенбург 74.
Масса 39.
Матрега 20,21,58,62,69,72,93,99,
102,111,116,118,121,128.
Мачин 102; см.: Вичипа.
Мекка 29,62,63.
Меотида 114.
Мервский оазис 71.
Месембрия 99,102.
Мешхед 71.
Милан 48,61.
Мисюръ 62; см.: Египет.
Миус 24,101,127; см.: Россо.
Михайлов 18,139.
Модена 95.
Можайск 17.
Молдавия 35,106,109,127,135,
154.
Молотицы 152,157.
Молочная 101,127.
Молукские острова 82.

Монкастро 18,108-110,114,118,
143; см.: Белгород.
Мордовия 140,153.
Москва 13,14,17-20,29,30,49,51,
54,56,60-63,69,74,77,82,87,90,121,
138,141.
Московия 13,18,25,44,52,54,59,
61,63,76,86,126.
Мосул 69,78.
Мурано 94.
Муром 30,145.

Нвота 154,158.
Неаполь 21,43,57,69,129,149.
Несебр 102; см.: Месембрия.
Нижний Новгород 19,21,30.
Никея 20.
Нимич-Касы 153,157.
Нипо 104,125.
Нишапур 71,88.
Новара 49.
Новая Земля 29.
Новгород 17,18,21,32,38,60,63,
69,86.
Новгород-Северский 141.
Новороссийская бухта 103.
Новый Сарай 20,49,92.
Нюрнберг 69,74.

Объ 22,59,68,71.
Овак 19; см.: Азов.
Ока 19,139,140.
Олешье 18.
Опук 100; см.: Чиприко.
Орда 56,108,141,144; см.: Золо-
тая Орда.
Орлеан 49.
Ормуз 67,69,71,82,85,86.
Орхон 68.
Остунн 49.
Отрар 67,70,73,150.

Павия 43,133.
Пайперт 106.

Палестина 15.
Паракино 145,153,158.
Париж 69.
Паролиме 57.
Пекин 12,67; см.: Канбальк.
Пера 11,12,33,48,57,74,79,91,110,
114-116,122,125,128,133,135,161.
Пергам 45.
Переволока 13,20,68,137.
Перекоп 18,68,129,137.
Переяславль 17.
Пермь 21,69.
Перпиньян 47,149.
Персия 67,77,78,82,85.
Перуджа 50.
Перфидима 100.
Петровка 152,157.
Петровская 152,159.
Печенеги 101,122,161.
Печора 3,13,17,23,62,73.
Пеше 31,49,69,99,102,161.
Пиза 21,69,111,112,119,128,129.
Пинегга 13.
Пицунда 103.
Поволжье 24,32,68,110,126,128,
130,137.
Подоллия 144,145.
Подонье 122,125,126,128.
Полесье 26.
Полониси 99,101,110,161.
Польша 7,34,73,81,83,133.
Поперинге 47,48.
Порто Пизано 99,101,110,161.
Португалия 74.
Поти 72,103; см.: Фассо.
Приазовье 113,114,124,135.
Прибайкалье 68.
Прибалтика 17.
Прииртышье 68.
Прикаспий 67,72,123,143.
Прикумск 20,141 см.: Маджар.
Приморско-Ахтарск 102,122;
см.: Сан Джорджо.
Приобье 68.

Приполярье 3.
Приуралье 140.
Прованс 105,111.
Провен 47.
Протока 102.
Прут 139.
Псков 32,38.
Пшады 103.
Пышма 20,68.

Рагуза 12,21,69.
Райковицы 154,160.
Райчур 87.
Рим 63.
Рогожкино 153,157.
Романия 7,9,11,42,45,47,76,121,
128,131.
Россия 30,61,74,89,145.
Россо 24,31,49,75,99,101,110,161.
Ростов 15.
Румыния 102,154.
Русь 7,13,16,24-27,33,34,43,44,58,
61,64,88,90,92,126.
Рязань 18,19,21.

Савасто 66,69,94,104.
Савастополь 69,72,99,103,106,
116,120,128,133.
Савона 50,112.
Сайгатинно 68.
Саки 98.
Салины, Ле Салине 98,99,101,
125,127,134.
Самара 14.
Самарканд 66,69,71,93,119.
Самастро 79,115,116,132.
Самсуи 104; см.: Симиссо.
Сан Анджело 106.
Сандатовское 152,160.
Сан Джорджо 31,49,101,102,110,
161.
Саратов 68.
Сардиния 37,124.
Сарды 89.

Сарай 8,12,19-21,45,49,62,67,69,
72,92-95,149.
Сарайчик 67,149,150.
Сарайчиковская 67.
Светино 145,153,157.
Святые Земли 16,132.
Севастопольская бухта 100.
Северский Донец 141.
Селитренное 19,52; см.: Сарай.
Сенгилеевский леспромхоз 153,
157.
Сибирь 3,13-16,19,20,22,23,26,40,
59,66,68,71.
Сивас 66; см.: Савасто.
Симера 118.
Симиссо 69,77,79,99,104,106,107,
115,116,118,120,123,132,133.
Синоп 21,39,69,79,99,104,106,
107,124,125,132,133.
Синуб 104; см.: Синоп.
Синяевское 101; см.: Порто Пн-
зано.
Сирет 109.
Сирия 53,55,56,62,77,111.
Сицилия 131.
Скандинавия 13,62.
Славянск-на-Кубани 20,102; см.:
Копя.
Смирна 123.
Смоленск 18,21.
Смоленщина 17,18,32.
Сокотра 83.
Солдайя 37,99,100,105,118,121,
135.
Солкат 18,31,36,45,52,54,56,58,
68,72,75,77,105,108,125,138,139,
142.
Сольтание 66; см.: Султания.
Сосница 154.
Средиземноморье 27,32,52,112,
129.
Ставрополье 143.
Стамбул 128; см.: Константи-
нополь.

Старые Буды 154,160.
Старый Крым 18,138,141,143,
151,159; см.: Солкат.
Судак 17,100; см.: Солдайя.
Султания 66,67,69,71,72,78,86.
Сургут 68; см.: Барсов Городок.
Сурож 17,37,60; см.: Солдайя.
Сухуми 72,103; см.: Савасто-
поль.
Сучава 18.
Сыр-Дарья 67.
Таванский Персвоз 18,144.
Тавда 22.
Таганрог 101; см.: Кабарды.
Тамань 20,102,141,143; см.:
Матрега.
Тапа 6,13,19,21,24,25,31,45,46,49,
58,61,67-69,72,74,76,77,79,84-86,
93,95,99,101,105,110,111,113,114,
118,119,122,123,127-129,143,149,
150,161.
Тапанс 61,73,114,127.
Тар 101,110,161.
Татария 11,25,47,58,67,73,74,153.
Таш-хане 107.
Тверь 15,17,21.
Тебриз 29,66,69,71,75,78,81,92,
95.
Тифлис 69.
Тобечикское озеро 100,125.
Тобол 68.
Тобольск 68; см.: Искер.
Токат 53,60,64.
Тоссо 75; см.: Россо.
Трабзон 103; см.: Трапезунд.
Трапани 111.
Трапезунд 21,37,50,69,71,72,77,
78,85,91,95,99,103,106,107,115,
116,120,123,125,128,132,135,146.
Трилья 57.
Триполи 21,36.
Троада 46.
Тула 21,47.

Тулуза 47,149.
Тунис 111.
Тура 20,68.
Турайск 154.
Тури 149.
Турпия 57.
Турция 27,57,94,103,118,120.
Тхана 70,96.
Тцанихи 106.
Тюмень 21,59,68-70.

Увек, Укек 68,69.
Узунларское озеро 125.
Украина 6,33,34.
Улу-Сала 151,159.
Урал 13,16,19,22,25,29,34,47,59,
68,145.
Ургенч 8,24,66,67,72,73,80,92,93,
95,149,150.
Устюг 17.
Утриш 103,118.

Фабриано 32,49.
Фарос 120.
Фассо 72,99,103,123.
Фатса 103; см.: Ватица.
Феодоро 105,109,134.
Феодосия 15,109,136-138,143,
150,151,159.
Фермо 50.
Фландрия 50,92.
Флоренция 34,44,51,69,84,92.
Фокея 104.
Франция 32,48,50,87,105,123.
Фучжоу 85.
Фуцзянь 91.

Хаджигархап 19-21,49,67,69,86,
92,96,149.
Хайфа 21.
Халдия 103.
Халев 66; см.: Алеппо.
Халивия 104.
Халкедон 89.

Халкидика 45.
Ханчжоу 67; см.: Кассай.
Хвалово 152,157.
Херсон 99,100,105,108,109,114,
122.
Херсонес 151.
Хиос 12,21,39,43,91.
Хорезм 66,91.
Хрисокефал 120.
Христофоровка 153,157.
Хэцзян 78.

Царевское 20,52; см.: Новый
Сарай.
Царьград 17 см.: Константино-
поль.
Цейлон 82,85,88,90.
Цемес 103,116.
Цзясин 78.
Цюаньчжоу 71,85; см.: Зайтон.
Цюнду 88.
Цюрупинск 103; см.: Илliche.

Чауда 100; см.: Завида.
Чембало 31,49,99,100,116,118,
121,122,135.
Черкасы 18,21.
Черкесия 72 см.: Зихия.
Чернигов 18,21.
Черновцы 18.
Чехия 35,145.
Чжосян 78.
Чимги-Тура 3,14,68,71.
Чиприко 99,100,115,125.
Чувашия 140,153.
Чулым 68.
Чусовая 20,68.

Шалон 149.
Шалон-сюр-Марн 48.
Шам 53,62; см.: Сирия.
Шампань 48.
Шарепый Бугор 153,157.
Швеция 18.

Шебин-Карахиссар 104; см.:

Колония.

Шевелевка 152,157.

Шеки 75.

Шемаха 69,72,75,78.

Шугнан 88.

Эгю Морт 105; см.: Аква

Морта.

Эльба 41.

Эрзинджан 71,78.

Эрзурум 69,71.

Эфиопия 20.

Югра 59.

Ява 81,82.

Ялта 143; см.: Джалига.

Янчжоу 96.

Ярославль 17,19,21,30.

Яссы 18.

Яффа 21.

Ailifeti 98.

Albocastro, Asprokastron,

Akkerman 102.

Aziachon 116.

Bacinachi, Baltimachi, Bazinaqui,

Bazingho, Bexenciin 101.

Bambyce 54.

Calinimen, Calolimen 116.

Cenbale, Cenbaro, Cembano,

Cibano 100.

Cerssona 100.

Cetatea Alba 102.

Chatan 74.

Colpa, de la 24.

Cubatuba 116.

C. Buxio, C. de Buxo 103.

Daromegatar, Daromegarre 101,
122.

Horgaci 72.

Ipoli 100.

Janua 36.

Juprico 100.

Li porti 101.

Lobuosom 101.

Lo fiume Rosso 101.

Lo ianch 122.

Lo Tar 101,122.

Lumprico 100.

Magno Tar 101,122.

Maurocastro, Moncastro, 102.

Mo Lacho 103.

Oinaion 107.

Perusrani, Pezorani 17.

Pollonixi, Polonisi, Polixi 101.

Porto Buo, Porto Bo, P. de Buo
103.

Romania 39.

Ruga, de la 24.

Sencorco 102.

Sinbano 100.

Soria 52.

Tosso 24,75,101.

Trinixi 103,118.

Usezug 17.

Vahulzrani 17.

Wyssenbourg 102.

Zagatai 13.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуллах 136,137.
 Абдуллах ибн Ризван 67.
 Абдыл Афыз 62.
 Абрам, армянин 110.
 Агнесса, абхазка 133.
 Агрон, жидовин 61.
 Адорно, Галсотто 95.
 Азиз-Шейх 136.
 Айбабин А.И. 4.
 Аккосо, мусульманин 123.
 Алевиз Новый 64.
 Алексеев, Гриша 61,144.
 Альберт Великий 22,44.
 Аль Макризи 25.
 Амин аль Холи 9.
 Ангелов, Мануил 61.
 Андрей Дмитриевич, князь
 Можайский 153,157.
 Андрей из Россни 61.
 Андроник II 113.
 Аноним Тосканский (Флорен-
 тийский) 12,41,46,68,92,98,101,
 149.
 Апьезе, Баттиста 15,103.
 Аргун, хан 29.
 Аргун-Шах 137,150.
 Аристотель 22.
 Арнольд из Виллановы 56.
 Ахмед, сарацин 77.
 Аштор И. 8.
 Багатур из Солката 125.
 Бадозр, Джакомо 13,25,30,31,33,
 41,46,54,81,119,123,128.
 Бадян В.В. 6.
 Байер С. 5.
 Балар М. 8,9,33,42,122,124,130.
 Баллетто Л. 4,9,42,111,122.
 Бальби Дж. 4.
 Баранов И.А. 4.
 Баратье Э. 8.
 Барбаро, Иосафат 13,124,126.
 Барди 12.
 Баязет I 137,150,151.
 Баязет II 137,150.
 Бек-Пулад 136,150.
 Беллиньяно, Никколо, де 33,43,
 81,86.
 Бельграно Л. 7.
 Бельтраме, Никколо 86,105,125.
 Бембо, Джованни 13,61.
 Бенинказа, Грациозо 98,103.
 Берадзе Т.Н. 106.
 Бергамо, Руссетто, де 133.
 Берке, хап 94.
 Бертолотто Дж. 7.
 Бертъе-Делагард А.Л. 6.
 Бирдибек, хап 136.
 Близпок С.В. 9.
 Богданова Н.М. 9,114.
 Боккаччо, Джованни 50,95.
 Болонья, Лодовико, да 20.
 Борис Римлянин 64.
 Борланди Ф. 8.
 Боссоно, Никколо 134.
 Ботье А. 8,98.
 Боццоло, Никколо 42.
 Бродель Ф. 9,79,119.
 Брун Ф.К. 6.
 Брэтнану Г. 7,8,122.
 Бусико, Жан ле Менгр, де 12.
 Василий Великий 55.
 Василий III 138,150.
 Васильев, Степан 60.
 Верлинден Ш. 8,130.
 Винья А. 7.
 Висконти, Пьетро 14,100,103,
 125;
 Филиппо Мария 150.
 Витовт 18.
 Владимир Ольгердович 142.
 Волков М. 6.

Вольпе, Джан Баттиста, дела 63.

Вольтаджо, Мартино 43.

Галонифонтский, Иоганн 13,53, 89,94.

Гатта, Николетто 24,25,27.

Гаттилузи, Энрико 57.

Гатуччи, Лафранкино 71.

Гейд В. 5-7,66.

Георгий, армянин 110.

Герасимов, Дмитрий 13.

Герберштейн, Зигмунд 13.

Герцен А.Г. 4.

Гизольфи, Бускарелло 71;

Заккария 29,62.

Гирей 136,140,141,150-152.

Гольдшмидт И.А. 6.

Градениго, Джованни 138.

Григора, Никифор 114.

Грушевский Н. 6.

Дандоло, Андреа 138;

Андреоло 95;

Франческо 36,38,138.

Даниил, игумен 16.

Данилова Э.В. 6.

Дарраг А. 9.

Датини, Франческо 13,72.

Девлет-Берди 108,137,140,150, 154.

Дезимони К. 7.

Деппан Ж. 5.

Дервиш, хан 152,157.

Джабар-Берди 136.

Джакомо, купец 96.

Джакомо, монетчик 64.

Джанибек, хан 72,136.

Джелал ад-Дин 136,153,158.

Джиролиди, Джакомо 103.

Джовио, Паоло 13,58,71.

Джоффри Д. 8,130.

Джустиниани 117.

Джучиды 141,145.

Дзено, Райнерио 38.

Дмитрий Донской 19,20,44,49, 62.

Доменико, бронзолитейщик 135.

Дубецки Н. 7.

Дюль С.4.

Жуков К.А. 4,9.

Заккария, Бенедетто 111;

Мануэле 111.

Зевакин Е.С. 6.

Зела, Георгий, де 123;

Николай, де 123.

Иблан 137.

Ибн Арабшах 66.

Ибн Баттута 14,20.

Ибрагим, мусульманин 123.

Иван Иванович, князь Московский 49.

Иван Калита 36.

Иван III 18,52,61,86,138,142.

Иван IV 142,152,159.

Икономидис Н. 9.

Иллионе 96.

Иналджик Х. 9.

Иоанн Креститель 36.

Исайко 61.

Исидор Севильский 26.

Йорга Н. 7.

Кабелла, Антонио 116.

Казимир IV 73.

Калоян, Арникита 110.

Калоян, грек 123.

Камалия, Абрам 77.

Кампензе, Альберто 13,16.

Кампофрегозо, Лодовико 12.

Канале М., да 5.

Канестрини Дж. 5.

Кантеле, Франческо, де 81.

Капмани А., де 5.
 Карелло, Марко 49.
 Карл IV Валуа 89.
 Карпов С.П. 4,8,9,106,115,120,
 130.
 Карышковский П.О. 4.
 Кедар Б. 8.
 Кеппен П.И. 6.
 Керим-Берди 153.
 Кибяк, хан 154,158.
 Кильдибек 136.
 Кирпичников А.Н. 4.
 Клавихо, Рюи Гонсалес 13,66,
 71,93,107.
 Климанов Л.Г. 4.
 Климент VI 117.
 Ковалевский М.М. 6.
 Кожемяка 30.
 Кокома, Никита 107.
 Кокос, Хозя 61,86,87.
 Колли Л.П. 6.
 Комнины 37.
 Кондок, грек 123.
 Кондратьев С.В. 4.
 Константин 117.
 Контарини, Амброджо 13;
 Доменико 36.
 Контти, Джованни 95.
 Крамаровский М.Г. 4,151.
 Кривелли, Карло 52.
 Кулаковский Ю. 6.
 Курбатов Г.Л. 4.
 Кутшеба С. 7.
 Къярини, Джорджо 12,45,54,79.

 Лабиб С. 9,28.
 Лазарь, армянин 76.
 Ланнуа, Жильбер 13.
 Лаю-Томадакис А. 9
 Лев X 74.
 Левицки С. 7.
 Леркари, Джульельмо 130.
 Литвин, Михалон 18.
 Ломбар М. 8.

Ломеллино, Джанотто 133.
 Лопец Р.С. 8.
 Лоран А. 8.
 Лоредан, Джованни 49,92,94,96;
 Франческино 95.
 Лукалонго, Пьетро 71,95.
 Луксоро Т. 98.
 Людовик Венгерский 73.

 Мажуга В.И. 4.
 Маловист М. 7,60.
 Мамай 44.
 Мамырев, Данила 61.
 Манфронти К. 7.
 Манцодео, Бернардо, де 23,27,
 49,106.
 Мариньоли, Джованни 13,68.
 Мария, мингрелка 133.
 Марта, готка 133.
 Мас-Латри Ш. 5.
 Махмуд бен Мухаммед бен Ти-
 мур 151,159.
 Мачке К.-П. 4,9,114.
 Мевиль М. 5.
 Медведев И.П. 4.
 Медичи 13,80.
 Мелксиз из России 61.
 Менгли-Гирей I 61,134,137,142,
 151,152,154,159,160.
 Менгли-Гирей II 142,151.
 Менгу-Тимур 136,139,150.
 Мехмед I 137.
 Мехмед II 27,137.
 Меховский, Матвей 34.
 Мигяй 19.
 Михаил Андреевич, князь
 Верейский 152,157.
 Михаил VIII Палеолог 131.
 Михаил Федорович, царь Мо-
 сковский 151,159.
 Модена, Джилотто, ди 95.
 Моноян, грек 110.
 Монтекорвино, Джованни 13,
 66,67,71.

Мороццо делла Рокка Р. 8.
 Мочениго, Джованни 151.
 Муралевич В.С. 150.
 Мурат I 137.
 Мурзакевич Н.М. 6.
 Мурта, Джованни, ди 109.
 Муссо Дж. 8.
 Муссо, Марко 113.
 Мустафа, хан 153,160.
 Мухаммед бен Тимур 153,157.
 Мухаммед-Булак 136.
 Мыщ В.Л. 4.
 Мюллер Г. 7.

 Наранци Д. 5.
 Насир ад-Дин Аллах 136.
 Науруз 136.
 Науруз-Шах 137,150.
 Некомат 20.
 Нестор 16.
 Никитин, Афанасий 3,14,18,63,
 64,71,87,90,91.
 Никон 52.
 Нистазопулу М. 9.
 Нистор Й. 7.
 Нодер, Франческينو, де 95.

 Оган из России 61.
 Одерико Г. 5.
 Одо из Мена 104.
 Окэ Ж. 124.
 Оливерьо, Ансальдо, де 92;
 Джакомо, де 92,96.
 Омар 125.
 Орландини В. 7.
 Орто, Андреа, дель 130.
 Оттоман 123.

 Павия, Франческо, де 133.
 Палларес Ф. 4.
 Паньини делла Вентура Дж. 8.
 Пашин С.С. 4.
 Пеголотти, Франческо Бальдуч-
 чи 12,27,32,49,67,68,73,79,101,

102,104,109,110,122,128,161.
 Пенчко Н.А. 6.
 Перкамота, Георгий 61.
 Перша 61.
 Петек Л. 8.
 Петрарка, Франческо 50.
 Петров, Гаврила 61.
 Пилоти, Эммануэле 14,132.
 Пимен 19.
 Пинелли 101.
 Пистарино Дж. 4,9.
 Плано Карпини, Джованни,
 дель 13.
 Плиний 27.
 Подушка, Иван 61.
 Поло, Марко 13,68,77,87,91,94,
 95,147;
 Маттео 68,94;
 Никколо 68,94.
 Половинкин Н.С. 4.
 Пономарев А.Л. 9.
 Попцо, Антонио, ди 114.
 Порденоне, Одорико, да 71.
 Портовенере, Франческо, де
 110.
 Потин В.М. 4.
 Примодэ Э., де ля 5.
 Принцинг Г. 4.
 Пулад, хан 136,140,152,153,157,
 158.
 Пунку Д. 4.

 Ралев, Дмитрий 61;
 Мануил 61.
 Рашид-ад-Дин 14.
 Романчук А.И. 4.
 Россо, Никколо 49.
 Рублев, Андрей 64.
 Рубрук, Гильом 13,68,126.
 Руссо, Джакомо 15.
 Рутенбург В.И. 4.

 Сава 110.
 Савиньон, Андало, де 68,93,94;

Пьетро, де 24.
 Сададдин 123.
 Сакран 131.
 Сальваго, Бьянко 130.
 Самбучето, Ламберто, ди 35,48,
 49,57,94,102,104,111,114,115,123,
 125,129,130,134.
 Саркис, армянин 110,129.
 Саули Л. 7.
 Святой Георгий 40.
 Святой Евгений 37.
 Святой Марк 36.
 Святой Прокопий Устюжский
 63.
 Святой Фома 117.
 Северак, Журден, де 71.
 Сегараджа 125.
 Сейид Ахмед 154,158.
 Секиринский С.А. 6.
 Сенарега 103.
 Сивекинг Х. 7.
 Сигизмунд III 74.
 Скарья, Захарий 18,63.
 Скварчинафико, Анджело 133.
 Скржинская Е.Ч. 6,13.
 Смолянин, Игнатий 14,16.
 Солари, Пьетро, Антонио 64.
 Соколов Н.П. 6.
 Соранцо, Пьетро 30,95.
 Старокадомская М.К. 6.
 Степаненко В.П. 4.
 Стефан III 36,110.
 Страх, Иван 61.
 Стрина Б.Л. 4.
 Сулейман 137.
 Суюргатмыш 153.
 Сыроечковский В.Е. 6.

Тайбуга 71.
 Тайчаддин 76,81.
 Тамерлан 89,94.
 Тарахги 137,138.
 Тарди Л. 8,130.
 Тариго, Лука 137.

Тафель Г. 7.
 Тафур, Перо 13,85.
 Таш-Тимур 137.
 Теодор 110.
 Терпи, Тоби, де 23.
 Тимур 13,94,137,152,153,157.
 Тимур-Кутлук 136,137.
 Тодорова Е. 101.
 Токта, хан 136.
 Токтамыш, хан 136,137,150.
 Толстой И. 144.
 Томас Г. 7.
 Тонсо, Империаде 56.
 Траверсаньи, Джакомо 54.
 Туров С.В. 4.
 Тьеполо М.Ф. 4.

Узбек, хан /Юзбек/ 131,136,151.
 Узодимаре, Антонио 13.
 Улу-Мухаммед, хан 140,151,153,
 154,157,159,160.
 Уццано, Джованни ди Антонио,
 да 12.

Фануччи Дж. 5.
 Фасмер М. 90.
 Фелицын Е.Д. 6.
 Теофан, Грек 64.
 Ферретто А. 7.
 Фехнер М.В. 6,30.
 Фиорованти, Аристотель 64.
 Фишер, Иоганн 74;
 Конрад 74.
 Фомичев Н.М. 4,153.
 Формалеони В. 5.
 Фредуче Алконский 122.
 Фридманн Э. 8,101.
 Фридрих II Гогенштауфен 28.
 Фрязин Андреа 3,62;
 Антон 62,63;
 Демьян 62,86;
 Матфей 3,62.

Хаджи-Гирей 151,153,159.

Хаджи Рамадан 125.
Хайр Пулад 136.
Халил Тимурид 152.
Харевич Л. 7.
Хеймпель Х. 8.
Хенниг Р. 8.
Хенрих Г. 4.
Хетум I 68.
Хозников, Семен 29.
Хозя Асан 61,87.
Хризостом, Иоанн 55.
Хызр 136.

Цуккелло, Пипьоло 13.

Челси, Лоренцо 24.
Чентурионе, Паоло 74.
Ченцова В.Г. 9.
Чиперис А.М. 6.
Чокре 71,152,157.
Шадибек хан 136,137,140,151-154.
Шан Жидовин 61.

Шаубе А. 8.
Шильтбергер, Иоганн 3,14,71,147.
Шрайнер П. 4,9.
Штекли Д. 4.
Штрессле П. 4,7.
Штремер, Ульман 74.
Штромер В., фон. 4,8.
Шукуров Р.М. 9.

Эванс А. 8.
Эльмуфаддаль 131.
Энрико III 13.
Эрнст Н. 6.
Эрс Ж. 8.

Юргевич В.Н. 6.
Юсуф 137.

Ялена, Георгий 123.
Ямгурчей 62.
Яхья 107,137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Кафа на путях “из варяг в греки” и обратно	16
Глава II. Кафа и “Великий шелковый путь”	66
Глава III. Север-Юг в масштабе регионального обмена	98
Заключение	147
Приложения	149
1. Тосканский Аноним. (О торговле в Кафе и Тане)	149
2. Тосканский Аноним. (О “Великом шелковом пути”)	149
3. Топография кладов и единичных находок монет Кафы	150
4. Карта распространения монет Крыма и Кафы	156
5. Состав кладов с дирхемами Кафы	157
6. Состав кладов с генуэзско-татарскими аспрами	159
7. Франческо Бальдуччи Пеголотти. (О пристанях Северного Причерноморья)	161
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	162
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	164
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	201
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	210
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	219

- Е 60 Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XV в. / Тюменский гос. университет.-Тюмень: МИ "РУТРА", 1996.-225, [2] с.: ил., схемы.

Предлагаемая книга являет собой попытку культурологического взгляда на сферу экономических отношений эпохи классического средневековья. Читатель найдет в ней сведения об особенностях обмена между Севером и Югом, становлении коммерческой техники, тех или иных товарных статьях, и реальном и ирреальном значениях в культурах того времени. Предназначена как историкам-специалистам, так и всем интересующимся предысторией современной коммерции и бизнеса.

ББК 63.3(2)43

Тех. редактор **В. Ч. Артуров**
Корректор **А. Л. Абызова**

Еманов Александр Георгиевич

**Север и Юг в истории коммерции:
На материалах Кафы XIII-XV в.**

ИБ № 032

Сдано в набор 25.08.1995 г. Подписано в печать 2.12.1995 г.
Формат 60х84 1/16. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная .
Бумага писчая № 1. Усл.-печ. 13 авт. л. Уч.-издат. 14,6 печ. л.
Тираж 1000 экз.

Малое издательство "РУТРА".
625051, г. Тюмень, ул. Олимпийская, 17-449.

Отпечатано в типографии ПК "Принт".
625014, г. Тюмень, ул. Республики, 252
Компьютерный набор и верстка ПКФ "Кормез" лтд г. Тюмень

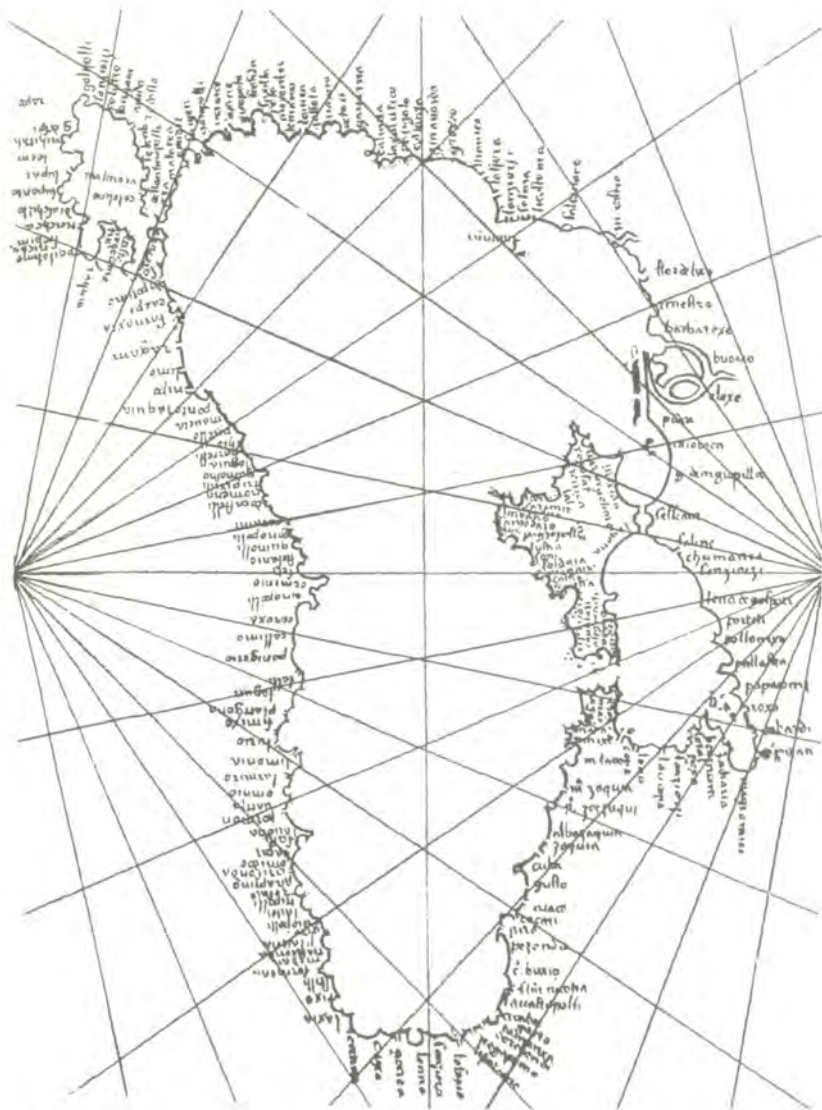

Рис. 30.

Карта Черного моря из Атласа Луксоро" /XIV в./ /138, tav.VIII/

